

**№1
(48)
2018**

BALTIJAS JURIDISKAIS ŽURNĀLS

Zinātniski praktisks starptautisks juridiskais žurnāls
Reģistrācijas Nr.000702731, reģistrācijas apliecība Nr.M1334
ISSN 1691-0702

Dibinātājs un izdevējs: SIA „Baltijas Starptautiskā akadēmija”
Reģistrācijas Nr.4000310180, Lomonosova iela 4, Rīga, Latvijas Republika, LV-1019

Baltijas Juridiskais Žurnāls ir iekļauts starptautiskajās datu bāzēs:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

SATURS

Civiltiesības

Marija Daņiļeviča	Tiesbattiecību tiesiska daba starp dzīvojamo māju pārvaldnieku un pakalpojumu sniedzējiem 4
Suzanna Kaliņina	Kredītiestādes riska vadības sistēmas pilnveidošana nelikumīgi iegūtu naudas līdzekļu atmazgāšanas (legalizēšanas) apkarošanas jomā ... 11
Salavat Diļmuhametov	Nenosaukto līgumu attīstības vēsture Kazahstānas, Latvijas un Vācijas civiltiesību jomā 17

Darba tiesības

Anžela Meļihova	Slēpto darba attiecību juridiskā būtība un veidi Igaunijā 28
------------------------	--

Civilprocess

Ilze Kaparšmite	Uzņēmumu pārstrukturēšanas vai tiesiskās aizsardzības process Latvijā 34
------------------------	--

Humanitārās tiesības

Eva Kauliņa	Izglītības pieejamības tiesiskās garantijas personām ar garīgās attīstības traucējumiem 47
Rihards Erdmanis	Izglītības tiesiskais aspekts un tiesības uz izglītību 58

Starptautiskās tiesības

Giga Abuseridze	Sabiedrības veselības politika un darba tiesības Pasaules tirdzniecības organizācijā 68
------------------------	---

Recenzija

Aleksandrs Baikovs	“V.Ņikiforovs. Lekciju kursi”. Rīga, 2018.- Recenzija 76
---------------------------	--

Visi raksti ir recenzēti. Recenzijas ir pieejamas žurnāla redakcijā.
Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas viedokli.
Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

Žurnālā ievietoto rakstu pārpublicēšana iespējama tikai ar redakcijas atļauju.
Citēšanas gadījumā atsauce uz „Baltijas Juridisko žurnālu” ir obligāta.

ŠAJĀ NUMURĀ TIEK IZMANTOTI STARPTAUTISKĀS ZINĀTNISKI PRAKTISKĀS KONFERENCES
„ZINĀTNE. TIESĪBAS. STABILITĀTE”, 2018. MATERIĀLI

**№1
(48)
2018**

BALTIC JOURNAL OF LAW

Scientific – practical international journal of law
Registration number 000702731,
certificate of reg. number M1334, ISSN 1691-0702

The Founder and Publisher: Ltd „Baltic International Academy”
Nr.of Reg. Nr.4000310180, Address: Lomonosova 4, Riga, Latvia, LV-1019

Baltic Journal of Law is registered in:
Russian Science Citation Index (RSCI)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

CONTENTS

Civil Law

Maria Danilevich	Legal nature of the jural relations between residential houses administrators and services providers.....4
Suzanna Kalinina	Improvement of risk management systems related to anti-money laundering in banking institution11
Salavat Dilmukhametov	The history of the development of non-defined contracts in the civil law of Kazakhstan, Latvia and Germany17

Labour law

Angela Melikhova	The legal nature and types of hidden employment relationships in Estonia28

Civil procedure

Ilze Kaparsmite	Restructuring of businesses or legal protection procedure in Latvia..... 34

Humanitarian law

Eva Kaulina	Legal guarantees of access to education for persons with intellectual disabilities.....47
Rihards Erdmanis	The legal aspect of education and the right to education..... 58

International law

Giga Abuseridze	Public health policy and labour rights in the World Trade Organization. 68

Book review

Aleksandr Baikov	«V. Nikiforov. Series of Lectures. » Riga, 2018. Book review..... 76

All articles are peer reviewed. Reviews are available in the journal.
The point of views of the authors may not coincide with the views and opinions of the editorial board.
For the accuracy of facts and information the responsibility lies with the authors.

Reproduction of any materials is permitted only after prior consultation with the editors.
In the case of citation, a reference to the «Baltic Journal of Law» is required.

THIS BJL ISSUE USES THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH-TO-PRACTICE CONFERENCE
“SCIENCE. LAW. STABILITY”, 2018

Балтийский Юридический Журнал включен в международные базы данных:
Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ)
Ulrich's Periodicals Directory
Index Copernicus International (ICI)
Central and Eastern European Online Library (CEEOL)
<https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=1932>

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское право

- Мария Данилевич | Правовая природа правоотношений между управляющим жилым домом и поставщиками услуг 4
- Сюзанна Калинина | Совершенствование системы управления рисками кредитной организации в сфере противодействия отмыванию (легализации) денежных средств..... 11
- Салават Дильмухаметов | История развития непоименованных договоров в гражданском праве Казахстана, Латвии и Германии..... 17

Трудовое право

- Анжела Мелихова | Юридическая природа и виды скрытых трудовых отношений в Эстонии..... 28

Гражданский процесс

- Илзе Капаршмите | Процесс реструктуризации или процесс правовой защиты предприятий в Латвии 34

Гуманитарное право

- Ева Каулия | Правовые гарантии доступности образования для лиц с отклонениями в психическом развитии 47
- Рихардс Эрдманис | Правовой аспект образования и право на образование 58

Международное право

- Гига Абусеридзе | Политика общественного здравоохранения и трудовые права во Всемирной Торговой Организации 68

Рецензия

- Александр Байков | Рецензия на сборник курсов лекций «В. Никифоров. КУРСЫ ЛЕКЦИЙ.» Рига, 2018. 76

Все статьи рецензированы. Рецензии доступны в редакции журнала.
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.
За достоверность фактов и информации ответственность несут авторы.

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.
В случае цитирования, ссылка на «Балтийский юридический» журнал обязательна.

В НОМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАУКА. ПРАВО. СТАБИЛЬНОСТЬ», 2018

*Marija Daņileviča, Mag.iur., doktorante
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija*

Tiesībattiecību tiesiskā daba, kas veidojas starp dzīvojāmo māju pārvaldnieku un komunālpakalpojumu piegādātājiem

Anotācija. Mūsdienu Latvijas likumdošana, neskatoties uz vairāk nekā divdesmit gadu pastāvošu daudzdzīvokļu māju pārvaldīšanas procesa regulēšanu, joprojām atrodas attīstības stadijā, kas pamato arī dažas nepilnības likumdošanā, kas saistītas ar daudzdzīvokļu mājas pārvaldīšanas procesu.

Dzīvojamo māju pārvaldīšanas procesā dzīvojamās mājas īpašnieks ir pārvaldīšanas subjekts (dzīvokļu īpašnieki daudzdzīvokļu mājā) – primārais subjekts, ar mājas īpašnieku (dzīvokļu īpašniekiem) iesaistītājas pārvaldīšanas procesā personas - starpsubjekti. Vairākos gadījumos starpsubjekts - pārvaldnieks piesaista citus starpsubjektus – pakalpojumu piegādātājus.

Šis raksts izpētē tiesībattiecību tiesisko dabu, kas veidojas starp dzīvojāmo māju pārvaldnieku un pakalpojumu sniedzējiem Latvijas Republikā.

Raksta mērķis ir veikt tiesībattiecību starp pārvaldnieku un komunālpakalpojumu sniedzēju tiesiskās dabas analīzi, lai turpinātu uzlabot Latvijas Republikas likumdošanu šajā jomā.

Atslēgas vārdi. Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likums, dzīvokļa īpašnieks, pārvaldīšanas subjekts, dzīvojamo māju pārvaldīšana, dzīvojamās pārvaldnieks.

*Maria Danilevich, Mag.iur., doctoral student
Baltic International Academy
Latvia*

Legal nature of the jural relations between residential houses administrators and services providers

Abstract. Modern Latvian legislation, despite more than twenty years of experience in process of regulation of residential houses administration, is still in the making. This also causes a number of gaps in legislation related to the residential houses administration process. In the residential houses administration process, the owner of a residential house (apartment owners in a residential house) is the subject of administration - the primary subject, the persons attracted by the owner of the residential house (apartment owners) for residential houses administration are the mediated subjects. In a number of cases, the mediated subject - the administrator of the residential house on behalf of the owners, attracts other mediated subjects - providers of public services. This article studies the legal nature of legal relations between the administrator of a residential house and public service providers in the Republic of Latvia. The purpose of the study is the analysis of the legal nature of the legal relations between the residential house administrator and service providers with the goal of further improvement of the legislation of the Republic of Latvia in this field

Key words. Law on Administration of Residential Houses, residential houses owner, the subject of administration, residential house administration, administrator.

Мария Данилевич, *Mag.iur.*, докторант
Балтийская Международная Академия
Латвия

Правовая природа правоотношений между управляющим жилым домом и поставщиками услуг

Аннотация. Современное латвийское законодательство, несмотря на более чем двадцатилетнее регулирование процесса управления многоквартирным домом все еще находится в стадии становления, что обуславливает и ряд пробелов в законодательстве, связанных с управлением многоквартирными домами. При управлении жилым домом, субъектом управления являются собственники жилого дома (квартирные собственники в многоквартирном доме) как первичный субъект; лица, привлеченные собственником дома (квартирными собственниками), для управления домом как опосредованный субъект. В ряде случаев, опосредованный субъект - управляющий от имени собственников, привлекает других опосредованных субъектов – поставщиков коммунальных услуг. Данная статья исследует правовую природу правоотношений складывающихся между управляющим жилым домом и поставщиками услуг в Латвийской Республике. Целью статьи является анализ правовой природы правоотношений складывающихся между управляющим жилым домом и поставщиками для дальнейшего усовершенствования законодательства Латвийской Республики в данной сфере.

Ключевые слова: закон об управлении жилыми домами, квартирный собственник, субъект управления, управление жилыми домами, управляющий.

Проблематика исследуемой темы и ее актуальность. Современное латвийское законодательство, несмотря на более чем двадцатилетнее регулирование процесса управления многоквартирным домом, все еще находится в стадии становления, что обуславливает и ряд пробелов в законодательстве, связанных с управлением многоквартирными домами.

Управление жилым домом предполагает любые действия по отношению к объекту управления, направленные на достижение целей, сформулированных собственником жилого дома. Таким образом, в управлении жилищным домом участвуют непосредственно собственник жилого дома, управляющая организация и подрядные (в т.ч. и коммунальные) организации.

Среди объектов недвижимости жилой дом выделяется, прежде всего, своей социальной значимостью. И с этим связаны более жесткие требования к состоянию жилого дома, к предоставлению коммунальных услуг и к обеспечению безопасности проживания.

По мнению Ю.С. Харитоновой “Управление в гражданском праве представляет собой функцию, которая основывается на господстве управляющего над лицом или имуществом. Это

господство (власть) порождает отношения в определенных рамках, на основании которых субъекты гражданских прав добровольно или по принуждению признают верховенство воли других субъектов, а также целевых, нормативных и ценностных установлений, и в соответствии с их требованиями совершают те или иные поступки и действия. Управление как функция реализуется путем ведения систематической, целенаправленной деятельности собственника или уполномоченных им лиц по сохранению и эффективному использованию имущества. Управление в гражданском праве представляет собой осуществление организационных функций, обеспечивающих достижение поставленных целей. В отличие от управления в частном праве как явления, управленческая, деятельность как его элемент представляет собой полномочие специфического органа организации, которая обеспечивает направление деятельности всех без исключения элементов организации, удерживает в допустимых пределах отклонение отдельных частей и организаций в целом от поставленных целей” [1].

Цель исследования. Анализ правовой природы правоотношений складывающихся между управляющим жилым

домом и поставщиками для дальнейшего усовершенствования законодательства Латвийской Республики в данной сфере. При управлении жилым домом, субъектом управления являются собственник жилого дома (квартирные собственники в многоквартирном доме) - первичный субъект, лица, привлеченные собственником дома (квартирными собственниками), для управления домом - опосредованный субъект. В ряде случаев, опосредованный субъект - управляющий от имени собственников, привлекает других опосредованных субъектов - поставщиков коммунальных услуг.

Управление многоквартирным домом, в котором жилые и нежилые помещения принадлежат нескольким собственникам, может осуществляться только на основе единых условий, которые согласует установленное законом большинство. Квартирные собственники сами могут выработать эти условия или делегировать свои права по их формированию управомоченному ими лицу, в том числе и управляющему, которое и будет представлять интересы всех собственников при выборе и заключении договоров с управляющими.

Организации, обеспечивающие процесс управления жилым домом и предоставления коммунальных услуг, являются, как правило, самостоятельными хозяйствующими субъектами - юридическими лицами. Данные организации могут иметь различную организационно - правовую форму и форму собственности.

Управление многоквартирным домом предназначено для решения следующих задач:

1) надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме и его использования;

2) предоставление коммунальных услуг, лицам проживающим в многоквартирном доме.

В Латвии подавляющая часть населения проживает в многоквартирных домах. Именно поэтому основной единицей, потребляющей услуги, является жилой дом в целом - совокупность всех собственников квартир, а не отдельный собственник квартиры. Это совершенно очевидно, если речь идет, например, о ремонте и содержании жилого дома. Если же мы говорим о коммунальных услугах, как например, потребление воды или отопление, то может показаться, что при установке

индивидуальных счетчиков, либо заключении индивидуальных договоров с поставщиками коммунальных услуг, в роли потребителя может выступать и отдельный собственник квартиры. Однако это справедливо только для текущего потребления (и то не в полной мере, поскольку есть и общее потребление дома).

В статье 17.2. «Закона об управлении жилыми домами» [2] предусмотрено, что договор об обеспечении необходимой для содержания жилого дома услуги заключают собственник жилого дома и поставщик соответствующей услуги. В свою очередь сособственники жилого дома или собственники квартир в жилом доме, согласно принятому решению собственников уполномачивают одно лицо, которое может быть также управляющим, заключить договор об оказании услуги. Уполномоченное лицо заключает договор об оказании услуги от имени всех собственников квартир. Статья 17.3. «Закона об управлении жилыми домами» вменяет в обязанность поставщику услуги заключить договор об оказании услуги и обеспечить возможность собственнику жилого дома рассчитаться за услугу:

1) самостоятельно, производя поставщику услуги прямые платежи. Наличие прямых платежей не отменяет действие заключенного уполномоченным лицом от имени всех собственников квартир договора об оказании услуги. В результате каждому квартирному собственнику выставляется индивидуальный счет. Также должно быть принято решение о порядке учета потребления услуги для общих нужд дома. Это подтверждает приведенное выше утверждение, что основной единицей, потребляющей услуги, является жилой дом в целом - совокупность всех собственников квартир, а не отдельный собственник квартиры. Также необходимо отметить, что эта модель прямых расчетов практически не применяется на практике в виду того, что на квартирных собственников ложится дополнительное финансовое бремя в виде оплаты не только самих коммунальных услуг, но также и услуг, связанных с предоставлением индивидуального счета квартирному собственнику от поставщика коммунальных услуг. В ряде случаев, при производстве расчета затрат для возможности предоставления индивидуального счета от поставщика коммунальных услуг квартирному собственнику, стоимость услуги составляла

18,00 евро за один счет.

2) собственник жилого дома имеет право дать задание уполномоченному лицу, которое может быть также управляющим, организовать сбор средств с собственника жилого дома (квартирных собственников) за соответствующую услугу, которая необходима для содержания жилого дома и от имени собственника жилого дома (всех квартирных собственников в совокупности) производить перечисление собранных средств поставщику услуги (так называемый платеж при посредничестве уполномоченного лица (управляющего)).

Закон наделяет квартирных собственников правом определять порядок расчета и оплаты, согласно которому каждый квартирный собственник рассчитывается за потребление теплотенергии, воды, канализации, услугам по ассенизации, лифта и вывозу мусора. [3; 4; 5.] В ряде случаев, это право собственники делегируют управляющему, но в большинстве случаев порядок оплаты за перечисленные услуги не меняется и применяется порядок, аналогичный тому, который, предусмотрен правилами кабинета министров № 1013 "Порядок, в котором собственник квартиры в многоквартирном доме рассчитывается за услуги, которые связаны с использованием квартирной собственности"[6]. Данные правила применяются также в случаях, когда квартирные собственники не договорились о порядке оплаты услуг приведенных выше. Правила определяют:

1.1. порядок оплаты за услуги необходимые для содержания жилого дома: теплотенергия, водоснабжение, канализация, ассенизация, вывоз мусора и пользование лифтом, в случаях, когда эти услуги предоставляет посредник – управляющий, который является владельцем государственного жилого дома или самоуправления.

1.2. критерии, по которым определяется оплачиваемая часть за полученную услугу для каждого квартирного собственника, а также порядок, в котором квартирные собственники должны быть проинформированы об условиях договора поставки.

Как уже было упомянуто, правила применяются до момента пока не будут переняты права управления жилым домом обществом квартирных собственников или уполномоченным лицом, а также пока квартирные собственники не договорятся о новом порядке оплаты за

полученную услугу для каждого квартирного собственника и о порядке получения услуги. Но даже в этом случае, перенимая управление домом, при расчете платы за полученные услуги собственники не меняют порядок, а управляющий, действует согласно правилам Кабинета Министров № 1013.

Правила предусматривают, что квартирные собственники рассчитываются за полученные коммунальные услуги в следующем порядке:

1. За теплотенергию:

1.1. за теплотенергию для обогрева (отопления) отдельной собственности – пропорционально общей площади отдельной собственности за минусом площади балкона и лоджии;

1.2. за теплотенергию для подогрева горячей воды:

1.2.1. за теплотенергию для циркуляции горячей воды – согласно количеству квартирных собственности;

1.2.2. за теплотенергию для потребленной горячей воды – пропорционально количеству потребленной горячей воды;

1.3. за теплотенергию для обогрева (отопления) общей собственности – пропорционально общей площади квартирной собственности;

2. за вывоз мусора и ассенизацию пропорционально количеству лиц, проживающих в квартире;

3. за канализацию и воду – пропорционально количеству потребленной горячей воды;

4. за электротенергию в помещениях общего пользования - согласно количеству квартирных собственности;

5. за содержание лифта – согласно количеству квартирных собственности.

Процедура заключения договора управления и взаимоотношения управляющего с третьими лицами, в том числе и поставщиками коммунальных услуг, зависит как от выбранного квартирными собственниками способа управления многоквартирным домом, так и от отсутствия такого выбора в связи с пассивным поведением квартирных собственников. Необходимо отметить, что исполняя свои функции, управляющий, как субъект управления, заключает договоры с различными организациями, которые также становятся участниками правоотношений в

сфере надлежащего содержания;

многоквартирным домом, как было упомянуто выше – опосредованными субъектами процесса управления.

В статье 10 части 1 «Закона об управлении жилыми домами» предусмотрено, что, принимая на себя обязательства выполнять процесс управления, управляющий по отношению к собственникам становится лицом, оказывающим услуги. В этом случае, договор управления не присваивает управляющему права действовать в отношении с третьими лицами от имени собственников [4.]. Все договора с поставщиками услуг заключаются непосредственно собственниками, следовательно, ответственность за их исполнение не лежит на управляющем. В этом случае, управляющий, как правило, обеспечивает:

- санитарный уход – уборку дома, территории, проводит дератизацию и дезинсекцию и т.п.;

- проводит обследование жилого дома и установленного в нем оборудования и коммуникаций;

- проводит техническое обслуживание и текущий ремонт;

- подготовку рабочего плана мероприятий по управлению, в том числе плана мероприятий, необходимых для содержания жилого дома;

- подготовку проекта бюджета на соответствующий год;

- организацию финансового учета, в том числе прием и отправку платежей;

- ведение домового дела;

- предоставление информации учреждениям государства и самоуправлений.

В практике можно встретить случаи, когда управляющий действует, как скрытый заместитель [8]. В таких ситуациях, он заключает договора от своего имени в интересах собственников, в том числе и с поставщиками коммунальных услуг. Но такие договора не накладывают на собственников никаких обязательств [7] и требуется заключение отдельного договора, с согласия собственников, по которому, все права и обязанности по договорам, заключенным управляющим передаются им. Такой вариант отношений требует отдельного согласия собственников с теми договорами, которые управляющий заключает от своего имени. Также управляющий должен обеспечить выполнение

обязательных действий, потому как взял на себя ответственность перед собственниками, но в то же время, выполнение обязательных действий ставится под угрозу, поскольку, стороной договора с поставщиками коммунальных услуг является управляющий, а не собственники. В случае прекращения отношений, договор расторгается не с собственниками, а с управляющим, но в результате услуг не получают собственники. Очень часто собственники, расторгая договор с управляющим, и заключая договор с новым управляющим, не подтверждают договоров с третьими лицами, которые были заключены в их пользу, оставляя управляющему все финансовые обязательства, которые, по сути, являются обязательствами самих собственников. Это позволяет поставщикам услуг предъявлять претензии по оплате коммунальных услуг не к собственникам жилья, а к управляющим, несмотря на то, что в статье 1517 Гражданского закона и комментариях к статье 2293, предусмотрено, что в случае, если скрытый заместитель заключил двусторонний договор в пользу уполномочивающего, и получил полное или частичное выполнение этого договора, и передал это выполнение уполномочивающему, то к последнему переходит автоматическая обязанность выполнить обязательства без заключения договора обновления [7].

Более распространенной и применимой на практике является ситуация, когда управляющий, получает право от имени собственников заключать договора об обеспечении необходимых услуг дому. В этом случае, договор управления присваивает управляющему права действовать в отношении с поставщиками коммунальных услуг от имени собственников, но в то же время не исключает требований со стороны поставщиков коммунальных услуг к управляющему.

Основные результаты исследования.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, следующее: с одной стороны, мы видим, что правовая природа правоотношений складывающихся между управляющим жилым домом и поставщиками услуг зависит от выбранной модели отношений квартирный собственник – управляющий – поставщик коммунальных услуг, с другой стороны, вне зависимости от выбранной модели отношений квартирный собственник – управляющий – поставщик коммунальных услуг, управляющий

по факту все равно остается исполнителем коммунальных услуг (за исключением случаев прямых расчетов между квартирными собственниками и поставщиками коммунальных услуг).

В связи с этим, сохраняется неясность в вопросах ответственности перед поставщиками коммунальных услуг, а в случае введения системы прямых расчетов не ясно, кто обеспечивает

и отвечает за качество коммунальных услуг. Поскольку при прямых договорах претензии должны предъявлять поставщику коммунальных услуг, ответственность которых заканчивается перед общим счетчиком многоквартирного дома, которые не имеют отношения к системам тепло- и водоснабжения внутри многоквартирных домов. Для решения этих вопросов требуется дополнительное правовое регулирование.

Список использованных источников

1. Харитоновна, Ю. Отражение функции управления в институтах гражданского права. доступно: <http://www.dissercat.com/content/otrazhenie-funksii-upravleniya-v-institutakh-grazhdanskogo-prava>
2. „Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likums” // 04.06.2009. // Latvijas Vēstnesis, Nr. 96 (4082), „Ziņotājs”, 14, 23.07.2009. [вступил в силу: 01.01.2010.], с изменениями.
3. Ministru kabineta noteikumi Nr.1014 „Kārtība, kādā aprēķināma maksa par dzīvojamās mājas pārvaldīšanu un apsaimniekošanu” 09.12.2008. // Latvijas Vēstnesis Nr. 196 (3980), [утратил силу: 21.07.2017.].
4. Ministru kabineta noteikumi Nr. 408 „Dzīvojamās mājas pārvaldīšanas un apsaimniekošanas maksas aprēķināšanas noteikumi” 11.07.2017. // Latvijas Vēstnesis, 143 (5970), 20.07.2017. [вступил в силу: 21.07.2017.].
5. Ministru kabineta noteikumi Nr. 907 „Noteikumi par dzīvojamās mājas apsekošanu, tehnisko apkopi, kārtējo remontu un energoefektivitātes minimālajam prasībām” //28.09.2010.// Latvijas Vēstnesis, Nr. 156 (4348), 01.10.2010. [вступил в силу: 02.01.2010.].
6. Ministru kabineta noteikumi Nr.1013 „Kārtība, kādā dzīvokļa īpašnieks daudzdzīvokļu dzīvojamā mājā norēķinās par pakalpojumiem, kas saistīti ar dzīvokļa īpašuma lietošanu” // 09.12.2008. // Latvijas Vēstnesis, 197 (3981), 18.12.2008. [вступил в силу: 19.12.2008.].
7. Torgans, K. „Latvijas Republikas Civillikuma komenāri. Saistību tiesības. // Rīga: „My Property”, 2000 - lpp. 579.
8. Latvijas Republikas Civillikums. 3 daļa. Lietu tiesības. // 28.01.1937., „Ziņotājs”, 46, 02/26/1937. [вступил в силу: 03.01.1993.].

References

1. Haritonova, J. The function of administration as reflected in the institutes of civil law. accessible: <http://www.dissercat.com/content/otrazhenie-funksii-upravleniya-v-institutakh-grazhdanskogo-prava>
2. Law of Republic of Latvia „Law On Administration of Residential houses” // 04.06.2009. // Latvian Journal, Nr. 96 (4082), 19.06.2009., „Rapportetur”, 14, 23.07.2009. [Entry into force: 01.01.2010.], with amendments.
3. Cabinet Regulation No. 1014 „Regulations Regarding the Calculation of Payment for the Administration and Management of the Residential House” 09.12.2008. // Latvian Journal, Nr. 196 (3980), 17.12.2008. [no longer in force: 21.07.2017.].
4. Cabinet Regulation No. 408 „Rules of the Calculation of Payment for the Administration and Management of the Residential House” 11.07.2017. // Latvian Journal, Nr. 143 (5970), 20.07.2017. [Entry into force: 21.07.2017.].
5. Cabinet Regulation No. 907 „Regulations Regarding the Survey, Technical Servicing, Current Repairs and Minimal Requirements for Energy Efficiency of the Residential House” //28.09.2010.// Latvian Journal, Nr. 156 (4348), 01.10.2010. [Entry into force: 02.01.2010.].
6. Cabinet Regulation No. 1013 „Procedures by which an Apartment Owner in a Residential

Apartment House shall Pay for Services, which are Related to Usage of the Residential Property" // 09.12.2008. // Latvian Journal, Nr. 197 (3981), 18.12.2008. [Entry into force: 19.12.2008.].

7. Torgans, K. „The Civil Law of the Republic of Latvia commentary. Related rights. // Riga: „My Property”, 2000 - page 579.

8. The Civil Law of the Republic of Latvia. Part 3. Property right. // 28.01.1937., „Government Gazette”, 46, 02/26/1937. [Entry into force: 03.01.1993:

*Suzanna Kalinina, Master's student
Estonian Entrepreneurship University of Applied Sciences (EUAS)
Estonia*

Improvement of risk management systems related to anti-money laundering in banking institution

Abstract. The author analyses risk factors for banking institution related to money laundering, that might arise in legitimization of income obtained by criminal means; The reasons that affect licenses withdrawal due to breach of money laundering regulations are analyzed.

Key words: money laundering, money laundering risk, countermeasures, risk assessment, risk management.

*Сюзанна Калинина, магистрант
Эстонский Университет Прикладных Наук (Mainor)
Эстонская Республика*

Совершенствование системы управления рисками кредитной организации в сфере противодействия отмыванию (легализации) денежных средств

Аннотация. Автором анализируются основные факторы риска кредитных организаций, возникающие в условиях легализации доходов, полученных преступным путем; комплексно рассматриваются причины, приводящие к отзыву лицензии на банковскую деятельность.

Ключевые слова: противодействие отмыванию денег, риск легализации, меры противодействия, оценка риска, управление риском.

Проблема легализации денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, в последнее время приобрела особую актуальность, став международной проблемой. Данное явление не только причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности конкретного государства, но и затрудняет расследование и раскрытие преступлений, подрывает репутацию банков.

Как показывает практика, риск вовлечения коммерческих банков в процессы легализации преступных доходов существует как на международном, так и на национальном уровне. Для эстонской банковской системы он особенно опасен тем, что может привести к потере деловой репутации наших кредитных организаций и, соответственно, станет препятствием на пути расширения деятельности эстонских банков на мировых финансовых рынках. Несоблюдение законов и процедур, направленных на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, неэффективность работы внутреннего контроля банка, может привести к возникновению данного риска. Обзор масштабов данной угрозы для банковского сектора можно увидеть по количеству отозванных у кредитных организаций лицензий на осуществление банковских операций в последние годы. Так, в мае 2016 года за участие в противоправных операциях был лишён лицензии латвийский Trasta Komercbanka; в феврале 2018 года Европейский центральный банк (далее - ЕЦБ) заявил, что латвийский банк ABLV, обвиненный ранее в отмывании денег, будет ликвидирован. В Эстонии, за несоблюдение требований Закона о противодействии отмыванию денежных средств и противодействию терроризма (далее - RahaPTS) [1], в марте 2018 года ЕЦБ отозвал лицензию у Versobank. Приведенные примеры позволяют говорить о реализации риска легализации денежных средств в данных банках. Следовательно, назрела настоятельная необходимость в создании и построении эффективной системы оценки риска легализации денежных средств в кредитных организациях не только Эстонии, но и всех стран Балтии.

Значимыми субъектами в идентификации и предупреждении возникновения данного риска являются сами кредитные организации - в их обязанности входит выявление операций,

связанных с легализацией денежных средств и оперативное уведомление об этом компетентных государственных органов. Это можно объяснить тем, что большая часть схем по легализации доходов проходит именно через кредитные организации. Исходя из этого, основным ответственным субъектом эстонского Закона о противодействии отмыванию денежных средств и финансированию терроризма, являются кредитные организации.

Необходимыми действиями для снижения риска легализации денежных средств являются: выявление, оценка и управление данным риском. Зачастую, именно при реализации данных действий, у кредитных организаций возникают трудности. В процессе оценки риска легализации, важно проанализировать источник возникновения риска (клиента), вероятность его реализации, а также - возможные последствия. Данный процесс помогает присвоить тому или иному источнику риска определенный уровень - высокий или низкий. Исходя из уровня риска, применяется необходимый комплекс мер, направленный на управление указанным риском. Так, согласно главе 2 RahaPTS рекомендуется: при низком уровне риска источника применять упрощенные меры, а при высоком уровне - повышенные меры. К последним, закон относит: запрос дополнительных документов к той или иной сделке клиента (транспортные накладные, сертификат качества и т.д.). Следующий шаг - анализ представленных документов со стороны кредитной организации и принятие решения - приемлем ли риск данного источника для банка или нет (ст.13 RahaPTS). Если возникающий риск неприемлем, кредитная организация имеет право отказать в выполнении операции или открытии расчетного счета.

Впервые риск-ориентированный подход (далее - РОП) был рекомендован международной организацией ФАТФ в 2012 году (т.н. "40 Рекомендаций ФАТФ"). Внедрение РОП, по мнению ФАТФ, поможет наиболее эффективно распределить ресурсы на мониторинг и управление риском легализации. Данный подход основан на оценке риска легализации, помогает определить уровень риска того или иного клиента, а так же уделить больше внимания клиенту, с высоким риском отмывания денежных средств. В будущем, РОП поможет управлять потенциальными рисками отмывания денежных средств и финансирования терроризма.

Меры, которые применяет кредитная организация, при реализации РОП, призваны воспрепятствовать использованию данной организации для легализации (отмывания) денежных средств и финансирования терроризма. Однако, при реализации данного подхода, существует ряд факторов, препятствующих этому. В частности, среди таковых С.Е. Ковалева [2, 11-12] выделяет следующие:

Люди: ошибки в проведении процедуры идентификации клиентов, бездействие сотрудников кредитной организации, повлекших невыявление подлежащих обязательному контролю операций и сделок, неверная классификация операций, подлежащих обязательному контролю.

Бизнес-процессы: отсутствие четких документов, регламентирующих процедуры взаимодействия подразделений кредитной организации, при исполнении закона о противодействии отмыванию денежных средств и финансирования терроризма, а так же отсутствие четкого регламента распределения ответственности.

Технологии: отсутствие информационных систем, используемых кредитной организацией для выявления сделок, подлежащих обязательному контролю.

Внешние факторы: санкции против того или иного государства, уголовные дела против кредитной организации, а так же риск потери репутации.

Реализация данных факторов может привести к возникновению операционного риска, и, как следствие - к штрафным санкциям (например, в Эстонии, до 400 000 евро в отношении юридического лица, и до 300 штрафных единиц - в отношении должностного или ответственного лица), или отзыву лицензии. Необходимо отметить, что при принятии руководством кредитной организации неверных стратегических решений, например, об увеличении клиентской базы, минуя внутренние процедуры по идентификации клиентов, можно спровоцировать ситуацию, при которой кредитная организация, может быть использована в целях легализации (отмывания) денежных средств. Кроме того, при обслуживании клиентов необходимо учитывать и страновой риск (речь идет о клиентах из стран, в отношении которых применяются

международные санкции или определенные ограничительные или экономические меры, а также странах, которые не оказывают поддержку в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств, и финансирования терроризма). Таким образом, страновой риск - еще один фактор риска легализации. Как отмечает Финансовая инспекция Эстонии, «Эстония с 2014 года уменьшила количество нерезидентов с 34% до 11-12%. Работа в данной сфере продолжится, государство планирует пересмотреть штрафные санкции и нормативные акты» [4]. Данный подход, по всей видимости, значительно уменьшит вероятность использования эстонских кредитных организаций для легализации денежных средств. Некоторые кредитные организации были вынуждены за полгода закрыть порядка двух тысяч клиентов, которые не являлись резидентами Эстонии, что привело к резкому падению прибыли данных организаций.

Следует отметить, что единых процедур по оценки риска легализации денежных средств в Эстонии нет - каждая кредитная организация разрабатывает их сама, опираясь на национальный закон, Директивы ЕС и рекомендации ФАТФ. Исследуя возникновение данного риска и его реализацию на примере одной из эстонских кредитных организаций, автор пришел к выводу, что для уменьшения вероятности использования той или иной кредитной организации, в целях легализации (отмывания) денежных средств необходимо применять следующий комплекс мер: четкая регламентация управления процессом; правильно поставленные цели и принципы управления рисками; корректно определенные этапы управления рисками; правильно разработанные методы управления рисками; обученный персонал и обязательное использование информационных технологий. Целью управления рисками кредитной организации должно быть предотвращение использования кредитной организации в качестве инструмента легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а так же исполнение кредитной организацией требований RahaPTS. Опираясь на то, что основными факторами рассматриваемого риска являются персонал (люди), бизнес-процессы, технологические системы, а также различные

внешние факторы, кредитной организации необходимо создать единую систему управления, т.е. функциональную организационную структуру и четкие (содержательные) внутренние процедуры (описание бизнес – процессов). Кроме того, для функционирования данной системы необходимо реализовать комплекс следующих дополнительных мер:

1. Подчинённость руководителю кредитной организации.

2. Независимая многоуровневая оценка риска (на основании РОП).

3. Сообщение о подозрительных сделках в государственные органы.

4. Постоянное обучение персонала в рассматриваемой сфере.

5. Соблюдение принципа «Знай своего клиента».

6. Обеспечение работников контролирующих отделов достаточным количеством финансовых, людских и технических ресурсов (с достаточными полномочиями для обеспечения своих функций).

7. Сотрудничество с надзорными и финансовыми органами других стран.

Остановимся на данных мерах более подробно. Одним из важных моментов функционирования рассматриваемой системы может явиться наличие единоличного исполнительного органа (в лице председателя правления), на котором лежит ответственность и контроль за соблюдением действующего законодательства. Все подразделения и руководители подчинённых подразделений подчиняются непосредственно председателю правления, который определяет стратегию и цели банка, занимается подбором персонала и контролирует их деятельность, а так же обеспечивает деятельность подразделений, осуществляющих внутренний контроль. Руководитель назначает ответственного (контактное лицо) за исполнение внутренних процедур, направленных на противодействие легализации (отмывания) денежных средств, подученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Далее - должна проводиться оценка специфического риска (оформление пакета документов по тому или иному клиенту, передача данного пакета в отдел, который несет ответственность за соблюдение процедур внутреннего контроля; последний осуществляет

оценку риска в области противодействия отмыванию денежных средств).

Кооперация сотрудников организации – выбор комплекса мер по снижению уровня риска легализации. Принцип «Знай своего клиента» - выработка эффективных мер, необходимо понять на основании каких показателей кредитная организация будет определять уровень риска того или иного клиента. Очень важно для кредитной организации сотрудничество с финансовыми субъектами других стран: при выявлении подозрительной сделки, организация может отправить запрос в кредитную организацию второй стороны сделки. Поскольку непосредственно персонал фронт-подразделений занимается обслуживанием клиентов, кредитная организация должна уделять внимания компетентности персонала. Например, необходимо проводить обучение сотрудников и их последующую аттестацию. Это поможет выявить слабые стороны того или иного работника. В частности, Финансовая инспекция Эстонии при проверке соблюдения Закона о противодействии отмыванию денежных средств и противодействию терроризма обращает внимание на компетентность персонала, частоту проводимого для них обучения.

Кредитная организация при идентификации подозрительной сделки, обязана оповестить компетентные органы (в Эстонии - Бюро данных по отмыванию денег) в течение двух дней (ст. 49 RahaPTS). Такой подход облегчает работу государственных органов в сфере противодействия отмыванию денежных средств, и помогает предотвратить возникновение риска легализации. Стоит отметить, что за период 2014-2016 гг. объём информации от кредитных организации Эстонии значительно снизился, что существенно усложнило процесс финансового мониторинга на государственном уровне. Например, в 2014 году Бюро получило 9 774 сообщения о подозрительных сделках, а в 2016 году - лишь 4 385 [6, 10]. Кроме того, около 4% эстонских кредитных организаций вообще не сотрудничает с Бюро данных по отмыванию денег. Необходимо отметить, что кредитные организации, полагающиеся на доходы от преступлений, связанные с отмыванием денежных средств и финансирования терроризма, приводят к реализации риска легализации и, как следствие - прекращению банковской деятельности, затратам, связанным

с проведением расследования и штрафам, конфискации активов и т.д. Сотрудничество с государственными органами является важным аргументом для кредитной организации при прохождении проверки со стороны надзорных органов. В некоторых ситуациях, данное сотрудничество может сыграть важную роль, поскольку при принятии решений, а в особенности, негативных, это учитывается и даже может привести к более толерантному решению со стороны Финансовой инспекции. Так, в марте 2018 года Председатель правления Финансовой инспекции Эстонии сообщил, что: «Кредитные организации являются важной линией защиты эстонского государства от риска легализации денежных средств. Законодательных нарушений в этой сфере, Эстония не может терпеть» [5]. Данное высказывание еще раз подтверждает то, что кредитные организации должны соблюдать закон, а так же сотрудничать с компетентными (надзорными) органами государства.

Проведенные исследования показали, что управление риском легализации – это совокупность организационных, экономических, финансовых, нормативных мер, которые должны быть направлены на своевременное выявление, оценку и управление данным риском, в целях противодействия использованию кредитных организаций для отмывания (легализации) денежных средств и финансирования терроризма. Персонал должен быть своевременно обучен. Данные, полученные в результате идентификации источника риска должны быть занесены в электронные системы, куда сотрудники должны иметь постоянный доступ – это облегчит выявление и управление риском легализации. Кредитные организации обязаны разрабатывать соответствующие процедуры, основываясь на методах и рекомендациях, прописанных в нормативных актах, опираясь на общую стратегию организации по управлению активами и пассивами.

Список использованных источников

1. Закон об отмывании денег и противодействии терроризму (RT I, 17.11.2017, 2)
2. Ковалева С.Е. Совершенствование управления рисками кредитных организаций в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // http://old.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_11/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%A1%D0%95.pdf (дата обращения 20.04.2018)
3. Finantsinspektsioon seirab tähelepanelikult sündmusi Lätis, ei tähelda finantsmõju Eesti pangandusele // <http://www.fi.ee/index.php?id=22445&year=2018> (дата обращения 18.04.2018)
4. Finantsinspektsioon Lõplikud suunised // https://www.fi.ee/public/pp_nr_10_Guidelines_on_Risk_Factors_ET_04-01-2018.pdf (дата обращения 18.04.2018)
5. Rahapesu andmehüroo Rahapesu andmehüroo uuringud // <https://www2.politsei.ee/dotAs-set/582112.pdf> (дата обращения 20.04.2018)
6. Rahapesu andmehüroo Rahapesu andmehüroo aastaraamatud // <https://www2.politsei.ee/dotAs-set/767941.pdf> (дата обращения 20.04.2018)

References

1. Money Laundering and Terrorist Financing Prevention Act (RT I, 17.11.2017, 2).
2. Kovaleva S.E. Improvement of Anti money laundering Related Risk Management Systems in Financial Institution // http://old.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_11/%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%A1%D0%95.pdf (дата обращения 20.04.2018)
3. The Financial Supervision Authority monitors events in Latvia banking sector // <http://www.fi.ee/index.php?id=22445&year=2018>
4. Estonian Financial Supervisory Authority Guidelines on Risk Factors // https://www.fi.ee/public/pp_nr_10_Guidelines_on_Risk_Factors_ET_04-01-2018.pdf

5. Estonian Financial Intelligence Unit Financial Intelligence Unit inquiry // <https://www2.politsei.ee/dotAsset/582112.pdf>

6. Estonian Financial Intelligence Unit Financial Intelligence Unit annual reports // <https://www2.politsei.ee/dotAsset/767941.pdf>

*Salavat Dilmukhametov, doctoral student
Baltic International Academy
Kazakhstan*

The history of the development of non-defined contracts in the civil law of Kazakhstan, Latvia and Germany

Abstract: Non-defined contracts are an integral part of any market economy. Despite its undeniable nature and wide application in contract practice nowadays, the non-defined contract has gone through a very long and complex path of its legal development before it finally becomes established as a fundamental element of freedom of contract and self-supporting unit in the system of civil contracts of Kazakhstan, Latvia and Germany. Based on historical and legal analysis, the author considers the main stages of development of atypical contracts construction in the civil law of Kazakhstan, Latvia and Germany. Also, in the article the initial period of development of non-defined contracts in Roman and canon law is investigated.

Key words: non-defined contract, Roman law, contract law, the principle of “pacta sunt servanda”, freedom of contract.

*Салават Дильмухаметов, докторант
Балтийская Международная Академия
Казахстан*

История развития непоименованных договоров в гражданском праве Казахстана, Латвии и Германии

Аннотация: Непоименованные договоры являются неотъемлемой частью любой рыночной экономики. Несмотря на его неоспоримый характер и широкое применение в договорной практике в сегодняшние дни, непоименованный договор прошел очень долгий и сложный путь своего правового развития перед тем как окончательно утвердится основополагающим элементом свободы договора и самостоятельной конструкцией в системе гражданских договоров Казахстана, Латвии и Германии. На основе историко-правового анализа, автор рассматривает основные этапы развития конструкции нетипичных договоров в гражданском праве Казахстана, Латвии и Германии. Также в статье исследуется начальный период развития непоименованных договоров в римском и каноническом праве.

Ключевые слова: непоименованный договор, римское право, договорное право, принцип «pacta sunt servanda», свобода договора.

Непоименованные договоры берут своё начало в римском праве и первоначально они не были снабжены исковой защитой.

Для того, чтобы заключенное соглашение между сторонами имело юридическую силу, необходимо было, чтобы соглашение относилось либо к реальному, вербальному или литеральному контракту либо к одному из четырех поименованных видов консенсуальных контрактов (купли-продажи, найма, поручения и товарищества), в противном случае, оно признавалось «голым пактом». Классическое римское право исходило из того, что «голый пакт» не дает право на исковую защиту («ex nudo enim pacto inter cives Romanos action non nascitur») [1, 97].

Строгая типизация признаваемых судами контрактов оставляла без исковой защиты нетипичные соглашения, содержание которых отклонялось от признанных контрактов [2, 533].

Со временем, указанная система контрактов стала неудобной, ввиду того, что не отвечала потребностям хозяйственной жизни Рима, в связи, с чем постепенно начали давать судебную защиту некоторым новым видам соглашений. В римском праве исковой защитой пользовались только взаимные непоименованные договоры, остальные соглашения оставались за пределами такой защиты. Иными словами, полного признания юридической силы непоименованных договоров и принципа свободы определения типа договора в римский период не было.

Падение Западной Римской империи и образование на ее территории других государств, привело к тому, что римское право практически стало «мертвым» правом. В средневековой Европе стало иметь большое значение каноническое право, ввиду того, что церковная юрисдикция распространялась на широкий круг отношений, которые мы сейчас рассматриваем как светские (договорные, наследственные, семейные, трудовые отношения и др.).

Гражданским и каноническим правом вопрос о признании права сторон по договору регулировалось по-разному. В римском праве действовало правило о том, что голые пакты не порождают гражданские обязательства. Каноническое же право в противоположность формализму гражданского права признавало обязательность всех правомерных соглашений в силу лишь одного согласия сторон.

Принцип консенсуализма «pacta sunt servanda» («договоры должны соблюдаться») в средневековом каноническом праве основывался на христианском моральном предписании правдивости. В труде «Liber Extra» указано, что соглашения, даже «голые» должны соблюдаться [3, 182-183].

В средневековый период канонисты выдвинули две теории исполнения обязательств по договору.

Иоанн Тевтовец (+1245/1246) выдвинул теорию процессуальной защиты всех соглашений по церковному праву. То есть, для придания договору юридической силы достаточно одного согласия сторон.

Не соглашаясь с мнением об обеспеченности всех договоров судебной защитой, папа Иннокентий IV (1243-1254) ссылаясь на церковные санкции, вплоть до отлучения от церкви. Это означало, что сторона, не исполнившая свое обязательство по договору, может быть наказан, но ни в коем случае, не может быть принужден к исполнению договора или выплаты компенсации по нему.

Теорию Тевтонца придерживались большинство канонистов XII-XV веков [3, 184]. Но в доктрине наряду с широко сформулированным правилом закрепилось одно важное условие действительности пактов: их обязательность зависела от действительности каузы. Буквальное применение правила «pacta sunt servanda» могло привести не только к подразумеваемой цели – защите интересов добросовестного кредитора по неформальной сделке, но и к нежелательным последствиям, например, к поспешным или неправомерным договорам, к исполнению которых в церковном суде добросовестного должника мог бы принуждать недобросовестный кредитор. Канонисты приспособили каузу для целей защиты интересов добросовестного контрагента с помощью философской концепции причинной обусловленности (каузальности) [4, 179-180].

Однако несмотря на устоявшуюся принцип «pacta sunt servanda» доктрина непоименованных договоров окончательно утвердилась только в период нового времени.

Непоименованные договоры в Германии в период нового времени

В период Нового времени для изучения

права, в том числе договорного, юристы стали использовать гуманистическую и сравнительную методологию, отказавшись от схоластической.

При толковании правовых вопросов правоведы использовали не только Свод Юстиниана, но и обращались к широкому кругу источников (философские, религиозные, исторические и др.). Это явилось основанием для пересмотра в области договорного права, таких вопросов, как сущность договора, процессуальная защита всех непоименованных договоров, кауза договора, классификация договоров и др.

Правоведы стали рассматривать договор как совпадение воли сторон (*consensus*).

Отказались от деления договоров на контракты и пакты, теории «голых» и «одетых» пактов, то есть закрытого перечня договоров, которые пользовались исковой защитой. Признали принцип «*pacta sunt servanda*» общим для договорного права. Как отмечает Д.Ю. Полдников, под влиянием морально-философских концепций Аристотеля и Фомы Аквинского представители Саламанской школы придали каноническому правилу «*pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться») значение общеправового принципа. Они единодушно признали договорные отношения проявлением человеческой добродетели компенсаторной (меновый) справедливости. По сути, была воспринята концепция Аристотеля и Фомы Аквинского о договорах как актах равноценного обмена, или пропорционального воздаяния [4, 255].

Каноническая позиция о каузе договора была принята сначала в отношении возмездных договоров, потом как возмездных, так и безвозмездных. В XVII-XVIII вв. правоведы (Г. Гроций, С. Пуфендорф, Ж. Дома, Х. Томазий и др.) вообще отрицали необходимость каузы договора, обосновывая это тем, что само соглашение сторон является достаточным основанием для придания договору юридической силы.

Другой тенденцией рассматриваемой эпохи, косвенно повлиявшей на режим непоименованных договорных конструкций на практике, стало возрастание интенсивности законодательного регулирования договорных отношений и увеличения доли диспозитивных норм. Постепенно формировалась знакомая нам система общих норм договорного права и специальных норм, относящихся к конкретным

типам договоров. Непоименованные договоры считались подпадающими под действие общих норм обязательственного права, но не подчиняющимися нормам специальным [1, 107-108].

Одним из первых кодификаций, регулирующих договорные отношения является Баварский гражданский кодекс 1756 года (*Codex Maximilianeus Bavaricus Civilis*), который является заслугой канцлера государства Крейтмайера. Кодекс воспроизводил решения, принимаемые в Баварии начиная с эпохи пандектов, в нем также может быть обнаружено определенное влияние школы естественного права [5, 48]. Идеи школы естественного права особенно заметны в сфере договорного права. Гражданский кодекс Баварии отказался от деления договоров на контракты и пакты и обозначил их единым термином «*convention*». В нем также не отсутствует теория «голых» и «одетых» пактов:

«Договоры... хотя и поделены в римском праве на пакты и контракты... однако ныне всем пактам придана сила и значение контракта, так что вышеназванное (римское) деление отпало вместе с различием между так называемыми голыми, законными, одетыми или добавочными пактами» (IV, 1, § 3). Иными словами, Кодексом признавалась юридическая сила непоименованных договоров. Наряду с этим, в Кодексе приводится перечень условий действительности договора (IV, 1, § 5), закрепляются принципы консенсуальности (IV, 1, § 5), отсутствия общего правила об особой форме договора (IV, 1, § 7), а также обязательности всех правомерных соглашений, порядок заключения договоров по модели оферты и акцепта [4, 348].

Затем по инициативе Фридриха Великого кодификация была проведена в Пруссии. Прусское земское уложение 1746 г. было написано легким для понимания языком, что и объясняет его влияние на составителей французского Гражданского кодекса [5, 48].

Нормы об обязательствах в Уложении включены в раздел приобретения права собственности. Составители Уложения исходили из широкого понятия собственности, включающего как материальные, так и нематериальные блага, поэтому право собственности поглотило обязательства (нематериальные блага) [4, 350].

В Уложении закреплено естественно-

правовое понятие договора, согласно которому под договором понимается волеизъявление сторон, направленное на приобретение или отчуждение прав. Договор приобретает юридическую силу с момента акцепта обещания. Прусское уложение также устанавливает свободу формы и содержания договоров.

Одной из значимых кодификаций гражданского права эпохи Нового времени считается французский Гражданский кодекс 1804 года.

При разработке ФГК, в сфере обязательственного права в основном были использованы работы Ж. Дома и Ж. Потье.

Под договором понимается соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед одним или несколькими другими лицами дать что-либо, сделать или не делать чего-либо (ст. 1101 ФГК).

В свою очередь, согласно ст. 1134 ФГК, законно составленные соглашения заменяют закон для тех, кто их заключил. Эти соглашения могут быть отменены лишь по взаимному согласию сторон или в силу оснований, санкционированных законом. Они должны выполняться добросовестно. Данная статья санкционировала заключение любых договоров, имеющих законное основание. Такое основание имеется как в случае, когда договор оформляет взаимный обмен благами, так и в случае сделок, направленных на дарение [1, 108].

О действительности договора свидетельствуют четыре условия: согласие стороны, которая берет на себя обязательство; ее способность заключать договоры; определенный предмет, составляющий суть обязательства; дозволенное законом основание для взятия обязательства (ст. 1108 ФГК).

Принцип определения типа договоров получил своё отражение в ст. 1107 ФГК, договоры независимо от того, имеют ли они соответствующее наименование или не имеют, подчиняются общим правилам.

Таким образом, ФГК допускает заключение законных непоименованных договоров и обеспечивает их процессуальной защитой.

В 1900 году число кодексов стран Западной Европы пополнилось еще одной кодификацией, а именно Германским гражданским уложением, хотя разработка ГГУ была еще начата в 1847 году. Первая комиссия, созданная для разработки ГГУ обеспечила и

объединила в себя знания прусского, баварского, саксонского права, а также права других немецких земель. В комиссию входили не только известные немецкие профессора Виндшейд, Планк и др., но и практикующие юристы. Комиссию возглавлял доктор Папе [6, 32]. В 1888 году был опубликован первый проект ГГУ, состоящий из пяти томов. Однако первый проект ГГУ получил многочисленные замечания, в том числе, о том, что проект написан недоступным для понимания граждан языком, и, что в проект включили в основном нормы римского права и почти ничего германского. Поэтому для устранения указанных замечаний в 1890 году была образована новая комиссия, которая занялась переработкой первоначального проекта ГГУ. Таким образом, ГГУ был принят и опубликован в 1896 году, а вступил в силу с 1 января 1900 года.

Относительно формы ГГУ проявляет свою самобытность совершенно оригинальным планом. Пространная общая часть объединяет положения, касающиеся всего ансамбля институтов гражданского права. Затем особенная часть включает в себя четыре книги [5, 53]. То есть ГГУ состоит из пяти книг: Книга первая «Общая часть»; Книга вторая «Обязательственное право»; Книга третья «Вещное право»; Книга четвертая «Семейное право»; Книга пятая «Наследственное право».

Теоретическая основа обязательственного права помещенного во второй книге ГГУ покоится на предшествовавшем ей учении Савиньи об обязательствах [6, 36].

Так, согласно § 241 ГГУ, в силу обязательства кредитор вправе требовать от должника исполнения обязательства. Исполнение обязательства может состоять также в воздержании от действия. Эта формулировка содержит основные элементы общего определения обязательства. В общей части Уложения выделены положения о сделках вообще, которые распространяются как на односторонние сделки, так и на договоры. Договоры традиционно являются наиболее распространенным способом возникновения обязательственных правоотношений. В отличие от ФГК, ГГУ не дает определения договора. Однако исходя из норм, указанных в § 145 и 341 можно выделить существенные черты договора: он понимается как юридическая связь, установленная между несколькими лицами; его

содержанием может быть, как положительное действие, так и воздержание от такового [7, 315-316].

Также ГГУ не содержит отдельную статью или параграф, посвященные свободе заключения непоименованных договоров. Несмотря на то, что Германское гражданское уложение не содержит отдельную статью или параграф, посвященные свободе заключения непоименованных договоров, системное толкование положений норм Уложения не оставляло никаких сомнений в юридической силе любых соглашений, соответствующих общим требованиям, предъявляемым к порядку заключения договора. Этот вопрос к тому времени был уже настолько бесспорен, что в отличие от французских коллег, кодифицировавших гражданское право в начале XIX в., авторы немецкой кодификации посчитали лишним это прямо фиксировать в Уложении, ограничившись указанием на такое право в подготовительных материалах [8, 127; 9, 14].

Допустимость свободного определения типа договора дополнительно исходит из закрепленного в статье 2.1 Основного закона Германии такого права, как общая свобода действий.

Как указывает Ян Шапп, при этом, неважно идет ли речь о смешении различных, урегулированных в восьмом разделе второй книги ГГУ видов договоров,... или же о типе договора, который получил признание лишь в обороте,... или же об обязательственном договоре, который вообще не может быть причислен ни к одному определенному типу. Последним основанием для допущения любой обязательно-правовой договоренности является не норма закона, объявляющая допустимость такой договоренности, а сам принцип свободы обязательственного договора, гарантированный ст. 2.1 Основного закона Германии и предусмотренный § 311 ГГУ [10, 94-95; 11, 22].

Таким образом, именно в эпоху Нового времени все непоименованные договоры в Германии без каких-либо условий или ограничений стали пользоваться процессуальной защитой и считались заключенными с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям договора.

Непоименованные договоры в Казахстане и Латвии в дореволюционный период

В дореволюционное время на территории Казахстана действовали нормы адата (обычное право казахов). Отличительная черта обычного права казахов заключалась в признании верховенством правил поведения и судебной власти, а также общественной и политической жизни. Особое значение имели такие кодифицированные памятники казахского обычного права, как Уложение Касым-хана и «Жеті жар|ы», составленный Тауке-ханом. В них нашли отражение наиболее важные нормы казахского обычного права, в том числе регулирующие имущественные отношения в казахском обществе [12].

Однако, исследователи казахского обычного права практически сходны во мнении в том, что казахское обычное право в течение нескольких столетий развивалось, в основном, на базе натурального замкнутого хозяйства. Назначение договоров в казахском обществе, особенно до присоединения Казахстана к России сводилось, в основном, к удовлетворению необходимых бытовых потребностей членов общины, что объясняется сравнительно небольшим их числом. После присоединения Казахстана к России в результате расширения сферы товарообмена, появления новых источников права правовое регулирование договорных отношений получило новый импульс в виде возникновения новых видов гражданско-правовых договоров. Большинство договоров в казахской общине заключались в устной форме [13, 154]. Неисполнение договора считалось делом [бесчестным: «увадасы джокта – иман джок; иманы джокта-худай джок», т.е. «кто не сдержит слова, у того нет веры; у кого нет веры, у того нет Бога» [14, 361].

До появления писаного Уложения Касым-хана в XVI веке, источником договорного права казахов были общепринятые кочевым обществом устные обычаи. Ими признавалось заключение любых видов договоров, отвечающие общим принципам справедливости, честности и разумности, существовавших в тот период в кочевом обществе. Несмотря на отсутствие в казахском обществе писаного права, неписаными обычаями признавалось заключение любых видов договоров, и неисполнение договоров каралось различными

санкциями судами биев. Исходя из этого, следует считать, что в этот период действовал принцип генерального договора, то есть все договоры считались непоименованными.

С принятием писаного Уложения Касым-хана в казахском обычном праве стал действовать принцип сингулярных договоров. То есть наряду с непоименованными договорами, которые регулировались общими принципами казахского обычного права, появились поименованные договоры, которые стали регулироваться одним из разделов Уложения Касым-хана.

Как отмечается, Уложение Касым-хана состояло из пяти разделов. Одним из разделов был раздел, которым регулированию были подвергнуты обязательственные правоотношения, в составе которых упомянуты и нормы по вопросу заключения и исполнения отдельных видов договоров: договоров купли-продажи, мены, займа и дарения [15, 43].

Вместе с тем, на практике в кочевом обществе казахов заключались и другие виды договоров, среди них договор найма, подряда и хранения.

Например, договор подряда в повседневной жизни казахов применялся для выполнения определенных работ. В соответствии с договором подряда, работник по заданию заказчика выполнял определенный объем работ, получая за это вознаграждение согласно договору. Перечень этих работ был невелик и ограничивался требованиями повседневного быта казахов. Это были работы по обработке кожи, доению коров, кобылиц и верблюдиц, пастыбе скота [15, 45].

В силу того, что для данных видов договоров не предусматривалось в Уложении Касым-хана специальных правовых режимов, их можно считать непоименованными договорами. Несмотря на свою «непоименованность», суды биев обеспечивали им правовую защиту.

После присоединения Казахстана к России царское правительство в течение почти ста лет проводило политику невмешательства и признавало казахское обычное право источником права [12].

И только с момента осуществления политических и административных реформ в казахском обществе начался процесс реформирования обычного права, который начался с принятия Устава о сибирских киргизах

в 1822 году. Во второй половине XIX века на съездах биев стали приниматься Ереже-сборники, которые содержали как нормы обычного права, так и правовые нормы Российской империи [12].

После принятия в 1822 году Свода законов Российской империи, его действие распространялось и на территории Казахстана. Свод законов Российской империи (ст. 569 и 570) хотя прямо и не затрагивал вопрос о непоименованных договорах, но достаточно ясно указывал на то, что «всякий договор», если он правильно составлен налагает обязанность его исполнять и дает право на иск [1, 112-113].

В дореволюционный период, в Прибалтике, в том числе Латвии действовали разнообразные правовые источники: городские статуты, узаконения польских и шведских королей, римское право [16, 188].

12 ноября 1864 г. последовал указ Александра II об издании третьей части Свода местных законов, в котором он указывает, что, ныне утвердив составленную II отделением Собственной нашей канцелярии третью часть Свода местных губерний остзейских, содержащую в себе Свод узаконений гражданских, и прилагая русский и немецкий текст оной, для обнародования через Правительствующий сенат тем же порядком, какой был наблюдаем при издании первых частей, а с введением в действие с 1 июля 1865 г. с этой даты третья часть Свода местных законов становилась единственным источником местного гражданского права в Прибалтике и действовало требование с сего времени статьи оного приводить и применять в делах всех правительственных и судебных мест на том же основании, как и статьи общего Свода законов империи. Новые положения Свода местных законов не имели обратной силы, по поводу которой в указе определялось, что статьи сего свода, заключающие в себе необходимые к действовавшим доселе законам дополнения, применяются лишь к тем делам, кои возникнут по обнародовании свода [17, 115].

Создание свода местных узаконений губерний остзейских явилось наиболее успешной и единственной систематизацией местных законов в Российской империи на региональном уровне [18, 39].

Раздел об обязательствах являлся наиболее разработанной частью остзейского

свода, в котором он был изложен по системе, принятой в учебниках: сначала шла так называемая общая часть обязательственного права, а за ней следовала особенная [19, 72]. В особенной части предусматривалось правовое регулирование абсолютно новых для того времени договоров, таких, как договор страхования, договор пожизненной ренты и договор на издание.

Свод местных законов все договоры распределял в систему на основании их содержания, к примеру, договоры, имеющие ввиду возвращение вещи, заем, ссуда, уступка, поклада, купля, мена и др. Однако приведенная классификация не являлась исчерпывающей, так как могли быть заключены договоры и не подходящие ни под одну из указанных в Своде категорий, и, тем не менее, они были обязательны для договаривающихся сторон (ст. 3209), лишь бы не содержали ничего противозаконного, безнравственного или бесчестного (ст. 3214) [20, 119]. Иными словами, Свод местных законов допускал заключение непоименованных договоров.

Подытоживая рассматриваемый вопрос, следует отметить, что в дореволюционный период, будучи частью Российской империи, в праве Казахстана и Латвии наряду со Сводом законов Российской империи имелись свои особые местные правовые источники, которые допускали заключение непоименованных договоров.

Непоименованные договоры в независимой Латвийской Республике (1918-1940 гг.)

С обретением независимости Латвии, основными источниками, регулирующими договорно-правовые отношения, были десятый том первая часть Гражданского уложения Российской империи и третья часть Свода местных узаконений губерний остзейских до вступления в силу нового Гражданского закона Латвии в 1938 году. В этой связи в независимой Латвийской Республике сохранялась преемственность в отношении правового статуса непоименованных договоров.

Гражданский закон Латвии был разработан на основе третьего тома Свода местных узаконений губерний остзейских и принят 28 января 1937 года, вступил в силу с 1 января 1938 года.

Настоящий Гражданский закон состоит из введения и четырех частей, первая часть которого посвящена семейному праву (*Gimenes tiesibas*), вторая часть наследственному праву (*Mantojuma tiesibas*), третья часть вещному (*Lietu tiesibas*) и четвертая часть обязательственному праву (*Saistibu tiesibas*).

Как отмечает А. Байков, о зрелости цивилистической науки в Латвии в этот период, убедительно свидетельствует принятие Гражданского закона. Поскольку среди цивилистов существовали различные взгляды на проблему дальнейшего совершенствования и развития гражданского законодательства, нельзя не отметить, что В.И. Синайский на одном из наиболее значительных собраний юридической общественности Латвии, а именно на первом конгрессе юристов (1932 г.), призвал к разработке нового кодифицированного нормативно-правового акта, которым обеспечивалось бы единство правового регулирования, составляющего необходимую предпосылку суверенного национального государства. То есть, Гражданский закон сыграл решающую роль в унификации частного права Латвии [21].

В Гражданском законе Латвии принцип свободы договора прямо не предусмотрен, но он следует из ряда его положений. Так, например, ст. 1493 предусматривает, что юридической сделкой является совершенное дозволенным образом действие по установлению, изменению или прекращению правоотношений. Статья 1511 устанавливает, что договором в широком смысле является любое взаимное соглашение нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении каких-либо правоотношений. В ст. 1547 закреплено, что договор, заключенный на законном основании, налагает на контрагента обязанность исполнить обещанное, и ни особая обременительность сделки, ни также возникшие впоследствии трудности исполнения не дают права одной стороне отступить от договора, хотя и с возмещением другой стороне убытков.

Таким образом, договорное право первой независимой Латвийской Республики допускало заключение сторонами непоименованных договоров, главное, чтобы они не противоречили императивным положениям действующего законодательства страны.

Непоименованные договоры в Казахстане и Латвии в советский период

После установления советской власти в Казахстане началась политика полного внедрения российского права и искоренения обычного права казахов, поэтому уже в конце 30-х годов обычное право превратилось из официального источника права в обычай, не санкционированные государством. Первый Гражданский кодекс РСФСР, принятый на 4-й сессии ВЦИК IX созыва и введенный в действие постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 года с 1 января 1923 г., действовал и на территории Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики (Казахской АССР), образованной 26 августа 1920 г. После создания на основе Конституции СССР 1936 г. Казахской ССР действие Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. сохранилось на территории Казахстана [12].

Развитие национальной правовой системы независимой Латвии было прервано после установления на ее территории советской власти в июне 1940 г. В ноябре 1940 г. Гражданский закон Латвии 1937 года был отменен и заменен Гражданским кодексом РСФСР 1922 года.

Гражданский кодекс РСФСР прямого не указывал на возможность заключения непоименованных договоров.

Однако, принятый в первые годы Советской власти Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемые судами РСФСР» устанавливал право заключать любые договоры, не запрещенные законом [11, 14].

Как отмечает Т.Е. Новицкая, своеобразие Гражданского кодекса РСФСР состояло в том, что в нем не был закреплен принцип дозволенности заключать любой договор, если он не противоречит общим требованиям, предъявляемым Кодексом к договорам. Еще до принятия Гражданского кодекса РСФСР, Народный комиссариат юстиции в циркуляре от 3 марта 1922 г. разъяснял, что практика регистрации нотариатом договоров, содержанием которых являются правоотношения, неизвестные действующему праву, является неправомерной. Кодекс расширил круг поименованных договоров, однако и они не исчерпывали все типы [22, 91-92].

М.И. Брагинский также указывает, что в настоящем Кодексе не был закреплен принцип защиты непоименованных договоров. И

поэтому в литературе того времени сложилось разное отношение к этому принципу. Отсутствовала единая точка зрения на этот счет и в судебной практике. В отдельных случаях суды признавали непоименованные договоры противозаконными. Однако параллельно действовала и иная позиция, направленная на признание необходимости предоставить правовую защиту непоименованным договорам. Эта последняя линия получила особое развитие в военные и послевоенные годы. Именно тогда была признана, в частности, юридическая сила договора пожизненного содержания с иждивением, договора о безвозмездном пользовании имуществом (ссуды) и договора хранения, отсутствовавших в Гражданском кодексе РСФСР [23, 45-46].

И.Б. Новицкий придерживался мнения о том, что предусмотренные Кодексом типы договоров не имеют исчерпывающего характер. Закон предусматривает наиболее часто встречающиеся договоры, но стороны могут заключать и не предусмотренные законом договоры, лишь бы их содержание не противоречило общим принципиальным положениям советского права [24, 100].

Данный вопрос решился в пользу непоименованных договоров с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г., введенных в действие с 1 мая 1962 г. На основе союзного закона в союзных республиках были приняты гражданские кодексы союзных республик. Гражданские кодексы Казахской ССР и Латвийской ССР были приняты 1963 году.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также гражданские кодексы Казахской и Латвийской ССР предусматривали, что гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством Союза ССР и Казахской ССР/Латвийской ССР, а также из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают из сделок, предусмотренных законом, а также из сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему (ст. 4).

Таким образом, с принятием в 1961 году

Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик непоименованные договоры на законодательном уровне получили правовую защиту.

Непоименованные договоры в современной Германии, Казахстане и Латвии

В настоящее время по законодательству Германии основным нормативным источником, регулирующим обязательственные, в том числе договорные отношения по-прежнему остается ГГУ.

В 2002 году в связи с проведением реформы в области обязательственного права, во вторую книгу ГГУ «Обязательственное право» были внесены изменения и дополнения, согласно Закону о модернизации обязательственного права.

Закон о модернизации обязательственного права не только повлиял на Общую часть ГГУ, но и затронул общую часть обязательственного права, а также особые обязательственные правоотношения. К примеру, вопросы по исковой давности. Если ранее, по общему правилу срок исковой давности по сделкам составлял 30 лет, то сейчас – 3 либо 10 лет. В разделе общая часть обязательственного права получили новое регулирование в первую очередь отношения, связанные с обстоятельствами, препятствующими исполнению обязательств. До проведения реформы обязательственного права в ГГУ не существовало разницы между займом в денежной и натуральной форме. Теперь обе формы подлежат раздельному регулированию и др. [25].

Что касается свободы заключения непоименованных договоров, то и сейчас это право сторон прямо не закреплено в ГГУ, но подразумевается. Так как принцип свободы договора в Германии возводится в ранг конституционного принципа.

Новый этап в развитии гражданского законодательства в Казахстане начался после обретения Казахстаном независимости.

В первые годы независимости до принятия ГК РК в республике было введено в действие немало законов, регулирующих многообразные экономические связи различных видов и направлений. Но они, как правило, принимались независимо друг от друга, были недостаточно увязаны между собой, нередко при решении одинаковых или сходных вопросов противоречили один другому, содержали немало

пробелов и очевидных ошибок. 30 января 1993 г. постановлением Верховного Совета Казахстана на территории республики также были введены в действие Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. При этом в случае противоречия между Основами и Гражданским кодексом Казахстана 1963 г. действовали Основы законодательства. Проект ГК РК базировался на Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик. ГК принимали в два этапа: Общую часть – 27 декабря 1994 г., Особую часть – 1 июля 1999 г. Наиболее важной была Общая часть: в ней закладывались общие принципиальные и революционные положения, и она была первой [26].

Свободе заключения непоименованных договоров посвящены статьи 2 и 380 ГК РК, согласно которым граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора допускается только в исключительных случаях. Стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и непредусмотренный законодательством.

Таким образом, в независимом Казахстане принцип свободы договора является важнейшим началом гражданского права.

В настоящее время главным нормативным правовым актом, регулирующим договорные отношения в Латвии, является Гражданский закон 1937 года, который был восстановлен по частям в 1992-1993 годы после приобретения ей независимости.

Наряду с Гражданским законом были приняты и действуют другие специальные законы, которые регулируют конкретные виды договоров. Иллюстрацией к этому являются Морской кодекс от 29 мая 2003 года, Закон от 16 июня 1999 года «О товарных знаках и указаниях на географическое происхождение», Закон от 6 апреля 2000 года «Об авторском праве» и др.

Параллельно с Гражданским законом также действует Коммерческий закон от 13 апреля 2010 года, часть D которого посвящена отдельным видам коммерческих сделок.

Что касается свободы заключения непоименованных договоров, то это право сторон также, как и в Германии, прямо не выражено в Гражданском законе Латвии, но предполагается. Прежде всего, такой подход объясняется тем, что еще в конце XIX века в Европе свобода заключения непоименованных

договоров была признана и никем не оспаривалась.

Список использованных источников

1. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. В 2-х томах. – М.: Статут, 2012. – Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – 453 с.
2. Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов / Дождев Д. В.; Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996. – 690 с.
3. Lesaffer R. Medieval canon law and early modern treaty law // Journal of the History of International Law. – 2000. – № 2 (2) – P. 178-198.
4. Полдников Д.Ю. Доктрины договорного права Западной Европы XI-XVIII вв. Учебное пособие. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. – 366 с.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Леже Р.; пер. с фр. А.В. Грядов. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 584 с.
6. Кодификация гражданского права в странах правового классицизма: Монография / В.А. Богоненко. – Минск: А.Н. Вараксин, 2008. – 142 с.
7. Батыр К.И. История государства и права зарубежных стран: Учебник. – М.: ТК Велби, 2003. – 469 с.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с.
9. Карапетов А.Г., Савельев И.С. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012а. – № 4. – С. 12-56.
10. Ян Шапп. Система германского гражданского права: учебник / пер. с нем. Королева С.В. – М., 2006. – 360 с.
11. Бычков А.И. Смешанный договор в гражданском праве РФ. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 148 с.
12. Сулейменов М.К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути / URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31102841.
13. Карандашева А.А. Рецепция отдельных положений обычного права казахов в современном гражданском законодательстве // Вестник КАСУ. – 2007. – № 3. – С. 150-157
14. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Юридический быт / Гродеков Н.И. – Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. – Т. 1. – 544 с.
15. Карандашева А.А. История договорного права Казахстана XV-XX вв.: Дисс. канд. юрид. наук. – Алматы, 2004. – 146 с.
16. Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России. Учебное пособие / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Питер, 2004. – 224 с.
17. Кодан С.В. Систематизация местных узаконений Прибалтийских губерний Российской империи (1720-1860-е гг.) // Политика и общество. – 2013. – № 1 (97). – С. 108-120.
18. Овсепян Ж.И. Источники (формы) российского права в период международной глобализации (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Монография. – М.: Проспект, 2016. – 519 с.
19. Кассо Л.А. Обзор Остзейского гражданского права. – Юрьев: К. Матисен, 1896. – 150 с.
20. Невзоров А.С. Краткое изложение местного права Прибалтийских губерний. – Юрьев: Эд. Бергман, 1904. – Ч. 1. – 145 с.
21. Байков А. Наука гражданского права Латвии: история и современное состояние / URL: <https://www.zakon.kz/4470173-nauka-grazhdanskogo-prava-latvii.html>.
22. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. – М.: Зерцало-М, 2002. – 224 с.
23. Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. – М.: Статут, 2007. – 79 с.
24. Новицкий И.Б. Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с.
25. Вебер Х. Модернизация обязательственного права Германии (2002) и ее влияние в законодательство о кредитовании и об обеспечении кредитов // Банковское право. – 2010. – № 1. – С. 15-21.
26. Сулейменов М.К. Как создавался Гражданский кодекс Республики Казахстан / URL: <https://>

www.zakon.kz/4468365-kak-sozdavalsja-grazhdanskijj-kodeks.html.

References

1. Karapetov A.G., Saveliev A.I. Freedom of contract and its limit. In 2 volumes. - M.: The statute, 2012. - V. 2: Limits of freedom of definition of treaty provisions in foreign and Russian law. - 453 p.
2. Dozhdev D.V. Roman private law: Textbook for high schools / Dozhdev D.V.; Ed. V.S. Nersesyants. - M.: Publishing group INFRA-M-NORM, 1996. - 690 p.
3. Lesaffer R. Medieval canon law and early modern contract law // Journal of the History of International Law. - 2000. - No. 2 (2) - P. 178-198.
4. Poldnikov D.Yu. Doctrines of contract law of Western Europe XI-XVIII centuries. Tutorial. - M.: NIU "Higher School of Economics", 2012. - 366 p.
5. Leger R. Great legal systems of our time: a comparative legal approach / Leger R.; trans. with fr. A.V. Gryadov. - M.: Volters Kluver, 2009. - 584 p.
6. Codification of civil law in the countries of legal classicism: Monograph / V.A. Bogonenko. - Minsk: A.N. Varaksin, 2008. - 142 p.
7. Batyr K.I. History of the State and Law of Foreign Countries: A Textbook. - M.: TK Velby, 2003. - 469 p.
8. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. - M.: Statut, 1998. - 353 p.
9. Karapetov A.G., Saveliev A.I. Freedom to conclude non-defined contracts and its limits // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. - 2012a. - № 4. - P. 12-56.
10. Jan Shapp. The system of German civil law: a textbook / trans. with him. Queen S.V. - M., 2006. - 360 p.
11. Bychkov A.I. The mixed contract in civil law of the Russian Federation. - M.: Infotropic Media, 2013. - 148 p.
12. Suleimenov M.K. The system of law and the system of legislation of Kazakhstan: choice of the path / URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31102841.
13. Karandasheva A.A. // Herald of the KASU. - 2007. - No. 3. - P. 150-157
14. Grodekov N.I. Kirghiz and karakirgizy of the Syrdarya region. Legal life / Grodekov N.I. - Tashkent: Typo-lit. S.I. Lakhtin, 1889. - V. 1. - 544 p.
15. Karandasheva A.A. The history of the contract law of Kazakhstan XV-XX centuries: Diss. cand. jurid. sciences. - Almaty, 2004. - 146 p.
16. Vasiliev A.V. Legislation and legal system of pre-revolutionary Russia. Textbook / Ed. S.A. Komarova. - St. Petersburg: Peter, 2004. - 224 p.
17. Kodan S.V. Systematization of local legalization of the Baltic provinces of the Russian Empire (1720-1860-ies.) // Politics and Society. - 2013. - No. 1 (97). - P. 108-120.
18. Ovsepyan Zh.I. (General theoretical and constitutional legal research). Monograph. - Moscow: Prospekt, 2016. - 519 p.
19. Casso L.A. Review of the Ostsee Civil Law. - Yuryev: K. Mathisen, 1896. - 150 p.
20. Nevzorov A.S. A brief account of the local law of the Baltic provinces. - Yuryev: Ed. Bergman, 1904. - Part 1. - 145 p.
21. Baykov A. The science of civil law: history and current status / URL: <https://www.zakon.kz/4470173-nauka-grazhdanskogo-prava-latvii.html>.
22. Novitskaya T.E. The Civil Code of the RSFSR of 1922. - M.: Zertsalo-M, 2002. - 224 p.
23. Braginsky M.I. Fundamentals of the doctrine of unnamed (nameless) and mixed treaties. - M.: Statute, 2007. - 79 p.
24. Novitsky I.B. Lunz L.A. General doctrine of obligation. - M.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. - 416 p.
25. Weber H. Modernization of the German law of obligations (2002) and its influence in lending and on the use of loans // Banking law. - 2010. - No. 1. - P. 15-21.
26. Suleimenov M.K. How the Civil Code of the Republic of Kazakhstan was created / URL: <https://www.zakon.kz/4468365-kak-sozdavalsja-grazhdanskijj-kodeks.html>

*Angela Melikhova, Dr.iur., Assoc. Prof.
ABConsult Business Academy
Estonia*

The legal nature and types of hidden employment relationships in Estonia

Abstract. This article is devoted to one of the most topical issues of modern labour law of Estonia, and namely, to the problem of the hidden employment relationships. The author considers the most common forms of these legal relations, the reasons of their occurrence, analyzes the negative consequences of their application in practice, draws attention to the need to combat this phenomenon, due to the possible weakening of social protection and violation of labour rights of workers.

Keywords: hidden (or disguised) employment relationship, employment contract, civil contract, apprenticeship, trial work period, voluntary work

*Анжела Мелихова, канд. юрид. наук, доцент
ABConsult Business Academy
Эстония*

Юридическая природа и виды скрытых трудовых отношений в Эстонии

Аннотация. Настоящая статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного трудового права Эстонии - вопросу скрытых трудовых отношений. Автором рассматриваются наиболее распространенные формы данных правоотношений, причины их возникновения, анализируются негативные последствия их применения на практике, обращается внимание на необходимость борьбы с указанным явлением ввиду возможного ослабления социальной защиты и нарушения трудовых прав работников.

Ключевые слова: скрытые трудовые отношения, трудовой договор, гражданско-правовой договор, практика, испытательный срок работы, волонтерская деятельность.

В современных социально-экономических условиях трудовая деятельность человека отличается многообразием форм своего выражения. Как правило, трудовые отношения между работником и работодателем возникают на основании заключаемого между ними трудового договора, в силу которого работник выполняет работу для работодателя, подчиняясь его руководству и контролю, а работодатель выплачивает работнику соответствующее вознаграждение за труд. Суть этих отношений заключается в подчинении работника правилам

организации труда, в праве на ежегодный оплачиваемый отпуск, ежемесячное получение вознаграждения за труд и других гарантиях.

К сожалению, в предпринимательской среде Эстонии нередки случаи, когда работодатели предпринимают незаконные попытки скрыть трудовые отношения, подменив их совершенно иными, как правило, гражданско-правовыми отношениями, заключая соответствующие договоры подряда или поручения. Конечно, оба договора (и трудовой, и подрядный) предполагают выполнение

определенной работы за вознаграждение, однако правовые последствия их различны ввиду того, что правоотношение, возникающее по трудовому договору, регулируется трудовым законодательством, а правоотношение между подрядчиком и заказчиком - Обязательственно-правовым законом [1].

Отдавая предпочтение заключению договоров гражданско-правового характера, эстонские предприниматели, как правило, стремятся “сэкономить” на рабочей силе (ввиду меньшего объёма обязательств перед “работником”), руководствуясь тем, что такие договоры дают им большую свободу для прекращения договорных отношений и, при этом, фактический работник не получает никаких гарантий и компенсаций, предусмотренных трудовым законодательством. Такой подход влечет за собой целый ряд проблем, связанных с нарушением социально-экономических и трудовых прав работников.

Согласно определению, принятому Международной организации труда (далее - МОТ), “скрытые трудовые отношения - это отношения, которым придана видимость, отличающаяся от объективной реальности, с целью ликвидации или ослабления правовой защиты” [2, 29]. В пояснение этой дефиниции отмечается, что “скрытые трудовые отношения выражаются в действиях, которые направлены на то, чтобы скрыть или исказить трудовые отношения, либо путем их маскировки под другой вид правовых отношений, либо путем придания им формы, в которой работнику предоставляется меньшая защита” [2, 29].

Другими словами, предприниматель, заключая необоснованные гражданско-правовые договоры, преследует цель ликвидации или ослабления правовой защиты фактического работника, непредоставления предусмотренных трудовым законодательством социальных льгот и гарантий, минимизации налогового бремени и т.д.

С какими же формами скрытых трудовых отношений сталкиваются потенциальные работники в Эстонии? Чаше всего трудовые отношения маскируются под учебную или трудовую практику, “пробную работу” (неоплачиваемые пробные дни) или волонтерство (добровольную работу).

Договор о прохождении практики и договор о выполнении волонтерской работы

в Эстонии принято рассматривать в качестве разновидностей договора поручения. В отличие от договора подряда, который является возмездным договором, и предусматривает выплату вознаграждения за выполненную работу, договор поручения относится к числу безвозмездных договоров, по которому услуга может быть оказана абсолютно бесплатно (ст. 619 Обязательственно-правового закона).

Письменный договор о прохождении учебной или трудовой практики, содержание которого отвечает содержанию договора поручения, как правило, заключается с практикантом до начала практики. Данный договор позволяет использовать “рабочую силу” при значительно меньших затратах, чем в случае заключения трудового договора. Согласно действующему законодательству, проходить практику на предприятии можно в 2 случаях:

по направлению учебного заведения для прохождения профессиональной практики или практики по специальности, которой овладевает учащийся (ст. 30 Закона о профессиональных учебных заведениях [3]; Постановление министра образования и науки № 32 от 12 сентября 2013 года “Условия и порядок организации и проведения практики” [4]);

по направлению Кассы по безработице для прохождения трудовой практики (продолжительностью до 4 месяцев), лицами, потерявшими работу (ст. 15 Закона об услугах и пособиях рынка труда [5]).

В то же время никто не запрещает устроиться на практику без посредничества учебного заведения или Кассы по безработице. В этом случае инициатива может исходить как от самого заинтересованного лица, так и от предприятия, испытывающего потребность в практикантах.

Действующее законодательство четко разграничивает понятия “учебной” и “трудовой” практики:

учебная практика – часть учебной программы, во время которой учащийся выполняет в рабочей обстановке под руководством руководителя рабочие и учебные задания с определенными целями обучения (ч. 1 ст. 30 Закона о профессиональных учебных заведениях). Взаимоотношения учебного заведения, учащегося и проводящего практику предприятия регулируются договором, заключаемым до начала практики, в котором

оговаривается подробная организация проведения практики, права и обязанности сторон договора. Не являясь работниками в понимании Закона о трудовом договоре (ч. 1 ст. 1) [6], практиканты, проходящие учебную практику, тем не менее, подпадают под действие Закона о гигиене и безопасности труда (п. 2 ч. 3 ст. 1) [7];

трудовая практика – это услуга рынка труда, оказываемая безработным для получения опыта практической работы у работодателей в целях пополнения необходимых для работы знаний и умений безработного (ч. 1 ст. 15 Закона об услугах и пособиях рынка труда). Она осуществляется на основании административного договора, заключаемого между Кассой по безработице и работодателем (руководителем практики), в котором оговаривается число лиц, участвующих в трудовой практике, а также её содержание и продолжительность.

Учебная практика может осуществляться как на возмездной, так и на безвозмездной основе. При прохождении трудовой практики, Касса по безработице выплачивает соответствующее вознаграждение как работодателю (руководителю практики), так и безработному-практиканту (ч. 6 ст. 15 и п. 2 ст. 34 Закона об услугах и пособиях рынка труда).

Зачастую, заключение договора о прохождении практики, возникающей по т.н. “личной инициативе”, заменяет собой прохождение работником испытательного срока при приёме на работу, применяемого (по умолчанию) при заключения трудового договора, и оплачиваемого в размере не ниже установленного законом минимума (в 2018 году - 2,97 евро/час или 500 евро/месяц, при условии полного рабочего времени [8]). Заключение же указанного выше договора позволяет “руководителю практики” выплачивать “практиканту” любые суммы, либо требовать выполнения работы бесплатно в течение всего, указанного в договоре, срока (при этом максимальная продолжительность испытательного срока, установленного трудовым законодательством, составляет 4 месяца). В случае прохождения оплачиваемой практики, у предпринимателя возникает обязанность по регистрации практиканта в Регистре трудовой деятельности.

Ещё одним распространённым

способом “ухода” от заключения трудового договора (и применения в отношении работника испытательного срока) является использование неоплачиваемых пробных дней или (“пробной работы”), в ходе которых потенциальным работникам предлагается “проявить себя”, выполняя трудовые обязанности абсолютно бесплатно. Данные действия работодателя незаконны ввиду того, что, во-первых, в эстонском трудовом законодательстве отсутствует понятие “пробного дня”, а, во-вторых, любой допуск лица до выполнения работы в пользу другого лица (например, обслуживание клиентов за кассой в магазине), выполнение которой (исходя из принципа разумности), можно ожидать только за вознаграждение, предполагает заключение между сторонами трудового договора (в течение первых 14 календарных дней и в устной форме), со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями как для работника, так и для работодателя. Кроме того, фактический допуск работника до работы предполагает автоматическое применение в отношении него испытательного срока и регистрацию его в Регистре трудовой деятельности (п. 2 ч. 3, ч. 4 ст. 25 прим. 1 Закона о налогообложении [9]).

Следовательно, у работодателя всегда есть законный способ проверить знания, навыки и здоровье работника, заключив в нём трудовой договор, а, в случае, неудовлетворительных результатов испытательного срока, отказаться от договора, уведомив об этом работника за 15 календарных дней (ч. 1 ст. 86, ст. 96 Закона о трудовом договоре).

Ситуация, при которой использование “пробного дня” является вполне обоснованным и законным, возможна лишь в случае с лицами, потерявшими работу. Речь идёт об услуге рынка труда, предлагаемой Кассой по безработице, продолжительность которой составляет один день. Благодаря такому подходу потенциальный работник имеет возможность “попробовать себя” на предлагаемом рабочем месте, а работодатель - убедиться, перед заключением трудового договора, в “годности” кандидата.

Главным условием организации подобной пробной работы является поиск работника на свободную вакансию через Кассу по безработице. За участие в пробном дне безработный имеет право получить пособие на проезд и проживание (но не более 26 евро в день) (п. 4 ст. 36 Закона об услугах и пособиях

рынка труда).

Как уже отмечалось выше, трудовое законодательство не предусматривает возможности привлечения работника по трудовому договору к безвозмездному труду. На практике же нередки случаи, когда вместо заключения трудового договора работнику предлагают “ограничиться” заключением договора о волонтерской работе, придя на помощь в качестве добровольца, выполняющего работу, опять-таки, абсолютно бесплатно (по крайней мере, официально).

В Эстонии отсутствует специальное законодательство, регулирующее добровольную работу. В то же время, согласно сложившейся практике, волонтерство принято рассматривать как систему трудовых отношений, построенную на механизме нематериального стимулирования и преследующую социальные, благотворительные и иные общественно полезные цели. Другими словами, оно основывается на добровольном, не требующем оплаты труде, а основными мотивами выполняемой работы являются не материальное поощрение, а социальные, благотворительные и духовные интересы.

В некоторых сферах деятельности добровольная работа уже давно заменила собой “пробные дни”, ввиду своей возможной продолжительности (вплоть до нескольких месяцев), “добровольности” и безвозмездности. Конечно же, сама по себе добровольная работа никоим образом не запрещена, однако с полным доверием к ней можно относиться только в тех случаях, когда она выполняется исходя из личной заинтересованности, по этическим или другим аналогичным соображениям. Работой добровольца нельзя заменить трудовые отношения. В противном случае, мы вновь столкнёмся с той же ситуацией, о которой шла речь выше, в контексте “пробных дней”.

Лица, с которыми заключаются договоры о волонтерской работе должны быть зарегистрированы в Регистре трудовой деятельности (за исключением волонтеров, работающих в некоммерческом объединении). В целом, налоговое законодательство Эстонии не способствуют использованию труда волонтеров в частном (коммерческом) секторе (хотя предпринимательская практика знает немало примеров использования труда “добровольцев” в сфере торговли, общественного питания и строительства). Но иногда такой подход вполне

обоснован. Например, в ситуации, когда собственник кафе проводит благотворительный вечер для детей-инвалидов и, в качестве аниматора, развлекающего детей на этом мероприятии, приглашает волонтера, с которым заключает соответствующий гражданско-правовой договор с последующей регистрацией в Регистре трудовой деятельности.

До недавнего времени упоминание о волонтерской деятельности применительно к частному сектору содержалось лишь в Законе о налогообложении. Однако, ввиду ряда поправок, вступивших в силу 01 апреля 2017 года, такие понятия как «волонтерская работа» и «волонтер» (дефиниции которого в указанном законе не существовало изначально) были упразднены - им на смену пришли новые, более точные формулировки (п. 1 ч. 3, ч. 5 ст. 25 прим. 1 Закона о налогообложении). В частности, вместо термина «волонтеры» в предпринимательской среде Эстонии теперь используется понятие «не получающие оплату лица, работающие в интересах предпринимателя», а то, что прежде называлось «волонтерской работой» - преобразовано в «выполнение работы в интересах коммерческого товарищества или предпринимателя-физического лица без получения оплаты».

В то же время, возможность привлечения добровольцев существует не только в частном секторе. Согласно приказу министра социальной защиты и министра здоровья и труда от 27 марта 2015 года № 57 “Оказание услуг рынка труда целевой группе реформы трудоспособности” [10], добровольная работа определяется как один из видов программной деятельности для поддержания готовности к работе, адресованных безработным (п. 2.1.6.3). Она помогает подготовиться к трудовой жизни, даёт новый опыт, знания и умения, развивает социальные навыки. Добровольная работа может охватывать различную деятельность, направленную на благо общества, преимущественно, в социальной и общественной сферах, а также в области культуры и защиты окружающей среды. Кроме того, это может быть участие в благотворительной деятельности, организованной на уровне компании.

Безработный, решивший принять участие в добровольной работе, может сделать это через партнерские организации Кассы по безработице, получив соответствующее

направление от своего консультанта. Он может принимать участие в добровольной работе не более 3 месяцев подряд и не чаще 4 раз в неделю. За участие в добровольной работе Касса по безработице выплачивает указанному лицу стипендию в размере 3,84 евро в день, а также пособие на проезд и проживание - 10 центов за километр, но не более 26 евро в день (п. 4 ст. 34, п. 4 ст. 36 Закона об услугах и пособиях рынка труда). При этом, Касса обращает внимание, что волонтер не может выполнять работу, для выполнения которой обычно используется наемная рабочая сила.

В ходе осуществления контроля за исполнением требований трудового законодательства, надзорные органы Эстонии руководствуются в своей практике общим правилом, в силу которого, предполагается, что лицо, допущенное до выполнения работы в интересах предпринимателя, выполняет эту работу на основании трудового договора. В случае возникновения спора о том, был ли

заключен договор и на каких условиях, все риски и бремя доказывания ложатся на плечи работодателя. В ситуации, при которой лицо, выполняющее работу по гражданско-правовому договору посчитает, что содержание его работы и условия труда больше характерны для трудовых отношений, оно вправе обратиться в органы по рассмотрению трудовых споров (КТС или суд) с требованием о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями.

В заключение следует отметить, что еще 2006 году Генеральной конференцией МОТ была принята Рекомендация № 198 «О трудовом правоотношении» [11], в которой говорится о том, что «национальная политика стран-членов МОТ должна, как минимум, предусматривать меры, направленные на ведение борьбы со скрытыми формами трудовых отношений» (п. 4), в том числе, замаскированных под различные виды гражданско-правовых отношений.

Список использованных источников

1. Обязательственно-правовой закон (RT I 2001, 81, 487).
2. Международная конференция труда. 91-я сессия. Доклад V: Сфера трудовых отношений. - Женева, 2003. - 109 с.: <http://www.ilo.org/public/russian/standards/reim/ilc/ilc91/pdf/rep-v.pdf>
3. Закон о профессиональных учебных заведениях (RT I, 02.07.2013, 1).
4. Постановление Министра образования и науки № 32 от 12 сентября 2013 года «Условия и порядок организации и проведения практики» (RT I, 13.09.2013, 6).
5. Закон о пособиях и услугах рынка труда (RT I 2005, 54, 430).
6. Закон о трудовом договоре (RT I 2009, 5, 35).
7. Закон о гигиене и безопасности труда (RT I 1999, 60, 616).
8. Постановление Правительства Республики № 189 от 21 декабря 2017 года «Об установлении минимальной ставки оплаты труда» (RT I, 23.12.2017, 49).
9. Закон о налогообложении (RT I 2002, 26, 150).
10. Приказ Министра социальной защиты и Министра здоровья и труда от 27 марта 2015 года № 57 «Оказание услуг рынка труда целевой группе реформы трудоспособности»: https://www.sm.ee/sites/default/files/content-editors/ESF/57_lisa.pdf
11. Рекомендация МОТ от 15 июня 2006 года № 198 «О трудовом правоотношении».

References

1. Law of Obligations Act (RT I 2001, 81, 487).
2. International Labour Conference. 91st Session. Report V. 2003. International Labour Office. - Geneva: <http://www.ilo.org/public/english/standards/reim/ilc/ilc91/pdf/rep-v.pdf>
3. Vocational Educational Institutions Act (RT I, 02.07.2013, 1).
4. Decree of the Minister of Education and Science No. 32 of September 12, 2013 «Conditions and procedure for organizing and conducting the practice» (RT I, 13.09.2013, 6).
5. Labour Market Services and Benefits Act (RT I 2005, 54, 430).

6. Employment Contracts Act (RT I 2009, 5, 35).
7. Occupational Health and Safety Act (RT I 1999, 60, 616).
8. Regulation of the Government of the Republic No. 189 of December, 21, 2017 “Establishment of minimum wage” (RT I, 23.12.2017, 49).
9. Taxation Act (RT I 2002, 26, 150).
10. Regulation of the Minister of Social Protection and the Minister of Health and Labour No. 57 of March 27, 2015 “Provision of labour market services to the target group of work reforms”: https://www.sm.ee/sites/default/files/content-editors/ESF/57_lisa.pdf
11. ILO Recommendation No. 198 “On Employment Relationships”.

Ilze Kaparšmite, Mag.iur., doktorante
Baltijская Международная Академия,
Латвия

Процесс реструктуризации или процесс правовой защиты предприятий в Латвии

Аннотация. В этом году исполняется десять лет со дня внедрения в Латвии процесса правовой защиты коммерческих обществ (в дальнейшем также - ППЗ), который создан для укрепления возможности коммерческих обществ восстановиться после кратковременных финансовых трудностей. В целом процессы неплатежеспособности в настоящее время регулируются тремя разными законами – законом «О неплатежеспособности предприятий и предпринимательских обществ», законом «О неплатежеспособности» от 01.11.2007, который вступил в силу 01.01.2008, и новым законом «О неплатежеспособности» от 26.07.2010, который вступил в силу 01.11.2010 и который пережил значимые изменения после принятия 22 декабря 2016 года изменений в законе «О неплатежеспособности», которые вступили в силу 6 января 2017 года. Целью этой статьи является выяснение цели и принципов процесса правовой защиты, установление круга субъектов процесса правовой защиты и наиболее значимых предварительных условий для возбуждения и реализации ППЗ.

Ключевые слова: реструктуризация, процесс правовой защиты, субъект процесса правовой защиты, восстановление платежеспособности, неплатежеспособность.

Ilze Kaparšmite, Mag.iur., doktorante
Baltijas Starptautiskā akadēmija
Latvija

Uzņēmumu restrukturizācijas jeb tiesiskās aizsardzības process Latvijā

Anotācija. Šogad apritēs astoņi gadi, kopš Latvijā ieviests komercsabiedrību tiesiskās aizsardzības process (turpmāk arī – TAP), kas izveidots, lai stiprinātu komercsabiedrību iespējas atgūties no īslaicīgām finansiālām grūtībām. Kopumā maksātnespējas procesus šobrīd regulē trīs dažādi likumi – likums „Par uzņēmumu vai uzņēmēj sabiedrību maksātnespēju”, pirmais Maksātnespējas likums un jaunais Maksātnespējas likums, kas nozīmīgas pārmaiņas ir piedzīvojis pavisam nesen, pieņemot 2016. gada 22. decembra Maksātnespējas likuma grozījumus, kas stājās spēkā 2017. gada 6. janvārī. Šī raksta mērķis ir noskaidrot tiesiskās aizsardzības procesa mērķi un principus, apzināt TAP procesa dalībniekus, to tiesības un pienākumus, izziņāt vispārīgos noteikumus un TAP lietas ierosināšanas sekas, TAP procesa īstenošanas nozīmīgākos aspektus.

Atslēgas vārdi: restrukturizācija, tiesiskās aizsardzības process, tiesiskās aizsardzības procesa subjekts, maksātnespējas atjaunošana, maksātnespēja.

*Ilze Kaparsmite, Mag.iur., doctoral student
Baltic International Academy
Latvia*

Restructuring of businesses or legal protection procedure in Latvia

Abstract. Ten years have passed since the implementation of legal protection procedure (hereinafter – the LPP) for commercial companies established with the view to enable commercial companies to recover from temporary financial difficulties. In general, insolvency proceedings are currently governed by three different laws: The Law on Insolvency of Businesses or Business Companies, the Insolvency Law of 01.11.2007 effective from 01.01.2008, and the new Insolvency Law of 26.07.2010 effective from 01.11.2010; the latter has experienced significant changes upon enactment on 22 December 2016 of the Amendments to Insolvency Law effective from 6 January 2017. The purpose of this article is clarification of the objective and principles of legal protection procedure and identification of the range of subjects in legal protection procedure and the key preconditions to the institution and enforcement of the LLP.

Key words: restructuring, legal protection procedure, subject in legal protection procedure, restoration of solvency, insolvency.

Введение

В этом году исполняется 10 лет с момента введения в Латвии процесса правовой защиты коммерческих обществ (в дальнейшем также – ППЗ), который создан для укрепления возможности коммерческих обществ восстановиться после кратковременных финансовых трудностей.

Формирование рыночных отношений в начале девяностых годов XX столетия в качестве приоритета выдвинуло разработку современного закона о неплатежеспособности. 3 декабря 1991 года Верховным Советом Латвийской Республики был принят закон «О неплатежеспособности и банкротстве предприятий и предпринимательских обществ» [1], который был и по-прежнему является одним из наиболее важных основных элементов коммерческого права Латвии. Наиболее существенной в созданной государством системе стандартов неплатежеспособности являлась санация или восстановление деятельности должника, а не банкротство, и в большей степени это основное значение сохранилось также в

сегодняшнем нормативном регулировании неплатежеспособности.

С развитием рыночной экономики развивалось также регулирующее рыночную деятельность право о неплатежеспособности. 1 ноября 2010 года вступил в силу новый, принятый Сеймом 26 июля 2010 года закон «О неплатежеспособности» [2]. Со вступлением в силу нового закона утратил силу действующий с 1 января 2008 года закон с таким же названием [3]. В целом процессы неплатежеспособности в настоящее время регулируются тремя разными законами – законом «О неплатежеспособности предприятий и предпринимательских обществ» [1], первым законом «О неплатежеспособности» [3] и новым законом «О неплатежеспособности» [2], перетерпевшим значимые изменения после принятия 22 декабря 2016 года изменений в законе «О неплатежеспособности» [4], которые вступили в силу 6 января 2017 года.

Происхождение правовой защиты коммерческих обществ как решение правового восстановления платежеспособности можно найти в США, где порядок реорганизации

предприятий регулируется разделом 11 (о банкротстве) Кодекса [5]. В Эстонии похожий процесс доступен с конца 2008 года [6] и считается значимой переменной в законодательстве Эстонии, в свою очередь, в Литве такой процесс существует уже с 2001 года [7].

С 2008 года, когда 1 января вступил в силу первый закон «О неплатежеспособности» [3], предлагая новое правовое решение – правовую защиту должника, до настоящего времени, когда действует уже второй закон «О неплатежеспособности» [2], в Латвии возбуждено 1127 [8] дел о процессе правовой защиты, из которых в 299 [9] случаях объявлена процедура процесса правовой защиты, в 100 [9] случаях утверждены изменения процесса правовой защиты, а в 1035 [9] случаях процесс правовой защиты уже прекращен.

Здесь важно отметить, что правовая защита коммерческих обществ является заимствованным процессом, который до дня вступления в силу закона «О неплатежеспособности» 2008 года [3] в коммерческое право и право о неплатежеспособности не был включен, и понимание о нем было лишь мнимым. Процесс, при котором деятельность оказавшегося в кратковременных затруднениях в отношении платежеспособности коммерсанта защищается, а не подвергается процедуре неплатежеспособности, является решением для коммерсантов, бизнеса которых коснулся экономический спад, однако восстановление бизнеса является возможным при наличии определенной защиты. Это вторая возможность и для тех коммерсантов, которые в 2008-2010 годах под влиянием финансового и управленческого кризиса в Латвии [10] пережили финансовые трудности и все еще борются с его последствиями.

При росте количества дел о процессе правовой защиты актуализируется также проблематика этого правового решения.

В юридической литературе Латвии не хватает специальных исследований о процессе правовой защиты, цели и принципов процесса правовой защиты, круге субъектов процесса правовой защиты, проблематике рассмотрения дел. В работах специалистов правоведения Латвии правовая защита рассмотрена поверхностно, однако отдельные

разработки имеют методологическое значение в понимании этих вопросов, в том числе Комментарии к Гражданскому процессуальному закону [11], представленные Администрацией неплатежеспособности разъяснения [12], публикации Г.Берзиньша (G.Berzins) [13; 14; 15; 16], А.Гобзема (A.Gobzems) [17; 18; 19], Х.Яуя (H.Jauja) [20], И.Мелькиса (I.Melkis) [21] и другие.

Мировой экономический кризис заставил улучшить нормативное регулирование неплатежеспособности и восстановления платежеспособности не только в Латвии, но и в Европе. Как в Латвии, так и в отдельных крупных государствах Европы, в том числе Германии, Испании и Италии, наиболее важные реформы законодательства в сфере неплатежеспособности реализованы лишь недавно.

В результате реформы законодательства в сфере неплатежеспособности Европа ощутило приблизилась к англо-американской правовой системе в нормативном регулировании реструктуризации неплатежеспособности, с перенятием американского института debt-or-in-possession (означ. защищенный должник).

Научное исследование проблем реализации процесса правовой защиты является актуальным, значимым и современным. Качество системы ППЗ устанавливается не только нормами закона, но и практикой применения этих норм, формирование которой находится в руках осуществляющих надзор за процессами ППЗ лиц и Администрации неплатежеспособности.

Цель данной статьи – выяснить задачи и принципы закрепленного в законе «О неплатежеспособности» процесса правовой защиты, выяснить общие положения и последствия возбуждения дела о ППЗ, наиболее значимые аспекты реализации процесса ППЗ.

Цель и принципы процесса правовой защиты

Согласно данному в части первой статьи 3 закона «О неплатежеспособности» [2] определению процесса правовой защиты, процессом правовой защиты является совокупность мероприятий правового характера, цель которой состоит в восстановлении способности должника урегулировать свои обязательства, если должник оказался в финансовом затруднении или считает, что в таковом может оказаться. И целью самого закона «О неплатежеспособности» [2] в целом

является содействие выполнению обязательств оказавшегося в финансовом затруднении должника и, если возможно, восстановлению его платежеспособности при применении установленных нормативными актами Латвийской Республики принципов и правовых решений. По существу, процессом правовой защиты является совокупность мероприятий правового характера по защите интересов коммерческого общества в случае ограниченной платежеспособности с целью восстановления его платежеспособности в полном объеме.

Промежуточной целью политики ППЗ является содействие возвращению жизнеспособных предприятий в экономический оборот, обеспечивая таким образом защиту кредиторов, приобретая в долгосрочной перспективе более, нежели в случае неплатежеспособности [22].

В процессе правовой защиты осуществляются 8 общих принципов [2], которые аналогичны принципам процесса неплатежеспособности юридического лица и процесса неплатежеспособности физического лица: 1) принцип сохранения прав; 2) принцип равенства кредиторов; 3) принцип запрета на самоуправство; 4) принцип выполнения обязательств; 5) принцип эффективности процесса; 6) принцип скорости оборота; 7) принцип открытости; 8) принцип добросовестности. Из упомянутого следует, что вовлеченные в процесс лица обязаны использовать свои права и выполнять обязанности добросовестно. Должник и кредиторы не должны использовать процесс с целью наживы. Кроме того, в процессе правовой защиты соблюдаются права кредиторов, полученные до процесса. Ограничение прав кредитора, определенное в рамках процесса, не может превышать необходимого для достижения цели ППЗ. Также кредиторам даются равные возможности участвовать в процессе и получать удовлетворение своих требований согласно обязательствам, установленным ими с должником до начала процесса. В соответствии с принципом запрета на самоуправство кредитор и должник не могут осуществлять индивидуальные действия, наносящие вред интересам совокупности кредиторов. Согласно принципу выполнения обязательств, в рамках ППЗ применяются такие мероприятия, которые позволяют выполнить обязательства, принятые на себя должником, в большем размере и при

наименьшем потреблении ресурсов наиболее полно достичь цели процесса. Задача ППЗ состоит в поддержании скорости коммерческого правового оборота. Информация о ППЗ должна быть доступной для всех вовлеченных в процесс лиц, содействуя таким образом соблюдению интересов этих лиц и достижению целей процесса. Исключением является информация, неограниченное разглашение которой могло бы нанести вред законным интересам должника или кредиторов.

Процесс правовой защиты является понятием, близким по своей цели и направлению широко известному в мире понятию «реструктуризация».

В литературе высказывается мнение, что реструктуризация предприятия – это осуществление организационно-хозяйственных, финансово-экономических, правовых, технических мер, направленных на повышение конкурентоспособности предприятия и увеличение его стоимости, что приводит к его финансовому оздоровлению, увеличению выпуска продукции, повышению эффективности производства. В период реструктуризации может осуществляться реорганизация предприятия, смена формы руководства, собственности, организационно-правовой формы, погашение долговых обязательств [23].

По мнению О. С. Богданова, реструктуризация – это целостный комплекс мер рыночной организации финансово-хозяйственной деятельности юридического лица, направленных на увеличение эффективности использования его внутренних и привлеченных ресурсов. Реструктуризация предприятия проводится в целях достижения при сложившихся экономических реалиях наиболее адекватного соотношения и взаимодействия основных факторов производства. Кроме того, реструктуризация включает в себя эффективное использование финансовых средств, производственной номенклатуры, обязательств, а также освобождение от излишних затрат [24, 118].

По мнению отдельных присяжных адвокатов Латвии, процессом правовой защиты является соглашение с кредиторами об отсрочке уплаты долгов, полном или частичном погашении или уменьшении долгов, увеличении основного капитала, реорганизации предприятия или других мероприятиях с целью продолжения деятельности

предприятия и восстановления способности предприятия урегулировать свои обязательства [25], достигнутое оказавшимся в финансовых затруднениях предприятием в установленном законом «О неплатежеспособности» порядке.

В ходе разработки закона «О неплатежеспособности» существовало мнение, что при внедрении института процесса правовой защиты будет достигнуто гуманное и эффективное с экономической точки зрения решение, которое будет противопоставлено доминирующей в то время ситуации – разрушению коммерческой деятельности должника [13,396] Возможно, нововведенное правовое решение, предоставляющее возможность устранить кратковременные финансовые трудности и дающее возможность восстановить коммерческую деятельность, не получило полноценного фактического отражения в период воплощения закона именно в связи с тем, что правовое решение появилось недавно, и ощущается недостаток опыта при его применении.

Как правильно отмечает Лазько С.И.[26] – реструктуризация предприятия направлена на оптимизацию всех его функций и обеспечение наибольшего экономического эффекта от деятельности предприятия. Также, реструктуризацией является комплекс разносторонних взаимосвязанных преобразований на предприятии с целью повышения долгосрочной эффективности его производства, прибыльности, достижения оптимальности функционирования. Эта процедура направлена, прежде всего, на оздоровление предприятия и может быть связана с изменениями организационно-правовой структуры предприятия, изменениями в структуре управления предприятием, в кадровой структуре, преобразованиями в процессе производства, перепрофилированием предприятия и так далее.

Реструктуризация предприятия включает рыночную ориентацию предприятия, повышение его гибкости, активное развитие. Поэтому в научной литературе реструктуризацией часто называют комплексное оздоровление предприятия с целью его выхода из кризиса и обеспечения дальнейшего развития [27, 325].

Процесс реструктуризации заключается в совершенствовании производственной и коммерческой деятельности предприятия

с целью повышения его рентабельности и конкурентоспособности, с одной стороны. С другой стороны, этого может оказаться недостаточно для восстановления платежеспособности и нормального функционирования предприятия. В таком случае возникает необходимость в реструктуризации, которая будет заключаться в достижении соглашения между предприятием-должником и кредиторами о финансовом оздоровлении предприятия [26].

Сама цель закона «О неплатежеспособности» с момента включения правовой защиты в правовое регулирование являлась переменной величиной. В исторической редакции закона «О неплатежеспособности» [3] целью закона являлось, во-первых, содействие восстановлению платежеспособности субъекта неплатежеспособности и, во-вторых, защита интересов совокупности кредиторов в случае ограниченной платежеспособности или неплатежеспособности должника. С 1 ноября 2010 года в новом законе «О неплатежеспособности» [2] из приоритетов цели закона по необъяснимым мотивам законодателем была исключена защита интересов кредиторов.

Совершенно ясно, что основной целью процесса правовой защиты или реструктуризации должника является восстановление платежеспособности предприятия-должника, повышение его конкурентоспособности и выход из кризиса. Однако, при этом отсутствует единство мнений относительно форм проведения реструктуризации.

Субъекты процесса правовой защиты и порядок особого судопроизводства

Дела о процессе правовой защиты рассматриваются в порядке особого судопроизводства.

Дело о процессе правовой защиты рассматривается судом по юридическому адресу должника, который был зарегистрирован за три месяца до подачи заявления в суд [28].

Первый шаг к процессу правовой защиты – определение является ли податель заявления субъектом процесса правовой защиты.

Для того чтобы податель заявления о процессе правовой защиты имел право использовать закрепленное законом «О неплатежеспособности» [2] право на процесс восстановления платежеспособности и

вытекающие из него преимущества, суд при рассмотрении заявления и принятии решения о принятии заявления и возбуждении дела, в первую очередь, должен установить, что податель заявления является субъектом процесса правовой защиты: а) юридическим лицом; б) персональным обществом; в) индивидуальным коммерсантом; г) зарегистрированным в иностранном государстве лицом, осуществляющим постоянную хозяйственную деятельность в Латвии; или д) производителем сельскохозяйственных продуктов (юридическое лицо, из годовых доходов которого более 50 процентов на день подачи заявления о процессе правовой защиты образуют доходы от производства и переработки сельскохозяйственных продуктов). Также, судом должно быть констатировано, что: субъект находится в финансовых затруднениях или окажется в финансовых затруднениях; субъект не способен или не будет способен урегулировать свои обязательства; не начата ликвидация субъекта; в течение последних четырех месяцев не был возбужден и прекращен процесс правовой защиты в связи с тем, что план мероприятий процесса правовой защиты в порядке и в срок, установленные законом не был поддержан установленным большинством кредиторов или в связи с тем, что план мероприятий процесса правовой защиты не соответствовал требованиям закона «О неплатежеспособности»; в отношении субъекта процесса правовой защиты в течение последних пяти лет не был реализован и прекращен процесс правовой защиты в связи с выполнением плана мероприятий процесса правовой защиты (условие не применяется в случае объявления в отношении должника процесса неплатежеспособности юридического лица и подачи заявления о процессе правовой защиты). Важно учесть, что субъектом процесса правовой защиты не может являться таким участником рынка финансов и капитала как: страховщиком, страховым брокерским обществом, организатором регулируемого рынка, инвестиционным брокерским обществом, депозитарием, управляющим альтернативных инвестиционных фондов, обществом по управлению инвестициями, ссудо-сберегательным обществом, кредитным учреждением и частным пенсионным фондом.

Заявление о процессе правовой защиты

принимается судом от должника, от имени которого подается заявление (или, лица, которое вправе представлять должника и таковым зарегистрировано), или лица, которое уполномочено (специальная доверенность) на подачу заявления. Так, как нормы Гражданского процессуального закона предусматривают обязанность суда проверить личность подателя заявления, и обязанность подателя и получателя расписаться в специальном реестре, в котором регистрируется каждое заявление о ППЗ, это явно указывает на абсолютный характер физического присутствия должника (соответственно представителя) при подаче заявления. И хотя Гражданский процессуальный закон [28] и закон «О неплатежеспособности» [2] не устанавливают, надлежит ли приобщать к заявлению обосновывающие обстоятельства документы и какие именно, по мнению автора, любое заявление должно быть обосновано с соблюдением общих норм гражданского процесса об обязанности доказывания. Статьей 92 Гражданского процессуального закона [28] устанавливается, что доказательствами являются сведения, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие таких фактов, которые имеют значение при вынесении решения по делу. Таким образом, в этом случае для решения вопроса о движении заявления о процессе правовой защиты и о наделении субъекта правом использовать закрепленное законом «О неплатежеспособности» [2] право на процесс восстановления платежеспособности и вытекающие из него преимущества, в распоряжении суда должны быть достоверные и проверяемые доказательства о наличии и выполнении предварительных условий, а также об отсутствии предусмотренных законом ограничений, так как постановление суда о возбуждении дела о процессе правовой защиты имеет значимые последствия не только в отношении самого должника, но и по отношению к его кредиторам, т.е. постановлением суда о возбуждении дела о процессе правовой защиты: 1) приостанавливается производство по исполнению решений по делам о взыскании присужденных, но не взысканных с должника сумм и по делам об исполнении обязательств в судебном порядке в установленном Гражданским процессуальным законом [28] порядке (Должник обязан информировать судебного исполнителя, в производстве которого

находятся дела о взыскании присужденных, но не взысканных с должника сумм и дела об исполнении обязательств в судебном порядке, о возбуждении дела о процессе правовой защиты.) [2]; 2) устанавливается запрет обеспеченному кредитору требовать продажи заложенного имущества должника (Обеспеченный кредитор может требовать продажи заложенного имущества должника, если упомянутый запрет причиняет существенный вред интересам этого кредитора (в том числе, существует угроза уничтожения заложенного имущества, значительно снизилась стоимость заложенного имущества)). Постановление о разрешении продажи заложенного имущества должника принимает суд, в котором возбуждено дело о соответствующем процессе правовой защиты.) [2]; 3) устанавливается запрет кредитору подавать заявление о процессе неплатежеспособности юридического лица [2]; 4) устанавливается запрет на осуществление ликвидации должника [2]; 5) приостанавливается прирост неустойки [2]; 6) приостанавливается прирост тех процентов, которые превышают законные проценты, за исключением случаев, когда установленная Европейским центральным банком процентная ставка по основным операциям рефинансирования превышает размер законных процентов, так как в таком случае должна быть применена установленная Европейским центральным банком процентная ставка по основным операциям рефинансирования [2]; 7) приостанавливается прирост пени [2]; 8) приостанавливается начисление пени по налоговым требованиям [2].

Не позднее чем на следующий день после получения заявления о процессе правовой защиты судья принимает постановление: 1) об оставлении заявления о процессе правовой защиты без движения; 2) об отказе в принятии заявления о процессе правовой защиты; 3) о принятии заявления о процессе правовой защиты и возбуждении дела. О возбуждении дела о процессе правовой защиты на основании дубликата постановления суда ответственное учреждение вносит запись в регистр неплатежеспособности. Регистр неплатежеспособности согласно закону «О Регистре предприятий Латвийской Республики» [29], закону «О неплатежеспособности» [2] и другим нормативным актам ведет Регистр

предприятий.

Дальнейшая реализация права на процесс восстановления платежеспособности подчинена разработке плана мероприятий процесса правовой защиты, успешному его согласованию, утверждению и реализации.

Разработка плана мероприятий процесса правовой защиты и реализация процесса

Одним из наиболее значимых этапов всего процесса ППЗ является разработка и согласование плана мероприятий процесса правовой защиты, на что в соответствии с положениями части 2 статьи 40 закона «О неплатежеспособности» [2] устанавливается ограниченный срок – два месяца со дня возбуждения судом дела о процессе правовой защиты. Срок реализации процесса правовой защиты устанавливается не более двух лет со дня вступления в силу постановления суда о реализации процесса правовой защиты, но он может быть продлен еще на два года, если с этим согласно установленное большинство кредиторов.

Определение плана мероприятий процесса правовой защиты не исходит из действующих нормативных правовых актов. С учетом выдвинутых законом «О неплатежеспособности» предварительных условий к содержанию плана мероприятий процесса правовой защиты его можно было бы назвать также своего рода бизнес-планом, в котором планируется предпринимательская деятельность на определенный период времени – на период правовой защиты, обеспечивая, чтобы приобретение не согласовавших план кредиторов при реализации процесса правовой защиты было бы по меньшей мере такого же размера как в случае, если в момент утверждения этого плана в отношении должника был бы объявлен процесс неплатежеспособности.

По мнению автора, план мероприятий процесса правовой защиты должен быть конкретным, продуманным, должен отражать ситуацию должника в настоящее время и его будущие перспективы, а также должен подчеркивать сильные и слабые стороны его предпринимательской деятельности. Подлежит положительной оценке закрепленное в законе «О неплатежеспособности» [2] требование о приобщении к плану: 1) отчета о прогнозах

запланированного денежного потока в первый год процесса с пояснением статей отчета в интервале одного месяца, а для последующих лет – в интервале трех месяцев; 2) представленные кредиторами и не принятые во внимание возражения в отношении плана мероприятий процесса правовой защиты, а также доказательства того, что план мероприятий процесса правовой защиты передан всем кредиторам; 3) заключение присяжного ревизора, если таковое подготовлено; 4) сведения о выдвинутых кредиторами кандидатах на исполнение обязанности надзирающего за процессом правовой защиты лица, если не достигнуто соглашение о кандидате на исполнение обязанности надзирающего за процессом правовой защиты лица. План мероприятий процесса правовой защиты имеет силу со дня утверждения его судом и является обязательным (также для кредиторов, которые не дали согласие). Если план мероприятий процесса правовой защиты в установленном порядке и срок не поддержан установленным большинством кредиторов и процесс правовой защиты завершается, упомянутые запреты прекращаются и сумма приостановленных неустойки, процентов и пени по невыполненным обязательствам начисляется в полном размере.

Законодатель предусмотрел применение в отношении должника в процессе правовой защиты одного или нескольких методов, в том числе, отсрочки исполнения обязательств по платежам, отчуждения движимого или недвижимого имущества или их обременения вещными правами, увеличения основного капитала, реорганизации, пропорционального погашения или уменьшения основного долга, неустойки или процентов и других методов, соответствующих цели процесса правовой защиты. Методы процесса правовой защиты не применяются в отношении расходов на процесс правовой защиты, а также на штрафы, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях [30] и Уголовным законом Латвии [31]. Кроме того, по сравнению с другими кредиторами, значительно более неблагоприятные условия в плане мероприятий процесса правовой защиты в отношении отдельного кредитора могут быть предусмотрены только с согласия соответствующего кредитора [2].

Среди прочего важно упомянуть, что при

обращении в суд с заявлением о процессе правовой защиты субъект процесса правовой защиты должен быть готов после решения о возбуждении дела немедленно (конкретный срок не оговорен) направить всем кредиторам актуальный список кредиторов с указанием размера требования и контактной информации каждого кредитора. Важно отметить, что законодателем не уделено нужное внимание допустимости физического лица как кредитора в процессе правовой защиты, таким образом, не оценена допустимость разглашаемой информации и ее соответствие Общему регламенту по защите данных (Постановление Европейского Парламента и Совета Европейского союза (ЕС) 2016/679 (27 апреля 2016 года) по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободного обращения таких данных, и которой отменяется Директива 95/46/ЕК) (Общий регламент по защите данных) [32].

Согласно положениям статьи 43 закона «О неплатежеспособности» [2] надзирающее за процессом правовой защиты лицо до утверждения плана мероприятий процесса правовой защиты в суде представляет заключение об этом плане в установленный судом срок и передает его должнику одновременно с его представлением в суд. Заключение содержит оценку о соответствии плана мероприятий процесса правовой защиты нормам закона и оценку того, достигнет ли он установленной законом цели процесса правовой защиты. Требования, которые на первый взгляд (*prima facie*) кажутся необоснованными, прилагаются к заключению, и в случае необходимости (возможности поддельного требования) об этом сообщается ответственным государственным структурам. Если должник не принял во внимание изложенные кредиторами возражения против плана мероприятий процесса правовой защиты, эти возражения оцениваются, и о них свое заключение представляет независимый присяжный ревизор, который не является надзирающим за процессом правовой защиты лицом.

Завершение процесса правовой защиты после выполнения плана мероприятий процесса правовой защиты является основанием для завершения установленных процессом правовой защиты ограничений на действия должника и использования примененного в этом

процессе метода.

Выводы

- Процессом правовой защиты является совокупность мероприятий правового, организационно-хозяйственного, финансово-экономического и технического характера по защите интересов субъекта процесса правовой защиты в случае ограниченной платежеспособности, направленных на оптимизацию всех его функций, повышению его конкурентоспособности и выход из кризиса, с целью его финансового оздоровления, повышения эффективности производства, погашения долгов и восстановления его платежеспособности в полном объеме.
- В процессе правовой защиты имеют место 8 общих принципов: 1) принцип сохранения прав; 2) принцип равенства кредиторов; 3) принцип запрета на самоуправство; 4) принцип выполнения обязательств; 5) принцип эффективности процесса; 6) принцип скорости оборота; 7) принцип открытости; 8) принцип добросовестности
- Субъекты процесса правовой защиты: а) юридическое лицо; б) персональное общество; в) индивидуальный коммерсант; г) зарегистрированное в иностранном государстве лицо, осуществляющее постоянную хозяйственную деятельность в Латвии; д) производитель сельскохозяйственных продуктов (юридическое лицо, из годовых доходов которого более 50 процентов на день подачи заявления о процессе правовой защиты образуют доходы от производства и переработки сельскохозяйственных продуктов).
- Субъектом процесса правовой защиты не может являться следующие участники рынка финансов и капитала: страховщик, страховое брокерское общество, организатор регулируемого рынка, инвестиционное брокерское общество, депозитарий, управляющий альтернативных инвестиционных фондов, общество по управлению инвестициями, ссудо-сберегательное общество, кредитное учреждение и частный пенсионный фонд
- Так как нормы Гражданского процессуального закона предусматривают обязанность суда проверить личность подателя заявления процесса правовой защиты, и обязанность подателя и получателя расписаться в специальном реестре, в котором регистрируется каждое заявление о ППЗ, это прямо указывает на абсолютный характер физического присутствия должника (соответственно представителя) при подаче заявления.
- Для решения вопроса о движении заявления о процессе правовой защиты и наделением субъекта правом использовать закрепленное законом «О неплатежеспособности» право на процесс восстановления платежеспособности и вытекающие из него преимущества в распоряжении суда должны быть достоверные и проверяемые доказательства о наличии и выполнении предварительных условий а также об отсутствии законом предусмотренных ограничений, так как постановление суда о возбуждении дела о процессе правовой защиты имеет значимые последствия не только в отношении самого должника, но и по отношению к его кредиторам.
- План мероприятий процесса правовой защиты можно назвать также своего рода бизнес-планом, в котором планируется предпринимательская деятельность на определенный период времени – на период правовой защиты, обеспечивая, чтобы приобретение не согласовавших план кредиторов при реализации процесса правовой защиты было бы по меньшей мере такого же размера как в случае, если в момент утверждения этого плана в отношении должника был бы объявлен процесс неплатежеспособности. План мероприятий процесса правовой защиты должен быть конкретным, продуманным, должен отражать ситуацию должника в настоящее время и будущие его перспективы, а также должен подчеркивать сильные и слабые стороны его предпринимательской деятельности.
- Методы процесса правовой защиты: отсрочка исполнения обязательств по платежам; отчуждение движимого или недвижимого имущества или их обременение вещными правами; увеличение основного капитала; реорганизации (в понятии Коммерческого закона); пропорциональное погашение или уменьшение основного долга, неустойки или

процентов; другие методы, соответствующие цели процесса правовой защиты.

Завершение процесса правовой защиты после выполнения плана мероприятий процесса правовой защиты является основанием

для завершения установленных процессом правовой защиты ограничений на действия должника и использования примененного в этом процессе метода

Список использованных источников

1. «О неплатежеспособности и банкротстве предприятий и предпринимательских обществ» // Закон Латвийской Республики. Принят Верховным Советом 03.12.1991. Вступил в силу: 01.01.1992; Утратил силу: 12.10.1996// Ведомости, 2/3, 16.01.1992; Диена, 249, 24.12.1991. Доступен: <https://likumi.lv/ta/id/72326-par-uznemumu-un-uznemejsabiedribu-maksatnespeju-un-bankrotu> [просмотрен: 25.04.2018]

2. Закон «О неплатежеспособности» // Закон Латвийской Республики. Принят Сеймом Латвийской Республики 26.07.2010; Вступил в силу 01.11.2010// Латвияс Вестнесис, 06.08.2010, № 124 (4316). Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=214590> [просмотрен: 25.04.2018]

3. Закон «О неплатежеспособности» // Закон Латвийской Республики. Принят Сеймом Латвийской Республики 01.11.2007. Вступил в силу: 01.01.2008. Утратил силу: 01.11.2010// Латвияс Вестнесис, 188 (3764), 22.11.2007; Ведомости, 24, 27.12.2007. Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=166663https://likumi.lv/doc.php?id=214590> [просмотрен: 25.04.2018.]

4. Изменения в Законе «О неплатежеспособности» // Закон Латвийской Республики. Принят Сеймом Латвийской Республики 22.12.2016. Вступил в силу: 06.01.2017. // Латвияс Вестнесис, 5 (5832), 05.01.2017. Доступны: <https://likumi.lv/ta/id/287876-grozijumi-maksatnespejas-likuma>[просмотрены: 25.04.2018.]

5. Свод законов Соединенных Штатов Америки (The Code of Laws of the United States of America). Доступен: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>, [просмотрен 03.04.2018.];

6. Закон «О реорганизации» или «О реструктуризации». Смотр. на эстонском языке «Saneerimisadus» (вступил в силу 26 декабря 2008 года), в переводе на английский язык «Reorganisation Act» или «Restructuring Act», на латышском языке – «Likums par reorganizāciju» или «Likums par restrukturizāciju». Доступен: <https://www.riigiteataja.ee> [просмотрен 03.04.2018.]

7. Закон «О реструктуризации предприятий» Литовской Республики от 20.03.2001 № IX-218 (на английском языке «Law on restructuring of enterprises»). Доступен: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/852cef6049bd11e68f45bcf65e0a17ee?jfwid=1anskbvu8i> [просмотрен 05.04.2018.];

8. Регистр неплатежеспособности: Общее количество возбужденных дел по ППЗ с распределением по форме деятельности. Ресурс Интернета. Доступен: https://www.lursoft.lv/exec?act=MNR_LSTAT&stat_id=535&tablesequence=&tablepage=4 [просмотрен 09.04.2018.]

9. Регистр неплатежеспособности: Зарегистрированные ППЗ события по дате регистрации. Ресурс Интернета. Доступен: https://www.lursoft.lv/exec?act=MNR_LSTAT&stat_id=539 [просмотрен 09.04.2018.]

10. Ресурс Интернета. [https://lv.wikipedia.org/wiki/Latvijas_finanšu_un_pārvaldes_krīze_\(2008—2010\)](https://lv.wikipedia.org/wiki/Latvijas_finanšu_un_pārvaldes_krīze_(2008—2010)) [просмотрен 09.04.2018.]

11. Айгарс Г., Давидович Г., Торганс К. Комментарии к Гражданскому процессуальному закону II (главы 29-60). Рига, Агентство судебных домов, 2012.

12. Разъяснения и мнения администрации неплатежеспособности. Ресурс Интернета. Доступен: http://www.mna.gov.lv/lv/publ_stat/link_part_173/ [просмотрен 09.04.2018.]

13. Берзиньш Г., Аспекты внедрения правовой защиты должника. Гармонизация права в регионе Балтийского моря на рубеже 20 – 21 столетия, Рига, 2006.

14. Берзиньш Г., Цели процесса правовой защиты. Юриста вардс № 41 (546), 28.10.2008.

15. Берзиньш Г., Актуальные изменения в Законе о неплатежеспособности: что и почему изменилось. Юриста вардс № 09 (861), 03.02.2015.

16. Берзиньш Г., Изменения в регулировании процесса правовой защиты. Юриста вардс № 2 (956), 10.01.2017.

17. Гобземс А. Проблематика процессов правовой защиты. Юриста вардс № 27 (622), 06.07.2010.

18. Гобземс А. Сравнение действующего и нового Закона «О неплатежеспособности». Процесс правовой защиты. Юриста вардс № 37 (632), 14.09.2010.

19. Гобземс А. Цель Закона «О неплатежеспособности» – взыскание долгов. Юриста вардс № 47 (642), 23.11.2010.

20. Яуя Х. Примечания к новому Закону «О неплатежеспособности». Юриста вардс № 8, 22.02.2011.

21. Мелькис И. Цель процесса правовой защиты должника <http://www.juristavards.lv/doc.php?id=134431>. Юриста вардс № 18 (421), 09.05.2006.

22. «О главных установках развития политики неплатежеспособности на 2016-2020 годы и плане их реализации» // Распоряжение Кабинета министров № 527. Принято: 21.09.2016. Вступило в силу: 21.09.2016. // Латвияс Вестнесис, 186 (5758), 26.09.2016. Доступно: <https://likumi.lv/ta/id/284925-par-maksatnespejas-politikas-attistibas-pamatnostadnem-2016-2020-gadam-un-to-isteposanas-planu> [просмотрено: 08.04.2018]

23. Ресурс Интернета. Доступен:

http://www.navigator.net.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=105%3A2012-07-23-20-24-50&catid=36%3A2012-07-12-12-18-17&Itemid=59&lang=uk [просмотрен: 03.04.2018]

24. Богданов О. Исследование вариантов восстановления платежеспособности должника при разработке проекта санации предприятия в процедуре банкротства. Экономика и право, 2002, № 1.

25. Ресурс Интернета. Доступен: <https://administratorubirojs.lv/vairak-par-arpustiesas-tiesiskas-aizsardzibas-procesu> [просмотрен: 03.04.2018]

26. Лазько С.И. Понятие реструктуризации предприятия в процедуре банкротства. ISSN 1392-1274. TEISĒ, 2014. Доступно: www.journals.vu.lt/teise/article/download/3901/3342 [просмотрено: 08.04.2018]

27. Глухов, В. Основы менеджмента. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1995.

28. Гражданский процессуальный закон // Закон Латвийской Республики. Принят Сеймом Латвийской Республики 14.10.1998. Вступил в силу 01.03.1999. // Латвияс Вестнесис, 326/330 (1387/1391), 03.11.1998, Ведомости, 23, 03.12.1998. Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=50500> [просмотрен: 03.04.2018]

29. «О Регистре предприятий Латвийской Республики» // Закон Латвийской Республики. Принят Верховным Советом 20.11.1990. Вступил в силу 01.12.1990. // Ведомости, 49, 06.12.1990, Дiena, 3, 01.12.1990. Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=72847> [просмотрен: 03.04.2018]

30. Кодекс Латвии об административных правонарушениях // Закон Латвийской Республики. Принят: 07.12.1984. Вступил в силу: 01.07.1985. // Ведомости, 51, 20.12.1984. Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=89648> [просмотрен: 28.03.2018]

31. Уголовный закон // Закон Латвийской Республики. Принят: 17.06.1998. Вступил в силу: 01.04.1999. // Латвияс Вестнесис, 199/200 (1260/1261), 08.07.1998, Ведомости, 15, 04.08.1998. Доступен: <https://likumi.lv/doc.php?id=88966> [просмотрен: 28.03.2018]

32. Регула Европейского Парламента и Совета (ЕС) 2016/679 (27 апреля 2016 года) «О защите физических лиц в отношении обработки личных данных и свободного оборота таких данных» и отменяющая Директиву 95/46/ЕК (Всеобщая Регула о защите данных) (Документ относится к ЕЭЗ). Доступна: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> [просмотрена: 28.03.2018]

References

1. On Insolvency and Bankruptcy of Companies and Enterprises. // Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Supreme Council on 03.12.1991. Effective on: 01.01.1992.; /Ineffective on: 12.10.1996.// Ziņotājs, 2/3, 16.01.1992.; Diena, 249, 24.12.1991. Available: <https://likumi.lv/ta/id/72326-par-uznemu-mu-un-uznemejsabiedribu-maksatnespeju-un-bankrotu> [viewed on: 25.04.2018.]

2. Insolvency Law. // Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Saeima of the Republic of Latvia on 26.07.2010.; Effective on 01.11.2010.// Latvijas Vēstnesis, 06.08.2010., No. 124 (4316). Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=214590> [viewed on: 25.04.2018.]

3. Insolvency Law. // Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Saeima of the Republic of Latvia on 01.11.2007. Effective on: 01.01.2008. Ineffective on: 01.11.2010.// Latvijas Vēstnesis, 188 (3764), 22.11.2007.; Ziņotājs, 24, 27.12.2007. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=166663> <https://likumi.lv/doc.php?id=214590> [viewed on: 25.04.2018.]

4. Amendments to the Insolvency Law.// Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Saeima of the

Republic of Latvia on 22.12.2016. Effective on: 06.01.2017. // Latvijas Vēstnesis, 5 (5832), 05.01.2017. Available at: <https://likumi.lv/ta/id/287876-grozijumi-maksatnespejas-likuma> [viewed on: 25.04.2018.]

5. The Code of Laws of the United States of America. Available at: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/11>, [viewed on 03.04.2018.];

6. See in the Estonian language “Saneerimisseadus” (effective on 26 December 2008), translation into English “Reorganisation Act” or “Restructuring Act”, translation into Latvian “Likums par reorganizāciju” or “Likums par restrukturizāciju”. Available at: <https://www.riigiteataja.ee> [viewed on 03.04.2018.]

7. 20.03.2001. Law of the Republic of Lithuania “Law on Restructuring of Enterprises” No. IX-218 (English translation “Law on restructuring of enterprises”). Available at: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/852cef6049bd11e68f45bcf65e0a17ee?jfwid=1anskbvu8i>

[viewed on 05.04.2018.];

8. Insolvency Register: The total number of TAP cases broken down by their form of activity. Internet resource. Available at:

https://www.lursoft.lv/exec?act=MNR_LSTAT&stat_id=535&tablesequence=&tablepage=4 [viewed on 09.04.2018.]

9. Insolvency Register: TAP registered events by their registration dates. Internet resource. Available at: https://www.lursoft.lv/exec?act=MNR_LSTAT&stat_id=539 [viewed on 09.04.2018.]

10. Internet resource. [https://lv.wikipedia.org/wiki/Latvijas_finanšu_un_pārvaldes_krīze_\(2008–2010\)](https://lv.wikipedia.org/wiki/Latvijas_finanšu_un_pārvaldes_krīze_(2008–2010)) [viewed on 09.04.2018.]

11. Aigars G., Davidovičs G., Torgāns K. Civilprocesa likuma komentāri II (Comments of the Civil Procedure Law) (Chapter 29-60). Rīga, Tiesu namu aģentūra, 2012.

12. Explanations and opinions of the insolvency administration. Internet resource. Available at: http://www.mna.gov.lv/lv/publ_stat/link_part_173/ [viewed on 09.04.2018.]

13. Bērziņš G., Parādnieka tiesiskās aizsardzības ieviešanas aspekti. Tiesību harmonizācija Baltijas jūras reģionā 20. – 21.gadsimta mijā, (Aspects of the implementation of the debtor’s legal protection. Harmonization of Rights in the Baltic Sea Region at the Turn of the 20th - 21st Century) Rīga, 2006.

14. Bērziņš G. Tiesiskās aizsardzības procesa mērķi. (Objectives of the legal protection process.) Jurista vārds No.41 (546), 28.10.2008.

15. Bērziņš G., Aktuālie grozījumi Maksātnespējas likumā: kas un kāpēc mainījies. (Actual amendments to the Insolvency Law: what and why has changed.) Jurista vārds No. 09 (861), 03.02.2015.

16. Bērziņš G., Izmaiņas tiesiskās aizsardzības procesa regulējumā. (Changes to the regulation of the legal protection process.) Jurista vārds No. 2 (956), 10.01.2017.

17. Gobzems A. Tiesiskās aizsardzības procesu problemātika. (Problems of legal protection processes.) Jurista vārds No. 27 (622), 06.07.2010.

18. Gobzems A. Spēkā esošā un jaunā Maksātnespējas likuma salīdzinājums. Tiesiskās aizsardzības process. (A comparison of the current and the new Insolvency Law. Legal protection process.) Jurista vārds No.37 (632), 14.09.2010.

19. Gobzems A. Maksātnespējas likuma mērķis – parādu piedziņa. (The purpose of the insolvency law – recovery of debts.) Jurista vārds No. 47 (642), 23.11.2010.

20. Jauja H. Piezīmes pie jaunā Maksātnespējas likuma. (Notes to the new Insolvency Law.) Jurista vārds No.8, 22.02.2011.

21. Meļķis I. Parādnieka tiesiskās aizsardzības procesa mērķis. (The purpose of the debtor’s legal protection proceedings.) Jurista vārds No. 18 (421), 09.05.2006.

22. On the Insolvency Policy Development Guidelines for 2016-2020 and their implementation plan.// Regulations of the Cabinet of Ministers No. 527. Adopted on: 21.09.2016. Effective on: 21.09.2016. // Latvijas Vēstnesis, 186 (5758), 26.09.2016. Available at: <https://likumi.lv/ta/id/284925-par-maksatnespejas-politikas-attistibas-pamatnostadnem-2016-2020-gadam-un-to-istenosanas-planu> [viewed on: 08.04.2018]

23. Internet resource. Available at:

http://www.navigator.net.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=105%3A2012-07-23-20-24-50&catid=36%3A2012-07-12-12-18-17&Itemid=59&lang=uk [viewed on: 03.04.2018]

24. Богданов, О. Исследование вариантов восстановления платежеспособности должника при разработке проекта санации предприятия в процедуре банкротства. (Investigation of options for restoration of the debtor’s solvency when developing a project for the recovery of an enterprise in the bankruptcy procedure.) Экономика и право, 2002, No. 1.

25. Internet resource. Available at: <https://administratorubirojs.lv/vairak-par-arpustiesas-tiesiskas-aizsardzibas-procesu> [viewed on: 03.04.2018]

26. Лазько С.И. Понятие реструктуризации предприятия в процедуре банкротства. (The concept of enterprise restructuring in bankruptcy proceedings.) ISSN 1392-1274. TEISĒ, 2014. Available at: www.journals.vu.lt/teise/article/download/3901/3342 [viewed on: 08.04.2018]

27. Глухов, В. Основы менеджмента. (Basics of Management) St. Petersburg: Специальная литература, 1995.

28. Civil Procedure Law.// Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Saeima of the Republic of Latvia on 14.10.1998. Effective on 01.03.1999. // Latvijas Vēstnesis, 326/330 (1387/1391), 03.11.1998., Ziņotājs, 23, 03.12.1998. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=50500> [viewed on: 03.04.2018]

29. On the Enterprise Register of the Republic of Latvia.// Law of the Republic of Latvia. Adopted by the Supreme Council on 20.11.1990. Effective on 01.12.1990.// Ziņotājs, 49, 06.12.1990., Diena, 3, 01.12.1990. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=72847> [viewed on: 03.04.2018]

30. Latvian Administrative Violations Code.// Law of the Republic of Latvia. Adopted on: 07.12.1984. Effective on: 01.07.1985.// Ziņotājs, 51, 20.12.1984. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=89648> [viewed on: 28.03.2018]

31. The Criminal Law.// Law of the Republic of Latvia. Adopted on: 17.06.1998. Effective on: 01.04.1999.// Latvijas Vēstnesis, 199/200 (1260/1261), 08.07.1998., Ziņotājs, 15, 04.08.1998. Available at: <https://likumi.lv/doc.php?id=88966> [viewed on: 28.03.2018]

32. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/LV/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> [viewed on: 28.03.2018]

*Eva Kaulina, Mag.iur.
Rīga Stradins University
Latvia*

Legal guarantees of access to education for persons with intellectual disabilities

Abstract. The access to education for an individual consists of providing opportunities for obtaining quality education and improving the quality of her life. Among the wide range of the holders of a right to education are individuals with special legal status - persons with intellectual disabilities. The peculiarities of legal regulation of their status in the field of education makes it necessary to consolidate the guarantees of the right to education in order to prevent the fact that they are excluded from the education system and public life in general. The legal guarantees of access to education for this category of persons are not fully regulated, and also the rights that have been already developed have to be improved. The aim of the article is to evaluate the most important legal guarantees of the access to education for people with intellectual disabilities, which includes making use of the lessons learned in several national and international studies that are analysed in the article. The author concludes that provisions of legal guarantees of access to education for persons with intellectual disabilities are rather an exception than standard practice.

Keywords: access to education, education, legal guarantees, intellectual disabilities.

*Ева Каулиня, маг.иур.
Рижский университет имени Страдыня
Латвия*

Правовые гарантии доступности образования для лиц с отклонениями в психическом развитии

Аннотация. Доступ к образованию для физических лиц означает предоставление им возможностей для получения качественного образования и повышения качества их жизни. Среди широкого круга субъектов права на образование есть лица со специальным правовым статусом - лица с отклонениями в психическом развитии. Особенности правового регулирования их статуса в области образования обуславливают необходимость обсуждения консолидации гарантий права на образование, с тем чтобы не допустить того, чтобы они были фактически исключены из системы образования и общественной жизни в целом. Правовые гарантии доступа к образованию для категории заинтересованных лиц не полностью регулируются, а также необходимо улучшить те правовые нормы, которые были разработаны. Цель статьи - оценить основные правовые гарантии доступа к образованию для людей с отклонениями в психическом развитии, в том числе на основе уроков, извлеченных в нескольких национальных и международных исследованиях, которые анализируются в статье. Автор приходит к выводу, что предоставление юридических гарантий доступа к образованию для лиц с отклонениями в психическом развитии является скорее исключением, чем обычным явлением.

Ключевые слова: доступ к образованию, образование, юридические гарантии, отклонения в психическом развитии.

Eva Kauliņa, mg.iur.
Rīgas Stradiņa universitāte
Latvija

Izglītības pieejamības tiesiskās garantijas personām ar garīgās attīstības traucējumiem

Anotācija. Izglītības pieejamība indivīdiem nozīmē nodrošinātas iespējas iegūt kvalitatīvu izglītību un uzlabot savas dzīves kvalitāti. Starp plašu tiesības uz izglītību subjektu loku ir indivīdi ar īpašu tiesisko statusu – personas ar garīgās attīstības traucējumiem. Viņu statusa tiesiskā regulējuma īpatnības izglītības jomā liek apspriest nepieciešamību konsolidēt tiesības uz izglītību realizēšanas garantijas, lai novērstu situāciju, ka viņi faktiski tiek izslēgti no izglītības sistēmas un sabiedriskās dzīves kopumā. Izglītības pieejamības tiesiskās garantijas attiecīgo personu kategorijai nav pilnībā noregulētas, un arī tās tiesības normas, kas ir izstrādātas, ir jāpilnveido. Raksta mērķis – izglītības pieejamības cilvēkiem ar garīgās attīstības traucējumiem būtiskāko tiesisko garantiju izvērtēšana, tajā skaitā balstoties uz atziņām, kas tiek izdarītas vairākos nacionālā un starptautiskā līmeņa pētījumos, kuri tiek analizēti rakstā. Autore secina, ka izglītības pieejamības tiesisko garantiju nodrošināšana personām ar garīgās attīstības traucējumiem ir vairāk izņēmums, nevis ierastā parādība.

Atslēgvārdi: izglītības pieejamība, izglītība, tiesiskās garantijas, garīgā attīstības traucējumi

Problēmas nostādne

Tiesība uz izglītību parasti tiek atzīta par konstitucionālo tiesisko parādību, kas ir attiecināma uz valsts un indivīda attiecību sfēru. Šī tiesība ir cilvēktiesību un sabiedrības kopumā neatņemama sastāvdaļa, tā progresē līdz ar indivīdu un tautas evolūciju, kā arī nodrošina cilvēces pilnveidošanos. Tiesība uz izglītību ietver iespēju piekļūt civilizācijas attīstības rezultātiem, ļauj cilvēkam iepazīt sabiedrības sasniegto kultūras līmeni, audzina cieņu pret vispārcilvēciskajām vērtībām, veido nacionālo kultūru un veicina sociālo progresu. Savukārt izglītības pieejamība indivīdiem nozīmē nodrošinātas iespējas izglītoties un garīgi pilnveidoties. Augstāks izglītības līmenis vienmēr nozīmē zemāku bezdarba un nabadzības risku. Zināšanas un prasmes nosaka ne tikai cilvēku iespējas iekļauties darba tirgū, bet arī veidot veiksmīgāku karjeru mainīgu tehnoloģiju un ekonomikas apstākļos. Savukārt tehnoloģiju izmantošana ir cieši saistīta ar darbinieku izglītības līmeni. Secināms, ka izglītība un tās pieejamība ir cieši saistīta ar indivīda turpmākām darba gaitām, karjeras iespējām un cilvēka vispārējo dzīves labklājību.

Tēmas aktualitāte un zinātniskā novitāte

Visā pasaulē izglītības pieejamība plašam sabiedrības lokam tiek uzskatīta par vienu no svarīgākajiem valsts sociāli – ekonomiskās attīstības uzdevumiem. Šī mērķa sasniegšana ir iespējama tikai ar rūpīgi izstrādātu tiesisko regulējumu, kas nodrošina izglītības pieejamības tiesiskās garantijas ikvienam indivīdam. Tēmas aktualitāte ir saistīta ar to, ka jautājums par izglītības pieejamību personām ar garīgās attīstības traucējumiem nav pietiekami izpētīts. Izglītības pieejamība ir pētīta dažādos starptautiskajos pētījumos un tādas starptautiskās organizācijas kā Ekonomiskās sadarbības un attīstības organizācija (OECD), Apvienoto Nāciju Organizācijas Izglītības, zinātnes un kultūras organizācija (United Nations Educational, Scientific and Cultural organization), Eiropas Profesionālās izglītības attīstības centrs (The European Centre for the Development of Vocational Training – CEDEFOP) un daudzas citas nodrošina regulārās atskaites un izstrādā pētījumus izglītības un izglītības pieejamības jautājumos. Taču netiek atsevišķi pētīts un netiek izdarīts akcents uz izglītības pieejamību personām ar garīgās attīstības traucējumiem un tiesiskajām garantijām izglītības pieejamības nodrošināšanā. Raksta zinātniskā novitāte pamatojas uz daudziem nacionālā un starptautiskā līmeņa pētījumu analīzi, kurās tiek izdarītas

atziņas par izglītības pieejamību plašam subjektu lokam, bet raksta autore liek akcentu uz izglītības pieejamību personām ar garīgās attīstības traucējumiem.

Pētījuma mērķis

Pētījuma mērķis – izglītības pieejamības cilvēkiem ar garīgās attīstības traucējumiem būtiskāko tiesisko garantiju apzināšana un diskusijas uzsākšana par nepieciešamajiem uzlabojumiem izglītības pieejamības jomā šai cilvēku kategorijai.

Pētījuma galvenie rezultāti

Pētījuma sākumā tiek pievērsta uzmanība tiesisko garantiju izpratnei. Tiesiskās garantijas – vai tās ir garantijas, kas ir ietvertas tiesību aktos un izriet no tiesību aktiem? Galvenokārt atbilde uz šo jautājumu ir apstiprinoša, jo tiesiskās garantijas pamatojas tiesiskajā regulējumā. Tādējādi jebkurai tiesiskai garantijai ir jāpamatojas uz tiesību aktu, bet tā realizācija aptver ne tikai tiesību akta tiešu piemērošanu, bet arī citus tiesiskās garantijas izpildes veidus. Starp tiem dažādas stratēģijas, politikas un programmas, kuru izstrāde ir saistīta ar tiesību normā ietverto tiesisko garantiju un kuru izpilde sekmē tiesiskās garantijas realizēšanu.

Tiesība uz izglītību ir viena no cilvēka pamattiesībām, kuras nodrošināšana izriet no tādiem starptautiskajiem tiesību aktiem, kā Apvienoto Nāciju Organizācijas (turpmāk – ANO) Vispārējās cilvēktiesību deklarācijas (26.pants) [1; 26], ANO Starptautiskā pakta par ekonomiskajām, sociālajām un kultūras tiesībām (13 un 14.pants) [2; 13], Eiropas Padomes Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijas Pirmā protokola (2.pants) [3; 2], ANO Konvencijas par personu ar invaliditāti tiesībām (24.pants) [4; 24] un citiem starptautiski piemērojamiem tiesību aktiem. Tiesības uz izglītību saturu raksturo kā jebkura indivīda personības attīstība, talantu un intelektuālo un fizisko spēju attīstība to vispilnīgākajā apjomā.

Tiesiskā garantiju analīze jāsāk ar tiesību aktu ar visaugstāko juridisko spēku, proti, Latvijas Republikas Satversmi. Latvijas Republikas Satversmes 112.pantā [5; 112] ir ietverta ikviena indivīda tiesība uz izglītību. Latvijas tiesībsargs [6] skaidro šo tiesību kā tiesību, kas ietver valsts pozitīvo pienākumu izveidot izglītības sistēmu, kā arī negatīvo pienākumu – neiejaukties šo tiesību realizācijā. Savukārt izglītības sistēmas izveides pienākums tiek saistīts ar vairākiem citiem uzdevumiem nodrošināt izglītības pieejamību, piekļuvi izglītībai,

izglītības pieņemamību un izglītības piemērotību. Izglītības pieejamība tiek saistīta ar izglītības iestāžu un programmu pietiekamo daudzumu un to funkcionēšanas spējas nodrošināšanu, kas ietver nodrošinājumu ar telpām, mācību materiāliem, izglītības personālu u.tml.

Nākamais tiesību akts pēc tiesību aktu juridiskā spēka hierarhijas Latvijā ir Izglītības likums, kura 2.panta pirmajā daļā ir ietverts likuma mērķis – nodrošināt katram Latvijas iedzīvotājam iespēju attīstītu savu garīgo un fizisko potenciālu, lai veidotos par patstāvīgu un attīstītu personību, demokrātiskas Latvijas valsts un sabiedrības locekli [7; 2]. Tātad, lai indivīds spētu attīstīt savu personību un kļūtu par sabiedrības locekli, Izglītības likums noteic tiesiskās garantijas izglītības saņemšanai. Izglītības likuma 7.pants ietver galvenās izglītības mērķgrupas, kurās bez bērniem, jauniešiem un pieaugušiem, ir iekļautas arī personas ar speciālām vajadzībām [7;7]. Turklāt Izglītības likuma 3.1.panta pirmā daļa ietver atšķirīgas attieksmes aizliegumu veselības stāvokļa dēļ [7; 3.1]. No Izglītības likuma 42.panta izriet, ka personas ar speciālām vajadzībām var iegūt speciālo izglītību izglītības iestādē, ja tai šajā iestādē ir nodrošinātas iespējas iegūt veselības stāvoklim un attīstības traucējuma raksturam atbilstošu izglītību. Speciālās izglītības programmas īsteno, ņemot vērā izglītojamā veselības stāvokli [7; 42]. Secināms, ka Izglītības likuma tiesību normas satur tiesiskās garantijas uz izglītību personām ar speciālām vajadzībām, tajā skaitā personām ar garīgās attīstības traucējumiem, jo atšķirīga attieksme veselības stāvokļa dēļ ir aizliegta. Ir paredzēts, ka personas ar speciālām vajadzībām var izglītoties iestādēs, kas nodrošina šādas iespējas un izstrādā atbilstošas speciālās programmas. Tiesiskais regulējums neuzliek par pienākumu, bet norāda uz izglītības iestādes izvēli nodrošināt iespējas izglītoties personām ar garīgās attīstības traucējumiem vai nē, un izstrādāt speciālās programmas vai nē. Autore prāt, tiesību normas redakcija rada sarežģījumus, jo izglītības iegūšana personām ar speciālām vajadzībām ir atkarīga no izglītības iestādes izdarītās izvēles. Ja izglītības iestāde izvēlējās nodrošināt šādas iespējas, tad persona ar garīgās attīstības traucējumiem var iegūt izglītību šajā mācību iestādē. Be, ja izglītības iestāde izvēlējās nenodrošināt šādas iespējas, tad personai ar speciālām vajadzībām nebūs iespējams saņemt atbilstošu izglītību šajā mācību iestādē. Šāda izvēles izdarīšana var tikt vērtēta kā

diskriminējoša attiecībā uz personām ar speciālām vajadzībām un norāda uz tiesību normas pilnveidošanas nepieciešamību.

Vispārējās izglītības likuma 53.pants ar nosaukumu „Izglītojamo ar speciālā vajadzībām integrēšana vispārējās izglītības iestādēs” pirmā daļa paredz, ka „Vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības iestādēs, kurās ir atbilstošs nodrošinājums, var integrēt izglītojamos ar speciālām vajadzībām. Prasības, kādas izvirzāmas vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības iestādēm, lai nodrošinātu izglītojamo ar speciālām vajadzībām integrēšanu minētajās izglītības iestādēs, nosaka Ministru kabinets.” [8; 53]. No šīs tiesiskās garantijas izriet, ka vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības iestādes var pielāgot mācību iestādes vidi un iekļaut mācību procesā izglītojamos ar speciālajām vajadzībām. Izglītības iestāde katram integrētam izglītojamajam ar speciālām vajadzībām izstrādā individuālu izglītības programmas apguves plānu. Tātad šis normatīvais akts satur norādes uz to, kā jārikojas izglītības iestādei, lai indivīdi ar speciālajām vajadzībām arī varētu tikt iesaistīti izglītības iegūšanā attiecīgajās mācību iestādēs. Turklāt Ministru kabinets 2012.gadā izstrādāja noteikumu Nr.70 „Noteikumi par vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības iestāžu nodrošinājumu atbilstoši izglītojamo speciālajām vajadzībām”, kas stājās spēkā 2012.gada 19.oktobrī. No noteikumu satura izriet, ka ir divi veidi kā integrēt izglītojamos mācību procesā, t.i., izglītojamais ar speciālajām vajadzībām mācās vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības klasē vai tiek atvērta atsevišķa klase tikai izglītojamiem ar speciālām vajadzībām (speciālās izglītības klase) [9]. Attiecībā uz izglītojamiem ar garīgās veselības traucējumiem ir nepieciešams šāds nodrošinājums:

relaksācijas telpa, ja nepieciešams, nodrošinot dežurskolotāja, izglītības vai klīniskā psihologa vai sociālā pedagoga klātbūtni;

rehabilitācijas nodarbības. Ja nepieciešams, papildu individuālās vai grupu mācību nodarbības un (vai) psihologa konsultācijas;

saudzējoša režīma nodrošināšana mācību un audzināšanas procesā;

izglītojamiem ar uzvedības traucējumiem nepieciešams izstrādāt individuālo uzvedības korekcijas plānu [9].

Vēlamā nodrošinājuma sarakstā ir ietverts arī izglītības vai klīniskais psihologs; bērnu psi-

hiatrs; pedagoga palīgs un sociālais pedagogs; ārstnieciskās vingrošanas nodarbības; skolotāja palīgs. No materiālā nodrošinājuma ir nepieciešama materiālā bāze praktisku darba iemaņu veidošanai atbilstoši speciālās izglītības programmai.

Analizējot norādīto nodrošinājumu, secināms, ka pārsvarā nodrošinājums ir saistīts ar kvalificētā personāla pieejamību, kas varētu palīdzēt izglītojamajam integrēties izglītības vidē, apgūt izstrādāto programmu bez stresa un pārpūles, attiecīgi ja tāds rodas, izmantot relaksācijas telpu vai iziet rehabilitācijas nodarbību kursu. Turklāt mācību materiālam ir jābūt pieejamam un saprotamam izglītojamam ar garīgās attīstības traucējumiem, lai pakāpeniski attīstītu praktiskās iemaņas un rezultātā sasniegtu izglītības iegūšanas mērķi, proti, kļūst par attīstītu personību un pilnvērtīgu sabiedrības locekli.

Lai sasniegtu iepriekš minēto rezultātu un nodrošinātu izglītības pieejamību personām ar garīgās attīstības traucējumiem, ir nepieciešams ne tikai kvalitatīvs un darbojošais tiesiskais regulējums, no kura izriet izglītības pieejamības tiesiskās garantijas, bet arī atbilstošas politikas izstrāde un realizācija valsts līmenī. Latvijas ilgtspējīgās attīstības stratēģijā līdz 2030.gadam jeb „Latvija2030” secināts, ka Latvijas izglītības politika joprojām ir nepietiekami iekļaujoša attiecībā pret cilvēkiem ar funkcionāliem traucējumiem [10]. Pozitīvie piemēri šādu cilvēku integrācijai sabiedrībā ar izglītības sistēmas starpniecību ir drīzāk izņēmums, nevis sistemātiski īstenotas valsts politikas rezultāts. Bērni ar funkcionāliem traucējumiem pārsvarā tiek izglītoti no pārējās vides nošķirtās internātskolās, un viņu iespējas iegūt nepieciešamās prasmes sekmīgi patstāvīgai dzīvei ir ierobežotas. 21.gadsimta sistēmas mērķis ir attīstīt cilvēkus ar funkcionāliem traucējumiem spēju nepārtraukti mācīties un apgūt jaunievedumus. No minētā izriet, ka tiesiskās garantijas, kas ir nodrošinātas tiesību aktos, tiek izpildītas nepietiekamā daudzumā, kam par iemeslu ir nepietiekams finanšu nodrošinājums un cilvēkresursu trūkums.

Uz šādu resursu trūkumu tika norādīts arī 2016-2017.gada Tiesībsarga biroja pētījumā „Augstākās izglītības pieejamība personām ar invaliditāti” [11]. Pētījums tika veikts ar mērķi izvērtēt ANO Konvencijas par personu ar invaliditāti 24.pantā ietvertu tiesību realizāciju, proti, tiesību uz izglītības izpildi, vairāk koncentrējoties tieši uz augstākās izglītības iegūvi, papildus akcentējot izglītības lielo nozīmi jebkura indivīda tiesību uz darbu

realizēšanas un savas labklājības uzlabošanā. Pētījums tika balstīts uz respondentu anketēšanu. Lielākā daļa respondentu bija vecumā no 18-34 gadiem. No 446 respondentiem - 53 respondenti bija ar garīgās attīstības traucējumiem, pārējie ar citu invaliditāti [11;10]. Tātad mērķizpētes grupa bija tieši indivīdi ar speciālām vajadzībām.

Pētījumā zem jēdziena „vides pieejamība” tika analizēti jēdzieni „informatīvās vides pieejamība” un „fiziskās vides pieejamība”. „Informatīvās vides pieejamība” ir saistīta ar personas ar invaliditāti spēju izglītības iestādes interneta vietne

iegūt sev nepieciešamo informāciju par izglītības iestādi, izglītības iestādes fizisko vides pieejamību un studiju programmām, kā arī personas ar invaliditāti iespēju apgūt studiju programmu, izmantojot mācību materiālus alternatīvajos veidos [11; 5]. Termins „fiziskās vides pieejamība” ietver personu ar invaliditāti iespējas iekļūt un pārvietoties pa izglītības mācību iestādes ēkām, bibliotēkām un citām saistītām telpām [11;6]. Ņemot vērā minēto, pētījuma ietvaros ar „vides pieejamības” jēdzienu tika saprastas darbības, ko ir veikušas izglītības iestādes, lai studējošiem ar invaliditāti vienlīdzīgi ar citiem nodrošinātu pieeju izglītības iestādes sniegtajiem pakalpojumiem, identificējot un likvidējot traucējošus šķēršļus un barjeras, tādējādi nodrošinot pieeju fiziskajai un informatīvajai videi. Pētījums identificēja nepieciešamību uzsākt diskusiju par jēdziena „vides pieejamība izglītības iestādē” izpratni un arī ar šo terminu saistīto pasākumu īstenošanu, lai nodrošinātu izglītības pieejamību personām ar garīgās attīstības traucējumiem.

Ir atzīmējams, ka respondenti, kuri piedalījās pētījumā, visbiežāk norādīja, ka studēt neplāno veselības stāvokļa dēļ. Tātad daļa no personām ar invaliditāti nevarēja iegūt izglītību tieši veselības dēļ. Tāpat starp iemesliem, kas liedza iegūt izglītību, tika minēts, ka pašreizējā izglītība ir pietiekama un ka tālākā izglītība nepalīdzēs integrācijai darba tirgū. Tie respondenti, kas izvēlējušies studēt augstskolās, izvēlējās sev interesējošās programmas un profesijas, kas ir pieprasītas darba tirgū. Būtisks ir arī izglītības pieejamības finansiālais aspekts. Lai arī studēt gribošas personas deva priekšroku pilna laika studijām, jo tādā veidā mācību materiāls tika apgūts pilnīgāk. Ir atzīmējams, ka nepilna laika studijas likās pievilcīgākas respondentiem tieši no vides pieejamības aspekta.

Lielākoties šķēršļi izglītības pieejamībai bija saistīti ar nepietiekamu informatīvās vides pieejamību, t.i., netika nodrošināti studiju materiāli alternatīvajos veidos/ formātos (video, audio utt.), kas atbilstu respondenta invaliditātei, kā arī augstskolā nebija nodrošināta vides pieejamība [11;26]. Ir atzīmējams, ka respondenti necentās risināt situāciju ar izglītības iestādi, jo uzskatīja, ka paši spēs pielāgoties situācijai. Tomēr, ja respondents vērsās pie augstskolas, tikai 46% gadījumos izglītības iestāde bija novērsusi šķēršļus [11; 32]. Tādējādi izglītības iestādes visbiežāk atsakās novērst šķēršļus, aizbildinoties ar finansējuma trūkumu un to, ka šķēršļu novēršana tehniski nav iespējama. No iegūtās pieredzes, mācoties ārzemēs, izglītojamie norādīja tādas pozitīvus piemērus, ka izglītības iestādes mācību spēki izstrādāja izglītojamam individuālo programmu; tika izveidots speciāls atbalsta centrs cilvēkiem ar invaliditāti; nodrošināts speciāls aprīkojums mācību vielas apguvei un piekļuvei pie mācību telpām. Secināms, ka, kaut gan Latvijas tiesību akti ietver tiesiskās garantijas par speciālo programmu izstrādi, kvalificētā personāla nodrošināšanu un mācību iestādes vides pieejamību personām ar speciālām vajadzībām, šīs tiesiskās garantijas netiek realizētas pilnā apmērā. Jānorada, ka studēt gribošām personām ar garīgas attīstības traucējumiem, trūkst informācijas par izglītības iestādes pieejamību personām ar invaliditāti. Tātad trūkst informācijas internetā, nekas nav atzīmēts bukletos. Pētījumā atzīmēts, ka personas ar intelektuālā vai garīgā rakstura traucējumiem salīdzinoši mazāk izvēlas studēt augstskolās.

Papildus tiesībsargs veica mācību iestāžu monitoringu un secināja, ka personas ar garīgiem/ intelektuāliem traucējumiem augstskolu anketās kā studenti ir minēti tikai 7% gadījumos [11; 43]. Minētais var būt skaidrojams ar faktu, ka šis traucējumu veids ne vienmēr ir konstatējams bez profesionāļu palīdzības, un augstskolu administrācijai nav informācijas par studentiem ar atbilstīgu traucējumu veidu. No mācību iestāžu puses tika sniegta informācija, ka mācību iestādes fiziskā vide ir pielāgota personām ar invaliditāti; notiek sadarbība ar studentu pašpārvaldēm; augstskolu dienestu viesnīcas ir atbilstošas personu ar invaliditāti vajadzībām; augstskolā ir atviegloti nosacījumi personu ar invaliditāti uzņemšanai. Ir atzīmējams, ka studenti ar invaliditāti (13%) ir aktīvāk informējuši par nepieciešamību piemērot mācību iestādes fizisko vidi, nekā par nepieciešamību

pielāgot informatīvo vidi (5%) [11; 47].

Galvenokārt mācību iestāde nav veikusi fiziskās vides pielāgošanas pasākumus pēc savas iniciatīvas, tādēļ, ka mācību iestādē nestudēja personas ar invaliditāti, kurām būtu nepieciešams speciāli pielāgot vidi. Tiesībsargs vērsa uzmanību, ka nepieejama fiziskā vide var būt viens no iemesliem, kādēļ persona ar invaliditāti neizvēlas konkrēto mācību iestādi.

Savukārt kā galvenais iemesls informatīvās vides nepielāgošanā (40%) ir norādīts, ka mācību iestādē nestudē personas ar invaliditāti, kurām būtu nepieciešams speciāli pielāgot studiju materiālus [11;49]. Lielākoties ir norādīts, ka augstskolas personāls/studenti ir pietiekami atsaucīgi personām ar invaliditāti, līdz ar to nav nepieciešams veikt papildus informatīvās vides pielāgošanas pasākumus. Pretimnākoša attieksme pret personām ar invaliditāti ir vērtējama pozitīvi, tomēr ne vienmēr augstskolas personāls vai citi studenti ir pieejami, līdz ar to būtu nepieciešams nodrošināt personām ar invaliditāti saņemt mācību materiālus tādā formātā, kādā personas ar invaliditāti var ar tiem patstāvīgi iepazīties un apgūt nepieciešamo informāciju. Līdz ar to veidojas situācija, ka persona ar invaliditāti nedodas uz mācību iestādi, kurā ir nepieejama vide, savukārt mācību iestāde nepiemēro vidi, jo nav studentu ar invaliditāti, kuriem būtu nepieciešams pielāgot vidi.

Viens no starptautiskajiem pētījumiem par raksta tematu ir Globālais ziņojums par izglītības monitoringu 2017/2018 gg. „Atbildība izglītībā” (Accountability in education) [12]. Pētījums ietver vērtējumu par atskaišu nozīmi pasaules izglītības sistēmā, tādā veidā nodrošinot ANO ceturrtā izvirzītā mērķa sasniegšanu stabilas izglītības nodrošināšanā – visaptverošās un taisnīgas kvalitātes izglītības nodrošināšana un izglītošanas iespējas atbalstīšana visiem visā dzīves garumā.

Ziņojumā secināms, ka globālo uzdevumu izpildē attiecībā uz inkluzīvo, taisnīgu un augstas kvalitātes izglītību un izglītošanu visiem visā dzīves garumā ir nepieciešami efektīvi mehānismi atskaitīšanās nodrošināšanai. Ir secināts, ka vairākās valstīs atskaišu koncepcija nav zināma, bet izglītības tiesību pārkāpšana tiek uztverta kā normāla parādība, savukārt citās valstīs atskaitīšanās kļūva par pašmērķi tā vietā, lai būtu pat izglītības uzlabošanas līdzekļi. Atskaišu sagatavošana izglītībā sākās ar valdībām, kas ir primāri atbildīgas par tiesības uz izglītību aizsardzību un realizāciju. Likumi ir efektīvi tikai tad, kad tie tiek

ievēroti. Līdz ar to no valdībām tiek sagaidīts, ka tiek izveidota stabila tiesību aktu izpildes sistēma. Visas valstis ratificēja vismaz vienu starptautisko līgumu, kurā ir paredzēta tiesības uz izglītību ievērošana. Šobrīd 82% nacionālo konstitūciju ietver tiesību uz izglītību. Tomēr tikai 55% valstīs ir iespējama šīs tiesības aizsardzība tiesā, t.i., ir pieņemti likumi, kas piešķirt pilsoņiem juridiskās iespējas pārvarēt ar izglītības sistēmu saistītās problēmas. Starptautiskais pētījums identificē tiesisko garantiju nepietiekamo izpildi starptautiskajā mērogā un uzdod valdībām uzņemties atbildību par ietverošās un taisnīgas izglītības sistēmas nodrošināšanu [12;54].

Attiecībā uz invaliditātes problēmu ir dubults uzdevums novērtēt invaliditātes izplatību iedzīvotāju vidū un ar to saistītajām problēmām izglītības iegūšanas jomā. Demogrāfiskās aptaujās un aptaujās par veselības stāvokli novērota ievērojama atšķirība invalīdu īpatsvarā iedzīvotāju vidū, kā arī ietverts dažāds vērtējums par invaliditātes ietekmi uz skolas apmeklēšanu. Skolnieki ar invaliditāti joprojām saskārās ar tādām problēmām, kā, piemēram, mobilitātes nodrošināšanas iekārtu trūkumus, ēku nepareiza projektēšana, mācību grāmatu trūkumus un neadekvāta mācību programma, tāpat ievērojama ietekme ir finanšu resursu trūkumam [12; 53].

Valstīm, kas ratificēja vienu no septiņiem ANO līgumiem, kas saistīti ar cilvēktiesību aizsardzību un ir attiecināmi uz izglītību, ir pienākums iesniegt periodiskās atskaites par pieņemtajiem pasākumiem uzņemto saistītu izpildē. Viens no šādiem līgumiem ir ANO Konvencijas par invalīdu tiesībām, kas virzīta uz inkluzīvās izglītības sistēmas attīstību visos izglītības līmeņos. Šis dokuments atbalsta invalīdu izglītošanu, kas izriet no cilvēktiesībām, un ieliek pamatus valdību atskaitīšanās nodrošināšanai tieši šajā jomā. Konvencija paredz starptautisko un nacionālo mehānismu izveidi konvencijas noteikumu izpildei un monitoringam. Valstīm ir pienākums nodrošināt datu vākšanu un ziņojumu iesniegšanu ANO komitejai par invalīdu tiesībām un to ievērošanu, tajā skaitā saistībā ar invalīdu izglītību.

Lielākā daļa no pētījumā iesaistītajām valstīm (86 valstis) norādīja uz faktu, ka konstitūcijas, likumi vai politikas satur normu par invalīdu tiesībām uz izglītību, taču tikai daži tiesību akti ietver invaliditātes definīciju. Atbilstošas starptautiskās definīcijas trūkums apgrūtina programmu izstrādi un starptautisko tiesību normu ievēroša-

nu. Analogiski konstitūcijās, likumos vai politikās (42 valstīs) ir atsauce uz inkluzīvām tiesībām uz izglītību, kas liek domāt par tendenci atteikties no speciālām skolām par labu inkluzīvām programmām parastajās skolās. Tomēr politikas ieceres ne vienmēr tiek realizētas praksē. Valdības bieži vien izstrādā ilggadīgos stratēģiskos plānus izglītības sektoram, bet neizpilda gada operatīvos plānus, kuriem ir lielākā nozīme plānošanas un koordinācijas jautājumos [12; 4].

Ziņojumā tiek uzsvērts, ka mērķu sasniegšana un progress ir iespējams tikai kopīgiem spēkiem. Piemēram, ja nav konkrēti izstrādātu valdības plānu izglītības sfērā, dažādu partneru loma var izrādīties nenoteikta, solījumi paliks solījumu līmenī, bet izstrādātā politika nebalstīsies uz finanšu piešķiršanu. Lielākas uzmanības pievēršana tieši rezultātu sasniegšanai lika pamatus rādītāju un standartizēto instrumentu ieviešanai dažādu iesaistīto pušu darba rezultātu novērtēšanai, starp tām domājot gan valdības, pedagogu, dažādu organizāciju darba rezultātu novērtēšanu.

Pētījumā konstatēts, ka tiesību uz izglītību ievērošana ir sabiedrības un starptautisko organizāciju pienākums, tajā skaitā, panākot, lai nacionālie tiesību akti ietvertu atbildību tiesas priekšā par tiesību uz izglītību pārkāpšanu. Papildus tiek norādīts, ka liela loma pilsoņu informēšanā par atskaitēs ietvertajiem rezultātiem ir masu saziņas līdzekļiem. Masu medijiem ir iespējams novērot valdības darbu un palīdzēt pilsoņiem to novērtēt. Parlamentārās komitejas, ombudi un tiesas ir labi instrumenti horizontālās atskaitīšanās nodrošināšanai, aizstāvot sabiedrības intereses un ierobežojot valdības patvaļu [12; 44].

Valdību atskaitīšanos var veicināt uzraudzība un novērtēšana. Efektīva uzraudzība sniedz informāciju par sagaidāmiem rezultātiem, savukārt regulārās darbības ir saistītas ar datu vākšanu. Novērots, ka uzraudzības un novērtēšanas sistēmas bieži vien ir nesistemātiskās pat valstīs ar augstu ienākumu līmeni. Tiek ziņots, ka valdības arvien vairāk interesējas par datu vākšanu par izglītības panākumiem skolās un skolnieku mācību rezultātiem. Šī apkopotā informācija sniedz valsts, administratīvo iestāžu un skolu vadībai pamatu pieņemt uz faktiem balstītus lēmumus, pie nosacījuma, ka šī informācija ir kvalitatīva un izglītības iestādes ir neatkarīgas no politiskajām interesēm. Dažas valstīs, piemēram, Vācijā, tiek sagatavots izglītības pārskats (Bildungsbericht), kā izstrāde ir paredzēta likumā kā atskaitīšanās nodrošināšana

sabiedrības priekšā. Šādos pārskatos parasti tiek sniegta informācija par veiktajiem pasākumiem vai izdevumiem [12; 57].

Tomēr atskaitīšanās un informācijas vākšana izglītības iestādēm var būt problemātiska. Pat valstīs ar augstu ienākumu līmeni ir jāiegulda liels darbs, lai izvairītos no informācijas vienkāršotas interpretācijas, ņemot vērā sociāli ekonomiskos faktorus par skolām un mācību spēkiem, kā arī datus par to progresu laika gaitā. Valstis arvien vairāk ievieš progresa rādītājus, taču tie var būt pietiekami neprecīzi, un no tiem secinājumi pārāk absolūti. Turklāt konkurence ir viens no potenciālajiem atskaitīšanās nodrošināšanas mehānismiem. Būtība ir tāda, ka, ja vecākiem ir iespēja izvēlēties skolu saviem bērniem, skolas ir spiestas paaugstināt savu darba efektivitāti, lai piesaistītu skolniekus. Lai vecāki varētu izvēlēties, informācijai par skolām jābūt plaši pieejamai un saprotamai, un tad sāk darboties tirgus mehānismi. It īpaši tas ir attiecināms uz personām ar garīgās attīstības traucējumiem [12; 55-56].

Svarīgi partneri izglītības pieejamības nodrošināšanā ir skolotāji, kam ir jāuzņemas galvenā atbildība par skolnieku izglītību. Daudzās valstīs skolotāji saskaras ar lielu slodzi. Viņu kompleksie un daudzveidīgie uzdevumi var izvirzīt pretrunīgas prasības, kuru izpildei skolotājiem vienkārši nav laika, kas apgrūtina kontroli. Atskaitīšanās nodrošināšanas efektivitāte lielā mērā ir atkarīga no skolotāju uzticības šim vērtēšanas procesam. Tomēr skolotāju darba samaksa, kas balstīta uz efektivitāti, neskaidri ietekmē mācību rezultātus un tas var negatīvi ietekmēt taisnīgumu izglītībā. Turklāt tā parasti veicina konkurētspējīgu vidi, kas, pretēji mērķiem, grauj skolotāja motivāciju. Tātad ir jāpaaugstina skolotāju motivācija, tajā skaitā ar atbilstoša darba atalgojuma palīdzību [12; 63].

Nākamie partneri izglītības pieejamības un kvalitatīvas izglītības ieguves nodrošināšanā ir starptautiskās organizācijas, kuriem ir jānosaka globālie mērķi un to sasniegšanas veicināšana globālajā līmenī. Bet reģionālā līmenī situācija ir atšķirīga. Eiropas stratēģiskā programma izglītībai un sagatavošanas laikposmam līdz 2020.gadam izvirza izglītību priekšgalā kā vienu no vispārējās izaugsmes sastāvdaļām. Eiropas Savienība izmanto savas bagātīgas institucionālās struktūras, lai deleģētu daudzus uzdevumus. Eiropas Komisija savos gada pārskatos uzrauga valstu progresu, īstenojot kopīgus mērķus un kontrolē radītājus, kā arī sadarbībā ar Eiropas Padomi reizi piecos gados

iesniedz ziņojumu par prioritātēm un kopīgiem uzdevumiem un izaicinājumiem, kurus visefektīvāk risināt sadarbības ceļā. Tomēr, neskatoties uz labi attīstītu institucionālo un organizatorisko struktūru, atskaitīšanās koordinācijas jautājumos ir sadrumstalota [12; 93-102].

Ka nākamo pētījumu autore izvēlējās nesen veikto OECD pētījumu „Izglītības apskats 2017: OECD radītāji („Education at glance 2017: OECD indicators”), kas apkopo OECD izvēlētos kritērijus, lai novērtētu izglītības līmeni starptautiskajā mērogā. [13] Pētījumā secināts, ka kopš 2000.gada OECD valstis un partnervalstis darbaspēks ir kļuvis izglītotāks. Mūsdienās lielākajai daļai iedzīvotāju 25-34 gadu vecuma grupā ir augstākas izglītības grāds, savukārt to jauno pieaugušo skaits, kuru izglītības līmenis, ir zemāks par vidējo, ir samazinājies. Lai gan vairāk pieaugušo sasniedz vidējās izglītības līmeni, izglītības programmas veiksmīga pabeigšana joprojām ir problemātiska un audzēkņi nevar pabeigt mācības divus gadus pēc tam, kad programmai teorētiski būtu bijis jābeidzas. Šis ir būtiski rādītājs, jo bezdarba līmenis starp tiem, kas nav pabeiguši vidējo izglītību ir 17% salīdzinājumā ar 9% bezdarba līmeni starp tiem, kas vidējo izglītību ieguvuši [13].

Pētījumā pasvītrots, ka augstākas izglītības iegūšana iespaido nākamo ienākumu līmeni. Pieaugušie, kam ir augstskolas līmeņa izglītība, gūst būtisku labumu no saviem ieguldījumiem izglītībā. Procentuāli viņiem par 10 procentpunktiem lielāka iespējamība tikt pieņemtiem darbā un pelnīt vidēji 56% vairāk nekā pelna tie pieaugušie, kas ieguvuši tikai vidējo izglītību. Pieaugušie, kam ir augstāka izglītība, arī retāk cieš no depresijas nekā viņu mazāk izglītotie vienaudži. Šo iemeslu dēļ gados jaunu pieaugušo vidū ir arvien izteiktāka tendence turpināt izglītību, lai uzlabotu savu kvalifikāciju, nevis ienākt darba tirgū pēc tam, kad iegūta obligātā izglītība.

Turklāt pētījums norāda uz to, ka visos izglītības iegūšanas līmeņos, jo īpaši augstākajā, ir pieaugušas izglītības izmaksas. Šis rādītājs tika salīdzināts ar uzņemto audzēkņu apjomu, kas kopumā nedaudz samazinājās laikposmā no 2010. gada līdz 2014.gadam. Tāpat OECD norādīja, ka valstu izmaksas no pamata līdz augstākajai izglītībai ir acīmredzami palielinājušās, kas neatbilst vidējam IKP pieaugumam OECD valstīs laikposmā no 2010. gada līdz 2014. gadam. Proti, šajā laika laikposmā valstu izmaksas izglītībai procentuāli attiecībā pret IKP ir samazinājušās par

2%. Tāpat puse OECD valstu laikposmā no 2010. gada līdz 2014. gadam samazinājās novirzītā valsts izmaksu daļa no kopējām valstu izmaksām gan pamata, gan augstākajai izglītībai. Valsts sektors 91% no saviem līdzekļiem joprojām piešķir pamata, vidējās un pēcvidusskolas izglītībai. Un tikai 70% no visām izmaksām valsts piešķir augstākās izglītības līmenim, atstājot pārējās izmaksas uz mājsaimniecību pleciem. Tomēr kopumā laikposmā no 2010.gada līdz 2014.gadam valsts finansējuma daļa izglītības iestādēm ir saglabājusies vienmērīga visos līmeņos [13; 25].

No pētījuma izriet, ka lielākajā daļā OECD valstu pieaugušie visbiežāk iegūst augstākās izglītības grādu uzņēmējdarbībā, pārvaldē vai tiesību zinātnēs. Vidēji OECD valstīs 23% augstākas izglītības ieguvēju 25-64 gadu vecuma grupā ir ieguvuši grādu viena no šīm trijām izglītības studiju jomām, salīdzinoši ar 5% dabaszinātnes, statistikas un matemātikas jomā, 4% informācijas un komunikāciju tehnoloģiju un 17% inženierijā, ražošanas un būvniecības jomā. Augstākās izglītības iegūšanas uzsācēju vidējais dalījums ir līdzīgs, norādot uz to, ka interese par minētajām jomām ir vienmērīga šajā laika posmā. Taču izglītības līmenim paaugstinoties, pieaug interese par zinātni, tehnoloģijām, inženieriju un matemātiku, jo ar šīm zinātnēm saistītajās nozarēs ir arī augstāks nodarbinātības līmenis, kas atspoguļo arvien vairāk uz inovācijām virzīts sabiedrības pieprasījums: informācijas un komunikācijas tehnoloģiju jomas absolventi var rēķināties ar par 7 procentpunktiem augstāku nodarbinātības līmeni nekā tie absolventi, kas ieguvuši izglītību mākslas un humanitārajās zinātnēs vai sociālajās zinātnēs, žurnālistikā un ar informāciju saistītās jomās. Taču nodarbinātības līmenis ar zinātni saistītās jomās nav vienmērīgs: dabaszinātņu, matemātikas un statistikas jomu absolventiem visticamāk bijis līdzīgs nodarbinātības līmenis kā mākslas un humanitāro zinātņu absolventiem – kas abos gadījumos ir zemāks nekā inženieriem vai informācijas komunikāciju un tehnoloģiju speciālistiem pieejamais nodarbinātības līmenis [13; 37].

Pētījumā norādīts, ka daudzas valstis atjaunoja profesionālo izglītību un apmācības programmas, jo šīs programmas izrādījās efektīvas tās audzēkņu prasmes attīstībā, kas savādāk nevarētu ieiet darba tirgū. Tajā pašā laikā citas valstis uzskata profesionālo izglītību, kā mazāk pievilcīgu iespēju nekā akadēmisko izglītību. Viens no starptautiskajiem pētījumiem par profesionālo izglītību

ir Eiropas Profesionālās izglītības attīstības centra (The European Centre for the Development of Vocational Training – CEDEFOP) pētījums „No izglītības līdz darba dzīvei. Profesionālās izglītības un apmācības rezultāti darba tirgū” („From education to working life. The labour market outcomes of vocational education and training”, 2012). [14] Pētījumā ir secināts, ka profesionālās izglītības absolventi ātrāk atrod darbu nekā vispārējās izglītības absolventi. Profesionālās izglītības absolventu „ieiešana” darba tirgū vienmērīgāka, t.i., laika gaitā viņi izveido stabilākas darba attiecības. Viņi ilgāk nostrādā pie viena darba devēja un mazāk laika pavada bez darba. Ir konstatēta pozitīvā saikne starp izglītību un ienākumiem no darba gaitām. Tas, ka indivīdiem ar augstāku izglītības līmeni ir tendence iegūt labāku un augstāk apmaksātu darbu nekā indivīdiem ar zemāku izglītības līmeni, rada jautājumu, vai šie labākie darba tirgus rezultāti patiešām korelē ar izglītības līmeni un veidu, vai arī tie atspoguļo citus faktorus, kas var būt saistīti gan ar izglītības izvēli, gan ar darba tirgu [14].

Profesionālās izglītības absolventi, protams, parasti koncentrējas tehniskajās profesijās un galvenokārt vidējā līmeņa profesijās (amatniecība un ar to saistītajās nozarēs). Lai gan šīs vidējā līmeņa profesijas joprojām rada darba iespējas, vidējā termiņā sagaidāms to sarukums. Tas rada lielu izaicinājumu, un liek uzsvartu uz mūžizglītību, un darbu orientētajām mācībām kvalifikācijas paaugstināšanai un nepieciešamību iegūt kvalifikāciju profesijas saglabāšanai, kas pielāgotos mainīgajam darba tirgum [14].

Pētījuma otrā daļa tika veltīta 27 Eiropas Savienības valstu prakses apkopošanai un salīdzināšanai attiecībā uz profesionālās izglītības pieejamību. Vienai valstu grupai ir ļoti liela daļa no cilvēkiem, kuru izglītība ir vērsta uz profesionālās izglītības iegūšanu. Starp līderiem šajā grupā – Čehijas Republika, Slovākija un Austrija ar 84-85%, kas ir krietni virs vidējā līmeņa (60,3%). Citā valstu grupā ir ievērojami zemāka vidējā iedzīvotāju daļa ar izglītību, kas orientēta uz profesionālo izglītību, proti, Īrija ar 22% un Portugāle un Islande ar 25%. Atšķirības starp valstīm ir atkarīgas no vairākiem faktoriem, kas saistīti gan ar izglītības un apmācības sistēmu piedāvājumu, gan ar pieprasījumu. Ir atzīmējama arī vēstures loma šajā sadalījumā. Dažās valstīs ir ilgstošas profesionālās izglītības tradīcijas (t.i., Austrija, Vācija un Šveice), ko atbilsta iestādes un uzņēmumi, kuri uzskata, ka tas ir

galvenais faktors, lai vairāk saskaņotu pieprasījumu un piedāvājumu. Šajās valstīs cilvēki ir vairāk ieinteresēti izvēlēties profesionālo izglītību un mācības, nekā cilvēki tajās valstīs, kas tradicionāli piešķir lielāku nozīmi vispārējai izglītībai, piemēram, Itālijā [14].

Secinājumi

Pēc nacionālā pētījuma izvērtēšanas secināts, ka pieejamā vide ir svarīgs faktors izglītības pieejamības nodrošināšanai personām ar garīgas attīstības traucējumiem. Vides pieejamības jēdziena izpratne nav vienota, kas norāda uz nepieciešamību ietvert šajā jēdzienā atbilstošu saturu. Ir konstatējamas vairākas izglītības iegūšanas barjeras: slikts veselības stāvoklis, grūta integrēšanās darba tirgū, finanšu trūkums. Viens no būtiskākajiem aspektiem, kas ierobežo izglītības pieejamību, ir informācijas trūkums par mācību iestādi, tās nodrošinājumu ar nepieciešamiem materiāliem un pieejamam telpām. Tomēr kopumā pēc studentu un mācību iestāžu monitoringa secināts, ka sadarbība audzēkņu un mācību iestādes starpā ir konstatējama, kaut gan ne vienmēr mācību iestādes vēlas novērst kādus šķēršļus, vai arī ne vienmēr audzēkņi ziņo par savām vajadzībām. Tādējādi veidojas situācija, ka persona ar invaliditāti nedodas uz mācību iestādi, kura ir nepieejamā vide, savukārt mācību iestāde nepiemēro vidi, jo nav studentu ar invaliditāti, kuriem būtu nepieciešams pielāgoti vidi.

Starptautiskajos pētījumos secināts, ka globālo uzdevumu izpilde ir atkarīga no dažādu partneru iesaistīšanās. Tiek dota priekšroka inkluzīvajai izglītībai, tādā veidā veicinot taisnīgu un augstas kvalitātes izglītību un izglītošanu visiem visas dzīves garumā. Līdz ar to ir nepieciešami efektīvi mehānismi atskaitīšanās nodrošināšanai. Ir secināts, ka vairākas valstis ir atšķirīga koncepcija atskaitīšanās sistēmas organizēšanai, bet izglītības tiesību pārkāpšana tiek uztverta kā normāla parādība. Savukārt citas valstīs atskaitīšanās kļūva par pašmērķi tā vietā, lai būtu par izglītības uzlabošanas līdzekli. Ir secināts, ka atskaitīšanās nodrošināšanas politika uzliek atbildību par tiesības uz kvalitatīvas izglītības nodrošināšanu un izglītības pieejamību uz valdībām, skolām un skolotājiem. Bet izglītība ir kolektīvā sociālās darbības joma, līdz ar to lielā nozīme ir arī vecākiem un skolniekiem. Vecāki ir atbildīgi ne tikai par labvēlīgas ģimenes vides radīšanu, bet arī par skolas apmeklējumiem, bērnu cītību un uzvedību.

No OECD veiktā pētījuma „Izglītības

pārskats 2017” secināts, ka kopumā iedzīvotāji kļuva izglītotāki. Cilvēki vēlas un cenšas izglīties, ienākt darba tirgū ar atbilstošu izglītību, tomēr ne uzreiz pēc obligātās izglītības iegūšanas, bet pēc augstākas izglītības iegūšanas. Pat apstākļos, kad izglītības izmaksas pieaug ar katru gadu.

Saistībā ar profesionālo izglītību jānorāda, ka vecāku izglītošanās un orientācija (profesionālā vai vispārējā izglītība) ietekmē jauniešus, izvēloties profesionālo vai vispārējo izglītību. Ir konstatējama pozitīvā saikne starp izglītību un ienākumiem no darba gaitām. Tas, ka indivīdiem ar augstāku izglītības līmeni ir tendence iegūt labāku un augstāk apmaksātu darbu nekā indivīdiem ar zemāku izglītības līmeni, rada jautājumu, vai šie labākie darba tirgus rezultāti patiešām korelē ar izglītības līmeni un veidu, vai arī tie atspoguļo citus faktorus, kas var būt saistīti gan ar izglītības izvēli, gan ar darba tirgu. Profesionālās izglītības absolventi ātrāk atrod darbu nekā vispārējās izglītības absol-

venti. Profesionālās izglītības absolventu „ieiešana” darba tirgū vienmērīgāka, t.i., laika gaitā viņi izveido stabilākas darba attiecības.

Raksta nobeigumā ir atzīmējams, ka izglītības kvalitāte, pieejamība un saturs visās vecuma grupās un katram indivīdam ir valsts ilggadīgās attīstības iespēja un priekšnoteikums, lai cilvēkkapitāla vērtība palielinātos. Ir atzīts, ka „Vienlaikus ar specifisku kompetenču un kvalitātes uzkrāšanu, kas nosaka cilvēka spējas iekļauties darba tirgū un veidot veiksmīgu profesionālu karjeru, izglītība ir arī cilvēka talantu, emocionālās un sociālās inteliģences un personības attīstības process.” [15]. Tātad izglītības pieejamības tiesiskās garantijas personām ar garīgās attīstības traucējumiem ir atkarīgas ne tikai no to regulējuma tiesību aktos, bet arī no kvalitatīvas realizācijas, kur kā palīgīdzekļi ir atbilstošas politikas veidošana valsts līmenī, stratēģiju izstrāde un pētījumu veikšana, kuru rezultāti identificē problēmas un rosina diskusijas.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. Vispārējā cilvēktiesību deklarācija. Pieejams: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/tiesibu-akti/ano-dokumenti/ano-vispareja-cilvektiesibu-deklaracija>
2. ANO Starptautiskā pakta par ekonomiskajām, sociālajām un kultūras tiesībām. Pieejams: <http://humanrights.lv/doc/vispaar/pptpakc.htm>
3. Eiropas Padomes Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijas Pirmais protokols. Pieejams: <http://cilvektiesibas.org.lv/lv/database/eiropas-cilvektiesibu-un-pamatbrivibu-aizsardzibas2/>
4. ANO Konvencijas par personu ar invaliditāti tiesībām. Pieejams: <https://likumi.lv/ta/lv/starptautiskie-ligumi/id/1630>
5. Latvijas Republikas Satversme: LR likums. Pieejams: www.likumi.lv
6. Tiesības uz izglītību. Pieejams: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/cilvektiesibas/socialas-un-ekonomiskas-tiesibas/tiesibas-uz-izglitiba>
7. Izglītības likums: LR likums. Pieejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759>
8. Vispārējās izglītības likums: LR likums. Pieejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=20243>
9. Noteikumi par vispārējās pamatizglītības un vispārējās vidējās izglītības iestāžu nodrošinājumu atbilstoši izglītojamo speciālajām vajadzībām: MK noteikumi. Pieejams: <https://likumi.lv/doc.php?id=252163>
10. Latvijas ilgtspējīgas attīstības stratēģija līdz 2030.gadam. Pieejams: http://www.pkc.gov.lv/sites/default/files/images-legacy/LV2030/Latvija_2030.pdf
11. Tiesībsarga biroja pētījumu Augstākas izglītības pieejamība personām ar invaliditāti. Pieejams: http://www.tiesibsargs.lv/uploads/content/lapas/petijums_par_augstskolu_pieejamibu_2017_1510305919.pdf
12. Globālais ziņojums par izglītības monitoringu 2017/2018 gg. „Atbildība izglītībā” (Accountability in education) Pieejams: <http://en.unesco.org/gem-report/report/2017/accountability-education>
13. OECD pētījums „Izglītības apskats 2017: OECD radītāji („Education at glance 2017: OECD indicators”). Pieejams: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>
14. From education to working life. The labour market outcomes of vocational education and training, 2012. Pieejams: www.cedefop.europa.eu/files/3063_en.pdf
15. Pomere un citi. Pētījums, kas atklāj problēmas cilvēku ar funkcionāliem traucējumiem iekļaušanai sabiedrībā (2007). Vientuļo vecāku, kuri audzina bērnus invalīdus, iespējas iekļauties darba tirgū un nepieciešamais atbalsts viņu sociālajai iekļaušanai. Rīga: SIA „LABA”.

References

1. Universal Declaration of Human Rights. Available: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/tiesibu-akti/ano-dokumenti/ano-vispareja-cilvektiesibu-deklaracija>
2. The UN International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Available: <http://human-rights.lv/doc/vispaar/pptpakc.htm>
3. First Protocol to the Council of Europe's Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available: <http://cilvektiesibas.org.lv/lv/database/eiropas-cilvektiesibu-un-pamatbrivibu-aizsardzibas2/>
4. The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Available: <https://likumi.lv/ta/lv/starptautiskie-ligumi/id/1630>
5. Satversme of the Republic of Latvia: Law of the Republic of Latvia. Available: www.likumi.lv
6. The right to education. Available: <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/cilvektiesibas/soci-alas-un-ekonomiskas-tiesibas/tiesibas-uz-izglitiba>
7. Education Law: Law of the Republic of Latvia. Available: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759>
8. General Education Law: Law of the Republic of Latvia. Available: <https://likumi.lv/doc.php?id=20243>
9. Regulations on the provision of institutions of general basic education and general secondary education according to the special needs of learners: the Regulations of Cabinet of Ministers. Available: <https://likumi.lv/doc.php?id=252163>
10. Latvian Sustainable Development Strategy till 2030. Available: http://www.pkc.gov.lv/sites/default/files/images-legacy/LV2030/Latvija_2030.pdf
11. The Ombudsman's Office Study on Access to Higher Education for People with Disabilities. Available: http://www.tiesibsargs.lv/uploads/content/lapas/petijums_par_augstskolu_pieejamibu_2017_1510305919.pdf
12. Accountability in education 2017/2018. Available: <http://en.unesco.org/gem-report/report/2017/accountability-education>
13. Education at a glance 2017: OECD indicators. Available: <http://www.oecd.org/edu/education-at-a-glance-19991487.htm>
14. From education to working life. The labour market outcomes of vocational education and training, 2012. Available: www.cedefop.europa.eu/files/3063_en.pdf
15. Pomere and others. A study that reveals the problems of inclusion of people with functional disorders in society (2007). The opportunities for lonely parents who raise disabled children to enter the labor market and the necessity to support their social inclusion. Riga: SIA „LABA”.

*Rihards Erdmanis, Mag.iur, Bc.paed, doctoral student
Riga Stradins University
Latvia*

The legal aspect of education and the right to education

Abstract. The author of the article analyzes the concept of education and its legal significance, as well as gives an idea of the right to education in the context of Latvian and international law. The concept of education can be understood both broadly and in a narrower sense. Within the framework of this article, in the disclosure of the legal significance of education, an interdisciplinary approach is used. In a broad sense, education is the whole process of social life, through which an individual or a group of people consciously learns, develops their potential, abilities and knowledge for the benefit of national or international communities. This process is not limited to any specific actions. It takes place throughout life. Education is a socially organized activity, a planned series of events, humane by nature, leading participants to learning and understanding, this is an organized way of transferring experience. After all, education is a complex term. According to the author, education is both a process and a result. In a narrow sense, the term education is associated with institutionalization, respectively, in the context of educational institutions - students, teachers, parents, heads of educational institutions, etc., rights and responsibilities. The right to education is an integral part of human rights, and therefore the right to education is analyzed in this article. The author examines in detail the right to education in both national and international law, in case law and doctrine. The author gives a brief idea about the concept of education in a legal context.

Keywords: education, right to education, the legal significance of education, education system

*Рихард Эрдманис, Mag.iur, Bc.paed, докторант
Рижский университет им. П.Страдыня
Латвия*

Правовой аспект образования и право на образование

Аннотация. Автор статьи анализирует понятие образования и его юридическое значение, а также дает представление о праве на образование в контексте латвийского и международного права. Понятие образования может пониматься как широко так и в более узком смысле. В рамках этой статьи, в раскрытии юридического значения образования, используется междисциплинарный подход. В широком смысле образование - это весь процесс социальной жизни, посредством которого индивид или группа людей сознательно учится, развивает свой потенциал, способности и знания во благо национальных или международных сообществ. Этот процесс не ограничивается какими-то конкретными действиями. Он происходит в течение всей жизни. Образование - это социально организованная учебная деятельность, это запланированная серия событий, гуманная по своей сути, ведущая участников к обучению и пониманию, это организованный способ передачи опыта. В конце концов, образование - это комплексный термин, в котором содержатся различные признаки. По мнению автора, образование - это одновременно процесс и результат. В свою очередь, узкое значение термина образование связано с её институционализацией в контексте учебных заведений - учащиеся, учителя, родители, руководители учебных заведений и.д., права и

обязанности, ответственность во взаимодействии. Право на образование является неотъемлемой частью прав человека, и в связи с этим в этой статье анализируется право на образование. Автор подробно рассматривает право на образование как в национальных, так и в международных правовых актах, в правовой практике и доктрине. Автор дает краткое представление о понятии образования в правовом контексте.

Ключевые слова. образование, право на образование, правовая значимость образования.

*Rihards Erdmanis, Mag.iur, Bc.paed, doktorants
Rīgas Stradiņa universitāte
Latvija*

Izglītības tiesiskais aspekts un tiesības uz izglītību

Anotācija. Rakstā autors analizē izglītības jēdzienu un tā tiesisko nozīmi, kā arī sniedz ieskatu tiesībām uz izglītību Latvijas un starptautisko tiesību kontekstā. Izglītības jēdziens ir interpretējams kā plašākā nozīmē, tā arī šaurākā nozīmē. Izglītības termina tiesiskās nozīmes atklāšanā, šī raksta ietvaros tiek lietota starpdisciplināra pieeja. Plašākā nozīmē izglītība ir visu sabiedriskās dzīves procesu, ar kuru palīdzību indivīds vai indivīdu grupa apzināti mācās jeb apgūst attīstīt visu savu potenciālu, attieksmes, spējas un zināšanas nacionālo vai starptautisko sabiedrību labā. Šis process neaprobežojas ar kaut kādām konkrētām darbībām. Tātad tas notiek dzīvē un priekš dzīves. Izglītība ir mācību aktivitātes sociāla organizēšana, tā ir jebkāda plānotu notikumu sērija, kurai ir cilvēcisks pamats, kas tiek vadīta dalībnieku mācīšanai un sapratnei, tā ir organizēts mācīšanās veids, kādā tiek nodota citu pieredze, beigu beigās, izglītība ir komplekss termins, kuram var tikai meklēt dažādas pazīmes. Izglītība autora skatījumā ir process un rezultāts vienlaicīgi. Savukārt izglītības termins šaurākā nozīmē ir saistāma ar tās institucionalizēšanu, t.i. izglītības iestāžu kontekstā – izglītojamo, skolotāju, vecāku, izglītības iestāžu vadītāju uml. tiesību un pienākumu, atbildības mijiedarbībā. Tiesības uz izglītību ir neatņemama cilvēktiesību sastāvdaļa, līdz ar to šajā rakstā tiek analizētas tiesības uz izglītību. Autors detalizēti aplūko tiesību uz izglītību kā nacionālo, tā arī starptautisko tiesību aktu izpratnē, tiesu praksē, tiesību doktrīnā. Autors sniedz īsu ieskatu izglītības jēdzienam konstitucionālo tiesību izpratnē.

Atslēgas vārdi: izglītība, tiesības uz izglītību, izglītības tiesiskā nozīme, izglītības sistēma

Ievads Tiesību ietekme uz sabiedrības attīstību ir neapšaubāma. Kā zināms, sociālās attiecības regulē ne tikai ētiskās vai paražu normas, bet arī tiesību normas. Sabiedrība un tiesības mijiedarbojas. Līdz ar to tiesību normu analīze būtu nepilnvērtīga, ja tās analizētu atrauti no sabiedrībā notiekošajiem procesiem. Proti, izglītība ir viena no cilvēku darbības jomām. Tā līdzās sociālās aizsardzības, veselības, aizsardzības, kultūras, sabiedriskās kārtības un drošības, vides aizsardzības, ienākumu pārdales, ekonomiskās attīstības stabilizēšanas ir viena no nozīmīgākajām valsts funkcijām. Respektīvi, izglītība ir cieši saistīta ar daudzām jomām – ekonomiku, politiku, socioloģiju, psiholoģiju. Valsts tiesiskajai sistēmai (tiesību akti, to ieviešana un īstenošana) ir būtiska loma valsts konkurētspējas noteikšanai [1, 102.]. Tajā

skaitā arī izglītības jomā esošo tiesību aktu lomai un kvalitātei Latvijas izglītības sistēmas kvalitātes uzlabošanā. Latvijas tiesību akti izglītības jomā un tiesības uz izglītību Latvijas kontekstā ir maz pētīta joma. Autors šajā rakstā **aktualizē** tiesību uz izglītību nozīmi, kā arī sniedz ieskatu izglītības tiesiskajai nozīmei Latvijas izglītības sistēmas kontekstā. **Mērķis** ir noskaidrot tiesības uz izglītību saturu, kā arī raksturot izglītības tiesisko nozīmi, analizējot to kā nacionālo, tā arī starptautisko tiesību kontekstā.

Rakstā tiek izmantotas šādas zinātniskās pētniecības metodes - analītiskā, ar kuras palīdzību tiek noskaidrots izglītības jēdziena apjoms, tā pedagoģiskā, socioloģiskā un juridiskā nozīme, kā arī sintēzes metode - ar tās palīdzību tiek pētīta tiesību uz izglītību, izglītības kopīgā daba. Rakstā

tiek izmantotas arī tiesību normu interpretācijas metodes: gramatiskā – ar tās palīdzību tiek noskaidrota izglītības jēdziena burtiskā nozīme (pedagoģijā, tiesību zinātnē), savukārt ar sistēmisko metodi tiek noskaidrots izglītības un tiesību uz izglītību kopsakarība; bet ar teleoloģiskās metodes palīdzību, tiek noskaidrota kā izglītības mērķa, tā arī likumdevēja griba, ietverot tiesības uz izglītību tiesību normās vai nosakot tiesisko regulējumu izglītības jomā.

Svarīgākās atziņas teorijā, praksē.

Jēdzienam “izglītība” ir divas būtiskas pazīmes, t.i., tas satur kā procesu (darbība, transmisija), tā arī rezultātu (zināšanas, prasmes, vērtības, attieksmes utml.). Cilvēces attīstības pirmsākumos jeb primitīvās kultūrās ar “izglītību” saprot darbību, kas ir kopēja visai cilvēku grupai, kurā aug un attīstās bērns, tajā nepastāv tā saucamā formālā izglītošana, t.i., skolotāju un skolēnu attiecības. Tajā gan vide tās kopumā, gan jebkura aktivitāte, kā arī jebkurš pieaugušais var būt skolotājs [1]. Tiesību zinātnieks N. Nikiforovs (Никита Никифоров) norāda, ka sabiedrības intelektuālā potenciāla translācijas un attīstības līdzeklis no paaudzes uz paaudzi ir izglītība [2]. Proti, viņš uzskata, ka izglītība ir sabiedrības intelektuālā potenciāla nodošanas un attīstības līdzeklis. Šajā ziņā izglītības jēdzienā tiek ietverta iespējamības pazīme, t.i., izglītība drīzāk ir potenciāls, kuru var attīstīt. Līdz ar to izglītība ir intelektuālā darba rezultāts, kas tiek attīstīts. Izglītības jēdziena plašākā nozīme ir skaidrota Apvienoto Nāciju Izglītības, zinātnes un kultūras organizācijas (UNESCO) ieteikumos “Par izglītošanu starptautiskajai sapratnei, sadarbībai un mieram, izglītībai, kas attiecas uz cilvēka tiesībām un pamata brīvībām” [3]. Proti, vārds “izglītība” nozīmē visu sabiedriskās dzīves procesu, ar kuru palīdzību indivīds vai indivīdu grupa apzināti mācās jeb apgūst attīstīt visu savu potenciālu, attieksmes, spējas un zināšanas nacionālo vai starptautisko sabiedrību labā. Šis process neaprobežojas ar kaut kādām konkrētām darbībām. Tātad tas notiek dzīvē un dzīvei. Izglītība ir mācību aktivitātes sociāla organizēšana, ka tā ir jebkāda plānotu notikumu sērija, kurai ir cilvēcisks pamats, kas tiek vadīta dalībnieku mācīšanai un sapratnei, ka tā ir organizēts mācīšanās veids, kādā tiek nodota citu pieredze, beigu beigās, ka izglītība ir komplekss termins, kuram var tikai meklēt dažādas pazīmes [4]. Izglītība ir viens no svarīgākajiem un spēcīgākajiem instrumentiem, ar kura palīdzību tiek veicinātas un izplatītas demokrātiskās vērtī-

bas (brīvība, vienlīdzība, solidaritāte cilvēka tiesības un pašcieņas un pašaktualizācijas sasniegšana [5]. Izglītības ieguves procesā tiek veicinātas cilvēku spējas zināt, izmantot un baudīt savas tiesības un brīvības, kā arī zināt šo tiesību nozīmi, piemēram, piedalīšanās vēlēšanās tieši ietekmē daudzas citas tiesības un brīvības [6]. Nekādā gadījumā nav atbalstāmas teorijas, kuru piekritēji apgalvo, ka tas, ja cilvēki neiegūs izglītību vai tiem nebūs iespējas paēst vai apģērbties, nebūs tik nopietns gadījums kā šo pašu cilvēku spīdzināšana vai viņa vārda brīvības ierobežošana [7]. Šajā ziņā izglītība ir tas resurss, ar kura palīdzību cilvēkam ir iespējams aizstāvēt savas cilvēktiesības. Proti, izglītība ir nemitīgs process, kuram nav ne sākuma, ne beigas. Mūžizglītība varētu būt šim apstiprinājums. Par audzināšanas un izglītošanas ilglaicīgumu norāda arī Latvijas Augstākās tiesas Senāts (turpmāk – Latvijas AT Senāts). Latvijas AT Senāts uzsver, ka bērna audzināšana un izglītošana, kas izriet no Latvijas Civillikuma [8] 177.panta, Izglītības likuma [9] 1.panta 4.punkta, 58. panta otrās daļas, Bērnu tiesību deklarācijas [10] 7.principa, Konvencijas par bērna tiesībām [11] 29.panta, ir ilgstošs, pastāvīgs, nepārtraukts, sistemātisks process, kura mērķis un rezultāts ir pastāvīga un attīstīta personība, demokrātiskas valsts un sabiedrības loceklis [12]. Jāpiebilst, ka šis spriedums veido judikatūras nozīmi tieši izglītības jēdziena izpratnē. Autorprāt, šāds skaidrojums aizgūts no mūsdienu Latvijas pedagoģijas zinātniekiem, kuri norāda, ka “izglītība” ir mērķtiecīgi organizēts sabiedrības vēsturiskās pieredzes, kultūrvērtību apgūšanas, pārmatošanas, sistematizētu zināšanu un prasmju apguves, personības īpašību, pārliecību, attieksmju un vērtību veidošanas un veidošanās joma, kā arī kā atbilstošu praktisku darbību kopums un rezultāts [13].

Tātad izglītība ir ilgstošs, pastāvīgs, sistemātisks process. Izglītības ilglaicīguma aspekts ir nozīmīgs ar to, ka tiesības uz izglītību ir ne tikai bērniem vai jauniešiem, bet tās ir svarīgas jebkura vecuma, dzimuma cilvēkam. Tas ir process, kas turpinās pieaugušā cilvēka dzīvē, respektīvi, tas neapstājās cilvēkam esot bērnības vai jaunības laikā, tas ir process, kas turpinās arī pieaugušā dzīvē [14]. Līdz ar to izglītība autora skatījumā ir process un rezultāts vienlaicīgi. Izglītībai ir sociāla, politiska un filozofiska nozīme. Izglītība ir sabiedriskā parādība, līdz ar to, tai ir sabiedriskā nozīme. To var organizēt, plānot, veidot, t.i formālā nozīmē, piemēram, izveidojot izglītības sistēmu, kuras ele-

menti ir izglītības iestādes, izglītības programmas, izglītojamie, izglītojamo vecāki utml. Izglītībai ir arī neformāls [15, 15] raksturs, t.i., tā var notikt arī ārpus formālās izglītības [15, 18]. Formālai izglītībai ir būtiska nozīme tiesību zinātnes skatījumā nekā neformālajai izglītībai, kas drīzāk asociējas ar izglītības jēdziena plašāko nozīmi, t.i., to prasmju un zināšanu apguvi, kas nav formalizētas, bet gan tiek iegūtas, piemēram, dzīves situācijās, kurās indivīds mācās no cita indivīda, kas rāda un māca savu prasmi neatkarīgi no tā, pastāv vai nepastāv formālā izglītība. Valsts, īstenojot izglītības funkciju, izveido izglītības sistēmu, kuras darbība lielā mērā ir atkarīga no tiesiskā regulējuma. Līdz ar to ir nepieciešams rast skaidrību izglītības termina juridiskai izpratnei. Turpmāk tiks sniegts ieskats izglītības jēdziena tiesiskajā nozīmē, kā arī izgaismots tiesības uz izglītību aspekts.

Analizējot, piemēram, anglo – sakšu tiesību loka juridisko literatūru, redzams, ka jēdziens “izglītība” tiek skaidrots ļoti vispārīgi un pat filozofiski, proti, izglītības jēdziena plašākajā nozīmē. Amerikas Savienoto Valstu (turpmāk – ASV) Augstākā tiesa (U.S. Supreme Court) vienā no saviem nozīmīgākajiem spriedumiem attiecībā uz izglītības tiesībām norāda, ka izglītība, iespējams, ir viena no svarīgākajām valsts funkcijām, ka tā ir svarīga demokrātiskā sabiedrībā, ka tā ir pilsoniskas sabiedrības pamats, tā ir kultūras vērtību nodošanas instruments utml.[16]. Līdz ar to redzams, ka ASV Augstākā tiesa uzskata izglītību par obligātu nosacījumu pilsoņu tiesību un pienākumu īstenošanā, piemēram, neizglītotam cilvēkam būs daudz grūtāk pieņemt pamatotu lēmumu vēlēšanās [17]. Lielbritānijas Izglītības likumā[18](angl.val.-Education act) izglītības termins netiek definēts, bet tajā tiek detalizēti noteikta kārtība, piemēram, izglītības saturs, iestāžu, disciplīnas, obligāti izglītojamo vecuma, skolotāju kompetences, sagatavošanas, skolu finansējuma īstenošanā. Līdzīga pieeja ir redzama arī Kanādas tiesiskajā regulējumā, piemēram, Albertas provinces (angļu val.- Province of Alberta) Izglītības likuma (angļu val.- Education act)[19] preambulā tiek pasludināts, ka izglītība ir demokrātiskas un pilsoniskas sabiedrības pamats, izglītības loma ir attīstīt ieinteresētus (iesaistīties gribošus) domātājus, kas domā kritiski un radoši, kā arī ētiskus pilsoņus, kas demonstrē cieņu, prot darboties komandā un nes demokrātijas ideālus, ir ar uzņēmēja garu un, sastopoties ar izaicinājumiem, prot tiem pretoties ar elastību, adaptēšanās spēju,

riska uzņemšanās spēju un stingru apņēmību. Kā redzams, tad Kanādas tiesību aktā tiek noteikts izglītības ideāls, kā arī izglītības vērtības.

Iedziļinoties nedaudzajos romiešu-ģermāņu tiesību loka valstu tiesību aktos, kas regulē izglītības jomu, redzams, ka tajos tiek noteikts izglītības termins. Piemēram, Igaunijas Izglītības likumā (angl.val.-Republic of Estonia Education Act) izglītība tiek definēta kā zināšanu, prasmju, pieredzes, uzvedības normu sistēma, kas noteikta ar mācību plānu, kuru ir atzinusi sabiedrība un tā īstenošanu kontrolē sabiedrība [20].

Līdzīga pieeja izglītības termina definēšanā tiek izmantota arī Lietuvas Izglītības likumā (angļu val.- Law on education) [21]. Tajā tiek norādīts, ka izglītība ir darbība, kas tiek virzīta uz to, lai nodrošinātu indivīdu ar pamatu patstāvīgai dzīvei un palīdzētu tam nepārtraukti attīstīt tā spējas. Izglītība ir mācīšanās un izglītības nodrošināšana, neformālā izglītība, kā arī izglītojamo, viņu vecāku,(aizbildņu), izglītības institūciju, skolotāju un citu izglītības nodrošinātāju un izglītības atbalsta(palīdzības) speciālistu darbība. No Lietuvas piemēra redzams, ka izglītība tiek definēta kā plašākā nozīmē, t.i., izglītības nozīme tiek uzsvēta, lai palīdzētu attīstīt indivīda potenciālu, spējas, kā arī izglītība tiek saprasta šaurākā nozīmē, proti, ka izglītība ir sistematizēts mācību process, kas norit gan formālajā vidē-skolās, gan neformālajā vidē un tās dalībnieki ir kā izglītojamie, tā arī viņu vecāki, skolotāji, dažādi palīdzības speciālisti izglītības jomā. Savukārt Krievijas Federācijas (turpmāk-Krievija) likumā Par izglītību (krievu val.- Закон об образовании РФ.) izglītība tiek definēta kā vienots mērķtiecīgs audzināšanas un mācību process, kam ir sabiedriska labums un tas tiek īstenots cilvēka, ģimenes, sabiedrības un valsts interesēs. Izglītība ir arī apgūto zināšanu, prasmju, vērtību, pieredzes un kompetenču kopums, kas tiek veidots ar mērķi, attīstīt cilvēka intelektuālo, garīgi-tikumisko, radošo, fizisko un (vai) profesionālo potenciālu, apmierinot cilvēka mācīšanās vajadzības un intereses [22]. Kā redzams, tad Krievijas likumā Par izglītību tiek norādīts, ka izglītība ir kā process tā arī rezultāts. Citiem vārdiem, izglītības rezultāts, krievu autoru skatījumā, ir zināšanas, prasmes, iemaņas, vērtības, pieredze un kompetences, kas noder kā pašam indivīdam, tā arī sabiedrībai, valstij, t.i., izglītība tiek uzskatīta par vispārēju vērtību un labklājības garantu. Krievijas likuma Par izglītību komentāros tiek norādīts, ka šajā likumā pirmo reizi tiek oficiāli definēts

izglītības termins, kas ilgstoši Krievijas normatīvajos aktos netika noteikts. Krievijas tiesību zinātnieku skatījumā izglītība ir mērķtiecīgs audzināšanas un mācīšanās process, proti, tas nav saistīts tikai ar nepieciešamo zināšanu, prasmju, iemaņu iegūvi, bet arī ar personības tapšanu, kas īsteno savu dzīves darbību saskaņā ar valsts noteikto kārtību [23]. Bez izglītības definīcijas Krievijas Federācijas tiesību aktos tiek definēti arī tādi termini kā mācīšanās, audzināšana, izglītības līmenis, kvalifikācija, valsts standarts, izglītības programma, pamata izglītības paraugprogramma, vispārējā izglītība, profesionālā izglītība, papildus izglītība, izglītojamais, izglītojošā darbība, izglītības organizēšana utt. [22]. Redzams, ka gan Igaunijas, Lietuvas vai Krievijas pamata likumā, kas regulē izglītības jomu, terminoloģija ir ļoti līdzīga. Autora skatījumā, ievērojams cēlonis ir Krievijas likumā Par izglītību noteiktais šī likuma regulējuma priekšmets. Proti, tajā tiek noteikts, ka likuma regulējuma priekšmets ir sabiedriskās attiecības, kas noris izglītības jomā, īstenojot tiesības uz izglītību, kas tiek garantētas no valsts puses [22]. Ir redzamas atšķirības, piemēram, izglītības likumu mērķos Latvijā un Krievijā. Proti, Latvijas Izglītības likuma (turpmāk-Izglītības likums jeb Latvijas IL) mērķis ir nodrošināt katram Latvijas iedzīvotājam iespēju attīstīt savu garīgo un fizisko potenciālu, lai veidotos par patstāvīgu un attīstītu personību, demokrātiskas Latvijas valsts un sabiedrības locekli [9]. Tas ir, Latvijā uzsvars tiek likts uz indivīdu un viņa potenciāla attīstīšanu, svarīgi, lai indivīds kļūtu par patstāvīgu un attīstītu personību. Savukārt Krievijas pamata likumā, kas regulē izglītības jomu tiek norādīts, ka par tiesiskā regulējuma mērķiem izglītības jomā ir uzskatāmas valsts garantijas, mehānismi tiesību un brīvību realizācijā, apstākļu radīšana izglītības sistēmas attīstībai, izglītības jomā iesaistīto dalībnieku tiesību un interešu aizsardzība [22]. No augstāk norādītā var secināt, ka Latvijas izglītības mērķis drīzāk atbilst liberālas labklājības valsts modelim, tas nozīmē, ka jaunā paaudze jau izglītības sistēmas ietvaros pārņem individuālismu, brīvā tirgus vērtības – konkurētspēju, viss ir pērkams un pārdodams, valsts varai ir jāaizstāv brīvais tirgus, visa sava potenciāla attīstības iespējas, statusa nozīme, izglītība drīzāk kļūst par pakalpojumu nevis, piemēram, par labumu kā tādu, utml. Savukārt, Krievijas izglītības sistēmas tiesību akti deklarē sociāldemokrātiskas valsts vērtības, proti, jau Krievijas konstitūcijas 7. pantā tiek noteikts,

ka Krievija ir sociāla valsts, kuras politika vērsta uz cilvēkcieņīgu apstākļu radīšanu, kas nodrošina pienācīgu un brīvu cilvēka attīstību [24]. Proti, tiesību sistēma būtiski ietekmē izglītības sistēmu un savukārt izglītības sistēma Latvijas Izglītības likumā (turpmāk-Izglītības likums jeb Latvijas IL) ir noteikta izglītības jēdziena legāldefinīcija. Proti, Izglītības likuma 1. pantā noteikts, ka izglītība ir sistematizētu zināšanu un prasmju apguves un attieksmju veidošanas process un tā rezultāts. Izglītības process ietver mācību un audzināšanas darbību. Izglītības rezultāts ir personas zināšanu, prasmju un attieksmju kopums.[9] Redzams, ka izglītības terminā tiek ietvertas augstāk norādītās pazīmes - process un rezultāts. Par izglītības rezultātu tā formālajā izpratnē tiek uzskatīts nevis jebkāds rezultāts, kas radies nejauši, bet gan sistematizētā procesā apgūtas zināšanas, prasmes, attieksmes, tātad Izglītības likumā ir runa par izglītību tās šaurākā nozīmē, proti, juridiski izglītības termins tiek definēts, norādot izglītības jēdziena pazīmes - formāls, sistematizēts process ar noteiktu rezultātu. Līdz ar to izglītības termina tiesiskā nozīme izriet no Izglītības likumā noteiktajām pazīmēm un šī darba ietvaros tiks lietots tieši šāda izglītības termina izpratne - ietekmē tiesību sistēmu, jo abās ir runa par vērtībām. Valsts nodrošina to, ka jaunai paaudzei, kā arī tās iedzīvotājiem ir iespējams iegūt izglītību, kas savukārt ir cieši saistīts ar cilvēktiesību, proti, tiesībām uz izglītību.

Eiropas Cilvēktiesību tiesa (turpmāk - ECT) lietā Pomaryovi pret Bulgāriju [25] norāda, ka plašā rīcības brīvība, kas valstīm parasti ir dota attiecībā uz ekonomisko un sociālo stratēģiju vispārējiem pasākumiem, izglītības jomā principā ir jātransponē ar atrunām divu iemeslu dēļ: 1) tiesības uz izglītību saskaņā ar Eiropas Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvenciju [26] jeb Eiropas Cilvēktiesību konvenciju (turpmāk-ECTK) ir tieši aizsargātas, 2) izglītība ir ļoti īpašs sabiedrisko pakalpojumu veids, kas palīdz īstenot daudzas sabiedrības funkcijas. Proti, Eiropas Padomes (turpmāk - EP) tiesību sistēmā ECTK garantē iespēju izmantot tiesības visām dalībvalstu jurisdikcijā dzīvojošām personām neatkarīgi no tā, vai tās ir vai nav pilsoņi, tostarp personām, kas dzīvo ārpus valsts teritorijas, apgabalos, kas ir dalībvalsts faktiskā kontrolē [27]. Proti, ECTK 1.protokola 2. pants nosaka: “ Nevienam cilvēkam nedrīkst liegt tiesības uz izglītību. Veicot jebkuras funkcijas, kuras tā uzņemas attiecībā uz izglītību un mācībām, valsts

ievēro vecāku tiesības nodrošināt tādu izglītību un mācības, kas ir saskaņā ar viņu reliģisko pārliecību un filozofiskajiem uzskatiem.”[26] ECTK 1. protokola 2. pants (turpmāk - ECTK P1.-2. pants) sastāv no divām cieši saistītām tiesībām. Tas ir, ECTK P1.-2. panta pirmais teikums garantē tiesības uz izglītību, bet otrais teikums uzliek valstij pienākumu respektēt tiesības vecākiem izvēlēties saviem bērniem tādu izglītību, kas atbilst viņu reliģiskajai pārliecībai un filozofiskajiem uzskatiem.[28] Tātad ECTK P1.-2. pants nosaka, ka tiesības uz izglītību ir primāras, t.i., tā 1.teikums ir dominējošs un veido visa otrā panta būtību, bet 2.teikums ir papildinājums pamata tiesībai uz izglītību [28, 526]. Tiesības, kas ir noteiktas ECTK P1.-2. panta pirmajā teikumā ir iespējamās prasīt pašam bērnam, kā arī viņu vecākiem vai likumiskajiem pārstāvjiem. Savukārt tiesības, kas noteiktas ECTK P1.-2. panta 2.teikumā ir iespējams prasīt tikai vecākiem vai likumiskajiem pārstāvjiem.[28,890] ECTK tapšanas laikā, 20. gadsimta 50-tajos gados ECTK parakstītājvalstis acīmredzot, nevēlējās, ka ECTK P1.-2. pants tiktu interpretēts nevis kā valstu obligātais pienākums sākt rīkoties, bet gan tā, lai indivīdi paši varētu izvēlēties sev izglītību un paši izglītos vai subsidētu privātizglītību.[29] Šajā gadījumā parādās vēlme valstīm pašām atļaut rīkoties atbilstoši vietējām tradīcijām, paražām utml. Tajā pašā laikā jāuzsver, ka valstij ir pienākums nodrošināt efektīvu (nevis teorētisku) cilvēktiesību aizsardzību.[30] Tātad valstij ir pienākums nodrošināt efektīvu tiesību uz izglītību aizsardzību. Lai gan tiesības uz izglītību nav absolūtas tiesības, proti, tās var ierobežot, jebkurā gadījumā tās nevar ierobežot tik tālu, lai tiktu aizskarts tās “kodols” un tiktu mazināta tās efektivitāte. Tiesību uz izglītību ir definējusi ECT savā tiesu praksē, par tā saturu, un robežām autors sniegs ieskatu nākamajās šī darba nodaļās. Latvijas Satversmes 8. nodaļa uzņēmusi konstitūcijas tekstā dažas specifiskas sociālas tiesības, kuras ir praktiski realizējamas un tādēļ uzskatāmas par justiciablām. Šādas tiesības, piemēram, ir tiesības uz sociālo nodrošinājumu gadījumā, ja cilvēks pats vairs nevar rūpēties par sevi (Satversmes 109. pants), tiesības uz medicīniskās palīdzības minimumu (Satversmes 111. pants), tiesības uz izglītību (Satversmes 112. pants).[7] Savukārt Tiesībsargs norāda, ka Satversmes 112. pantā [31] garantētās ikvienam tiesības uz izglītību sevī ietver 1) valsts pozitīvo pienākumu izveidot izglītības sistēmu 2) arī negatīvo pienākumu – neiejaukties šo tiesību realizācijā.

Pozitīvā cilvēktiesību izpratne nozīmē ne tikai to, ka valsts pienākums ir nodrošināt pienācīgu eksistenci un brīvību, lai varētu pašrealizēties, realizēt radošās spējas [32]. No Tiesībsarga atziņas izriet, ka valstij ir jānodrošina tāds tiesiskais regulējums, ka ikviens Latvijas iedzīvotājs varētu īstenot Satversmē garantētās tiesības uz izglītību un valsts neliek šķēršļus tās ieguvē.

No teiktā izriet, ka izglītība, kā cilvēkam piemītoša tiesība, ir universāla, nedalāma, savstarpēji atkarīga, t.i., tā pastāv ciešā sakarā ar citām cilvēktiesībām, piemēram, kā tiesību uz dzīvību, vienlīdzību likuma priekšā, pašizpaušmes brīvību, tiesībām uz nodrošinājumu, sociālo drošību, attīstības tiesībām utml. Latvijas AT Senāts norāda, ka tiesības uz izglītību ir raksturojamas kā otrās paaudzes tiesības, kuras aptver ekonomiskās, sociālās un kultūras tiesības. Lai gan izglītība ir viens no pamatveidiem, kādā indivīds var attīstīt savu personību, un tā ir cieši saistīta ar citu tiesību, piemēram, vārda brīvības īstenošanu, pamatā tiesības uz izglītību tiek uzskatītas par kultūras tiesībām [33]. Respektīvi, tiesības uz izglītību ir vitāli svarīgas un tās tiek dažādi kvalificētas kā ekonomikas, sociālās vai kultūras tiesības, bet tās ir visas no norādītajām. Kopš tiesības uz izglītību kļuvušas nozīmīgas to pilnai un efektīvai realizācijai, tās daudzkārt mēdz ierindot politikas un pilsoņu tiesību grupā. Šajā ziņā tiesības uz izglītību atspoguļo visu cilvēktiesību nedalāmību un savstarpējo atkarību [34]. Tiesību doktrīnā ir noteikts, ka valsts ir galvenais cilvēktiesību sargs, un tās varā ir veikt nepieciešamos pasākumus, lai aizsargātu cilvēktiesības[35], tajā skaitā, tiesības uz izglītību. Tiesības uz izglītību tiek atzītas daudzu pasaules sabiedrību kopienās. Tajā pašā laikā tiesību atzīšana ne vienmēr atbilst starptautisko tiesību standartam [17]. Proti, neīstenojot starptautiskajos un nacionālajos aktos noteiktās tiesības uz izglītību, valsts un tās iedzīvotāji nespēj progresēt, bet gan apstājas savā attīstībā, kļūst zemāk un zemāk, ieslīgstot stagnācijā, un pakļauj sevi iznīcības riskam ātrāk nekā, piemēram, izglītoti cilvēki [36]. Tātad redzams, ka izglītība un tiesības uz izglītību ir nepieciešamas, lai per se veicinātu katras valsts atsevišķi, katra cilvēka un cilvēces attīstību.

Izmantotās literatūras un avotu saraksts

1. The New Encyclopaedia Britannica, 15th ed., s.v. "education, history of."
2. Никифоров Н., Регулятивы правотворческой деятельности в сфере высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии. Рига : Балтийская международная академия, 2008 167 с.
3. UNESCO's Recommendation concerning Education for International Understanding, Co-operation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms of 1974. Pieejams: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13088&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. [sk. 09.02.2018.]
4. Jarvis, P. International dictionary of adult and continuing education. London, Kogan Page, 1999. VI, p.202.
5. Thomassen, J. Democratic Values. Pieejams: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199270125.001.0001/oxfordhb-9780199270125-e-022>. [sk.11.02.2018.]
6. Pranevičienė B., Pūraitė A. Right to education in international legal documents. In Mykolo Romerio universitetas, // Jurisprudencija, Jurisprudence 2010, 3(121), p. 133–156.
7. Cilvēktiesības pasaulē un Latvijā : grāmata augstskolu studentiem, speciālistiem un interesentiem / Inetas Ziemeles redakcijā. Rīga : Izglītības solī, 2000 409 lpp.
8. Latvijas Republikas likums Civillikums. Valdības Vēstnesis, 41, 20.02.1937.
9. Izglītības likums: Latvijas Republikas likums. Latvijas Vēstnesis, 343/344 (1404/1405), 17.11.1998., "Ziņotājs", 24, 24.12.1998.
10. Bērnu tiesību deklarācija. 1959.gada 20.novembris. Apvienoto Nāciju Organizācija. Pieejams: www.lm.gov.lv/upload/berns_gimene/bernu_tiesibas/.../bernu_tiesibu_deklaracija.pdf. [sk. 17.02.2018.]
11. Bērnu tiesību konvencija: Apvienoto Nāciju organizācija . Latvijas Vēstnesis, 237 (5297), 28.11.2014.
12. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Administratīvo lietu departamenta 2008.gada 3.janvāra lēmums lietā Nr. SKA-16/2008.
13. Bejickis I., Blūma D., Koķe T., Markus D., Skujiņa V., Šalme A. Pedagoģijas terminu skaidrojošā vārdnīca : Aptuveni 1500 terminu latviešu, angļu, vācu un krievu val.. Rīga, Zvaigzne ABC. 2000., 248 lpp.
14. Jacobs F. G., White R. C. A. The European Convention on Human Right. Oxford : Clarendon Press, 1996. , 469 lpp.
15. Broks, A., Buligina I., Koķe T., Špona, Šūmane M., Upmane M. Izglītības terminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga. Latvijas Pašvaldību mācību centrs, 1998., 15.lpp.
16. Brown v. Board of Education of Topeka, 347 U.S. 483 (1954) Pieejams: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/483/case.html> [sk.09.02.2018.]
17. Beiter K. D., The protection of the right to education by international law: including a systematic analysis of Article 13 of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights. Koninklijke Brill NV, Leiden, Academic Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP. 2006. 787 pp.
18. Education Act 2011. Pieejams: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/21/contents/enacted> [sk.07.04.2018.]
19. Education act, Statutes of Alberta, 2012 Chapter E-0.3 Pieejams: http://www.qp.alberta.ca/1266.cfm?page=e00p3.cfm&leg_type=Acts&isbncln=9780779786855 [sk.07.04.2018.]
20. Oriģinālais teksts:".. education is a system of knowledge, skills, experience, values and behavioural norms which is determined by curricula, which is recognised by society and the acquisition of which is controlled by society..."Pieejams: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/524042014002/consolide> [sk.07.04.2018.]
21. Republic of Lithuania Law amending the Law on education Pieejams: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.407836> [sk.08.04.2018.]
22. Закон об образовании РФ. Pieejams: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> [sk.11.04.2018.]
23. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (постатейный) Pieejams: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> [sk.11.04.2018.]

24. The constitution of the Russian Federation. Pieejams <http://www.constitution.ru/en/10003000-03.htm>.
25. Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā Anatolij Vladimirovich Ponomaryov and Others against Bulgaria 5335/05 Pieejams:<https://hudoc.echr.coe.int/> [sk.-13.03.2018.
26. Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija: starptautisks dokuments. Latvijas Vēstnesis Nr.143/144, 13.06.1997.
27. Rokasgrāmata par Eiropas tiesību aktiem bērnu tiesību jomā. Eiropas Savienības Pamattiesību aģentūra un Eiropas Padome, 2015.Elektronisks izdevums. Pieejams: www.coe.int.eu [sk. 20.03.2018.]
28. Theory and practice of the European Convention on Human Rights / edited by Peter van Dijk, Fried van Hoof, Arjen van Rijn, Leo Zwaak. Fifth edition. Cambridge ;Antwerpen ;Portland : Intersentia, 2018, 1230 lpp.
29. Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights. Right to education. European Court of Human Rights, 2017. Pieejams: <https://www.echr.coe.int.> [sk.05.04.2018.]
30. Olševskis, E. Cilvēktiesības.127.lpp. No: Latvijas tiesību sistēma. Autoru kolektīvs zinātniskie redaktori: Jānis Načisčionis, Ingrīda Veikš. Rīga: Biznesa augstskola Turība. 2017. 442 lpp.
31. Latvijas Republikas Satversme: Latvijas Republikas likums. Latvijas Vēstnesis, 43, 01.07.1993., Ziņotājs, 6, 31.03.1994.
32. Tiesības uz izglītību. c <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/cilvektiesibas/socialas-un-ekonomiskas-tiesibas/tiesibas-uz-izglitibu> – [sk. 03.01.2018.]
33. Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Administratīvo lietu departamenta 2007.gada 3.maija lēmums lietā Nr. SKA-311. No: Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Administratīvo lietu departamenta spriedumi un lēmumi 2007.-Rīga:Tiesu namu aģentūra,2008.(XLII)1060 lpp.
34. General Comment 11, adopted by Committee on Economic, Social and Cultural rights, provides interpretation and clarification of Article 14 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural rights. Pieejams: www.right-to-education.org. [sk. 21.03.2018.]
35. Kas ir cilvēktiesību pārkāpums? Pieejams:www.cilvektiesibugids.lv [sk.31.01.2018.]
36. The right to education. Pieejams: <http://hrlibrary.umn.edu/edumat/IHRIP/circle/modules/module16.htm> [sk. 11.02.2018.]

References

1. The New Encyclopaedia Britannica, 15th ed., s.v. “education, history of.”
2. Nikiforov N., Regulators of law-making activity in the field of higher education in Latvia, Lithuania and Estonia. Riga: Baltic International Academy, 2008 167 pp..
3. UNESCO’s Recommendation concerning Education for International Understanding, Co-operation and Peace and Education relating to Human Rights and Fundamental Freedoms of 1974. Available: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13088&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.
4. Jarvis, P. International dictionary of adult and continuing education. London, Kogan Page, 1999. VI, p.202.
5. Thomassen, J.Democratic Values. Available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199270125.001.0001/oxford>
6. Pranevičienė B., Pūraitė A. Right to education in international legal documents. In Mykolo Romerio universitetas, // Jurisprudencija, Jurisprudence 2010, 3(121), p. 133–156.
7. Human Rights in the World and Latvia: A Book for University Students, Professionals/ Edited by Ineta Ziemele. Riga: publishing house “Izglītības solī”, 2000, 409 p.
8. Civil Law of the Republic of Latvia. Government Gazette, 41, 20.02.1937.
9. Law on Education: Law of the Republic of Latvia. Latvijas Vēstnesis, 343/344 (1404/1405), 17.11.1998., The Reporter, 24, 24.12.1998.
10. Declaration of the Rights of the Child (1959) (Proclaimed by the General Assembly, resolution 1386 (XIV), A/RES/14/1386, 20 November 1959).
11. Convention on the Rights of the Child Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September

1990, in accordance with article 49.

12. Decision of the Department of Administrative Cases of the Senate of the Supreme Court of the Republic of Latvia dated January 3, 2008 in case No. AMS-16/2008.

13. Beļickis I., Blūma D., Koķe T., Markus D., Skujiņa V., Šalme A. Glossary of pedagogical terms: Approximately 1500 terms in Latvian, English, German and Russian. Riga, Star ABC. 2000, p. 248.

14. Jacobs F. G., White R. C. A. The European Convention on Human Right. Oxford: Clarendon Press, 1996. , 469 lpp.

15. Broks, A., Buligina I., Koķe T., Spona, Šūmane M., Upmane M. Dictionary of Educational Terms. Riga. Latvian Municipal Learning Center, 1998, p. 15.

16. Brown v. Board of Education of Topeka, 347 U.S. 483 (1954) Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/347/483/case.html>

17. Beiter K. D., The protection of the right to education by international law: including a systematic analysis of Article 13 of the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights. Koninklijke Brill NV, Leiden, Academic Publishers, Martinus Nijhoff Publishers and VSP. 2006. 787 pp.

18. Education Act 2011. Available: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/21/contents/enacted>

19. Education act, Statutes of Alberta, 2012 Chapter E-0.3 Available: http://www.qp.alberta.ca/1266.cfm?page=e00p3.cfm&leg_type=Acts&isbncln=9780779786855

20. Original text: "... education is a system of knowledge, skills, experience, values and behavioural norms which is determined by curricula, which is recognised by society and the acquisition of which is controlled by society..." Available at: [https://www.riigiteataja.ee/en/eli/524042014002/consolide\[sk.07.04.2018.\]](https://www.riigiteataja.ee/en/eli/524042014002/consolide[sk.07.04.2018.])

21. Republic of Lithuania Law amending the Law on education. Available at: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.407836>.

22. The Law on Education of the RF . Available: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>.

23. Commentary to the federal act of 29 December 2012 N 273-ФЗ "On education in the Russian Federation " (clause-by-clause) Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>

24. The constitution of the Russian Federation. Available at: <http://www.constitution.ru/en/10003000-03.htm>.

25. Anatoliy Vladimirovich Ponomaryov and Others against Bulgaria 5335/05 Available: <https://hudoc.echr.coe.int/>

26. Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencija: starptautisks dokuments (Convention of human rights and fundamental freedoms) Latvijas Vēstnesis Nr.143/144, 13.06.1997.

27. Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights. Right to education. European Court of Human Rights, 2017. Available: <https://www.echr.coe.int>.

28. Theory and practice of the European Convention on Human Rights / edited by Peter van Dijk, Fried van Hoof, Arjen van Rijn, Leo Zwaak. Fifth edition. Cambridge ;Antwerpen ;Portland : Intersentia, 2018, 1230 lpp.

29. Guide on Article 2 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights. Right to education. European Court of Human Rights, 2017. Available at: <https://www.echr.coe.int>. [sk.05.04.2018.]

30. Olševskis, E. Human Rights, p.127. From: Latvian legal system. Collected scientific editors of authors: Janis Načicionis, Ingrīda Veikš. Riga: School of Business Administration Turība. 2017. 442 p.

31. The Constitution of the Republic of Latvia // Official gazette «Latvijas Vestnesis», Nr.43, 01.07.1993.

32. Tiesības uz izglītību (The right to education). Available at c <http://www.tiesibsargs.lv/lv/pages/cilvektiesibas/socialas-un-ekonomiskas-tiesibas/tiesibas-uz-izglitiba> – [sk. 03.01.2018.]

33. Decision of the Department of Administrative Cases of the Supreme Court Senate of the Republic of Latvia of 3 May 2007 in case no. SKA-311. From: judgments and decisions of the Department of Administrative Cases of the Supreme Court Senate of the Republic of Latvia. 2007-Riga: Judicial House Agency, 2008 (XLII) 1060 p

34. General Comment 11, adopted by Committee on Economic, Social and Cultural rights, provides interpretation and clarification of Article 14 of the International Covenant on Economic, Social and

Cultural rights. Available at: www.right-to-education.org. [sk. 21.03.2018.]

35. Kas ir cilvēktiesību pārkāpums? (What is the breach of human rights?) Available at :www.cilvektiesibugids.lv [sk.31.01.2018.]

36. The right to education. Available at: <http://hrlibrary.umn.edu/edumat/IHRIP/circle/modules/module16.htm> [sk. 11.02.2018.]

*Giga Abuseridze, doktorants
Rīgas Stradiņa universitāte
Gruzija*

Sabiedrības veselības politika un darba tiesības Pasaules Tirdzniecības organizācijā

Anotācija. Šis raksts ir sadalīts vairākās sadaļās. Pirmā sadaļa apskata problēmas tirdzniecības attiecību un sabiedrības veselības jomās, bet otrā sadaļa fokusējas uz darba tiesībām un darba pamatstandartiem. Raksta mērķis ir raksturot likumdošanas problēmas tirdzniecības jomā un sabiedrības veselības jomās, lai nodrošinātu sabiedrībai labāku izpratni par saistībām starp tirdzniecības tiesībām, sabiedrības veselībai un ārējai ekonomiskai darbībai. Pētniecības metodes ir tirdzniecības sistēmas funkcionēšanas izpēte un analīze Pasaules Tirdzniecības organizācijā, patērētāju politikās un sabiedrības veselības jomās. Jāpiezīmē, ka tirdzniecības konvencijas var pārkāpt cilvēktiesības, piemēram, tiesības uz veselību, tieši vai netieši. Tādēļ, lai precīzi noteikt diskriminācijas formas darba tiesībās, autors izskata darba pamatstandartus un Vispārēju cilvēktiesību deklarāciju.

Atslēgas vārdi: Pasaules tirdzniecības organizācija, Pasaules Veselības organizācija, Pasaules tirdzniecības, Vispārējais nolīgums par pakalpojumu tirdzniecību.

*Giga Abuseridze, doctoral student
Riga Stradins University.
Georgia*

Public health policy and labour rights in the World Trade Organization

Abstract. This article is divided into several sections. The first one offers an overview of problems in the sphere of trade relations and public health, the second one focuses on the labour rights and Core labour standards. The goal of the article is to outline the problems of the legislation in the sphere of trade relations, to provide society with greater insights into the relationship between labour rights, public health and International trade. Research methodology includes the study and analysis of operation of the trade system in WTO and trade health policy. It should be noted that the trade convention can also violate human rights, such as the right to health, directly or indirectly. In order to accurately define the forms of labour discrimination the author looks into the Core Labor Standards, the Universal Declaration of Human Rights.

Keywords: World Trade Organization, World Health Organization, International Trade, General Agreement on Trade in Services, the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights.

Introduction

Trade, the exchange of goods, services and information between individuals or groups, is as old as human history. Expanding trade is a central component of the increasing connectedness among countries. The World Trade Organization was established and became operational on 1 January 1995. It is the youngest of all the major international organisation and yet it is, arguably, one of the most influential in these times of globalization. As Marco Bronckers stated, it has ‘the potential to become a key pillar of governance’ [1]. The WTO is also one of the most controversial international organisations. It has been referred as ‘un gouvernement mondial dans l’ombre’ [2].

Sometimes the WTO is described as an international organization governing international trade. However, this description can be misleading. The WTO does not make trade rules. The only makers of rules are national governments. In this sense, then, the WTO does not govern anybody. A better way to think of the WTO is as a club of member nations. The club’s purpose is to monitor each member country’s trade policies with respect to the trade agreements that were made in the Uruguay Round. The WTO agreements include thousands of promises for every country, all intending to reduce barriers to trade relative to what the barriers were before the Uruguay Round. The WTO does not represent free trade. At best, the agreements can be described as freer trade [3]. Besides monitoring each member country’s trade policies, which the WTO fulfills by conducting periodic trade policy reviews of the member countries, the WTO club was also created to deal with disputes. This is surely the most important “power” of the WTO [4].

The main function of the WTO is as a forum for international cooperation on trade-related policies, the creation of codes of conduct for member governments. These codes emerge from the exchange of trade policy commitments in periodic negotiations [5].

The WTO establishes a framework for trade policies; it does not define or specify outcomes. That is, it is concerned with setting the rules of the trade police game, not with the results of the game [6]. Three principles are of particular importance in understanding both the pre-1994 GATT and the WTO: nondiscrimination, trade liberalization, transparency and public health. Trade liberalization can affect health in multiple ways. Sometimes the impact is direct and the effect is obvious, as

when a disease crosses a border together with a traded goods. Other times the effects of trade liberalization are more indirect. For example, reducing tariffs may lead to lower prices for medical equipment and health related products, changing international rules concerning patent protection may affect the prices of medicines and vaccines; importantly also, there is a positive link between freer trade and economic growth, which can lead to reduced poverty and higher standards of living, including better health [7].

The preamble of the ILO Constitution notes that ‘the failure of any nation to adopt humane conditions of labour is an obstacle in the way of the other nations which desire to improve the conditions in their own countries’ [8].

As regards GATT, the General Agreement on Trade in Services (GATS) is one of the most important multilateral trade agreements to emerge from the Uruguay Round negotiations that created the World Trade Organization (WTO). GATS constitutes the multilateral legal framework through which WTO members will approach the progressive liberalization of trade in services, including health-related services. Health policy is an important social endeavor that faces both opportunities and challenges from GATS. Many factors, including the complexity of GATS, the lack of empirical data on international trade in health-related services and on the health effects of liberalized trade in services, and inequalities in resources and power between developed and developing countries create a difficult environment for people in public health and health care who want to understand the actual and potential impact of GATS on their activities. The World Health Organization (WHO) commissioned this Legal Review of GATS from a health policy perspective as part of its efforts to bring the relationship between GATS and health into better focus. Controversies about the impact of GATS on public services, such as health and education, have arisen; and a debate has developed on GATS and health that further complicates discerning how health policy communities should view this WTO agreement. This debate centers on the impact of GATS on the policy flexibility of WTO members in the realm of health [9].

As regards labour rights, The (ILO) formally entered the trade labour interface debate in 1994 at the time of discussion of a possible inclusion of a social clause in the WTO, the establishment of link between trade and labour in differing forms

within NAFTA and the EU, and the conditioning of trade preferences and concessions by some developed countries on respect for labour standards. The ILO set up a working party on the social dimensions of the liberalization of international trade, but in 1995 the ILO's governing body concluded that the working party would not pursue the question of trade sanction and that further discussions of a link between international trade and social standards or a sanction-based social clause mechanism would be suspended.

With respect to trade and labour standards linkages in regional trading arrangements, within the EU the social dimension of European integration took concrete form in 1991 when 11 of the 12 Member States (excluding the UK) signed the community's Charter of Fundamental Social Rights. Another important step in the development of EU social policy was the adoption by the 11 member (excluding the UK) of the protocol on Social Policy at Maastricht in 1991. Recently, the debate over trade and labour rights has been extended to human rights more generally an entirely logical development. However, in the case of other human rights, the debate is much less focused on 'linkage', including sanctions, and much more on the effects of trade obligations on the ability of states, especially developing countries, to fulfill economic, social and cultural rights, such as the right to health or to adequate food. Here, developing countries, although wary about sanctions have been generally supportive of efforts to evaluate and interpret trade agreements in human rights terms [10].

Liberalization of trade and health policy perspective

The provision and consumption of services have become an increasingly important part of modern worlds. The incorporation of services into the multilateral trading system through the General Agreement on Trade in Services (GATS) represents one of the most important developments to emerge from the creation of the WTO. Services of many kinds play important roles in the protection of public health (e.g., sanitation services) and the delivery of health care to individuals (e.g., hospital services). GATS affects health-related services in many ways that are essential for health policy makers to comprehend. In addition, GATS establishes a process designed to progressively

liberalize trade in services and health policy-makers must be prepared to participate in this process to ensure that such liberalization unfolds in a way sensitive to the needs of national governments in ensuring the provision and regulation of health-related services.

Any liberalization under GATS should aim to produce better quality, affordable, and effective health-related services, leading to greater equity in health outcomes. Liberalization should also ensure the necessary policy and regulatory space governments require to promote and protect the health of their populations, particularly those in greatest need. GATS creates health opportunities and challenges, especially for developing countries. GATS accords countries considerable choice, discretion, and flexibility so that proper management of the process of liberalization of trade in health-related services can adequately protect health. In key areas of GATS, governments face choices about the breadth and depth of liberalization of trade in health related services and the impact of such liberalization on health policy. In fact, countries are free to decide whether liberalization in the health sector should be pursued or not and to what extent. Countries are not obliged to liberalize health services if they do not wish to do so. These choices make it imperative that health officials understand the structure and substance of GATS, collaborate with other government agencies on GATS implementation and liberalization, and act to ensure that the GATS process does not adversely affect national health policy.

As regards key provisions of GATS, it creates the multilateral legal framework for international trade in nearly every type of service. The Agreement's 29 articles establish the scope of its rules' coverage, impose general obligations, structure the making of specific commitments, construct a process for progressive liberalization of trade in services, and link the treaty to the WTO's dispute settlement mechanism. Although experts acknowledge that GATS has not, to date, significantly affected trade in health-related services, the potential for GATS to do so through the progressive liberalization process is tremendous. In the GATS 2000 negotiations, countries may be receiving requests from and may consider submitting offers to other WTO members for market access and national treatment commitments in many different health-related service sectors.

Also in this area very interesting subject is

WHO's work on GATS and policy. WHO's work on GATS has, to date, focused on collecting evidence on the potential and actual impact of GATS on the functioning of health systems.

These efforts involve:

Collecting data on trade in health-related services;

Undertaking a wide range of country-based studies;

Conducting regional and national training programs;

Supporting a legal review of GATS from the perspective of health policy;

Developing a Handbook on Trade in Health-Related Services and GATS; and

Tracking and disseminating information on the GATS 2000 negotiations.

Identification of Legal Strategies to Strengthen a Health Policy on GATS

Identifying potential legal strategies to strengthen the voice of health policy in interpretation of GATS is important because health policy communities will have to work within the framework of GATS and relevant rules of international law. Although some NGO literature critical of GATS recommends the termination of the treaty or removal of public services, including health, from GATS, the Legal Review proceeds on the premise that WTO members will not abandon GATS or agree to carve health out of the application of GATS rules because of concerns about its effect on health policy. Prudence dictates that health policy experts and organizations formulate legal strategies to work within the international legal framework that GATS and related rules of international law create, without disregarding possible changes to the agreement to respond to public interests or development needs [11]. In addition to interpreting GATS in accordance with the relevant treaty interpretation rules in international law, the Legal Review seeks to identify specific legal strategies that health policy experts and organizations could utilize in strengthening a health policy perspective on GATS. GATS contains ambiguities that WTO members will have to clarify as the GATS process moves forward. Article 31.3(b) of the Vienna Convention contains one such mechanism—subsequent practice of the states parties to a treaty that establishes the agreement of the parties regarding its interpretation [12].

TRIPS is the importance of interpreting WTO treaties from a health policy perspective. Health policy experts and organizations were able to promote the protection of the safeguards in TRIPS for parallel importing and compulsory licensing by stressing that the treaty text accorded WTO members these rights. In addition, health policy activism helped stimulate subsequent state practice in the form of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health which reinforced WTO members' rights to use TRIPS flexibilities and safeguards for public health purposes. Treaty interpretation from a health policy perspective remains important in other areas of TRIPS as well.

Treaty interpretation from a health policy perspective will not always produce the desired health outcome. In the TRIPS context, for example, controversy has arisen concerning the right of a WTO member to issue compulsory licenses as a strategy to increase access to essential drugs and medicines. Although WTO members have a right under TRIPS to issue compulsory licenses under certain conditions [13], WTO members that lack or have insufficient domestic manufacturing capabilities confront a de facto limitation on the ability to use compulsory licenses. The text of TRIPS is not clear as to how WTO members can address this problem. In the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health, WTO members instructed the TRIPS Council to find a resolution to this problem, but controversy and disagreement on how to resolve the issue frustrated the TRIPS Council's progress until the August 2003 adoption of the Agreement on the Implementation of Paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health. The question arises whether the provisions of GATS may also provide insufficient flexibility for health policy makers, transferring the issue from the realm of treaty interpretation into treaty implementation or revision. Health concerns often seem to have insufficient weight in decisions many governments make in international forums, such as the WTO. GATS forces WTO members to think about health in connection with the growing role of services in modern economies and the impact of globalization trends, particularly on the poor.

Core labour standards (CLS) as human rights

Various CLS have been characterized as human rights the UN Universal Declaration of Human

Rights, the subsequent international Covenant on Civil and Political Rights, and International Covenant on Economics, social and Cultural rights. The ILO's 1998 Declaration of Fundamental Principles and Rights at Work enumerates a short list of core international labour standards that are defined more fully in eight background Covenants incorporated by reference, namely, freedom of association and collective bargaining, the elimination of forced labour, the elimination of child labour, and the elimination of discrimination in employment, which is also consistent with the characterization of certain core labour standards or rights as human rights, especially that guarantee basic freedom of choice in employment relations [14]. Labour standards have been used in the Generalized System of Preferences a preferential system to provide duty free access to exports of developing countries by (most notably) the European Union and the United States of America. Currently, there is a revision of the EU's GSP scheme, the potential implications of which may be considerable given that the new GSP plus scheme appears to target not only ratification of the fundamental Conventions, but also application of Conventions in line with comments from the ILO supervisory bodies. This has the potential to be very problematic for employers.

Anartya Seb argues in his book *Development as Freedom* [15] that basic goals of development can be conceived of in universalistic terms where individual well-being can plausibly be viewed as entailing certain basic freedoms irrespective of cultural context:

- Freedom to engage in political criticism and association;
- Freedom to engage in market transactions;
- Freedom from the ravages of preventable or curable disease;
- Freedom from the disabling effects of illiteracy and lack of basic education;
- Freedom from extreme material privation.

According to Sen, these freedoms have both intrinsic and instrumental value. Importantly, in contrast to the unfair competition and race to the bottom rationales for linking international trade policy and international labour standards, the human rights perspective focuses primarily on the welfare of citizens in exporting, not importing countries. The assumption underlying this concern

for basic or universal human rights is that failure to respect them in any country is either a reflection of the decision of unrepresentative or repressive governments rather than the will of the citizens or a sign of the majoritarian oppression of minorities, for example, children, women or racial religious minorities; alternatively, there may be paternalistic concerns that citizens in other countries have made uninformed or ill-advised choices to forgo these basic rights.

In my view, the linkage of international trade policy, including trade or other economic sanctions, with CLS that reflect basic or universal human rights is a cogent one. When citizens in some countries observe gross or systematic abuses of human rights in other countries, the possible range of reactions open to them include diplomatic protests, withdrawal of ambassadors, cancellation of air landing rights, trade sanctions or more comprehensive economic boycotts, or at the limit, military intervention.

Arguing that doing nothing is always or often the most appropriate response is inconsistent with the very notion of universal human rights. In extreme cases, such as war crimes, apartheid, the threat of chemical warfare in the case of Iraq, genocide in the case of Serbia, or the Holocaust in the case of Nazi Germany, excluding a priori economic sanctions from the menu of possible options seems indefensible. Whether it is the most appropriate option may, of course, be context specific and depend both on the seriousness of the abuses and on the likely efficacy of the response choice of instrument, issues to which we turn next. But it is sufficient for present purposes to restate the point that to the extent that CLS are appropriately characterized as basic or universal human rights, a linkage between trade policy and such labour standards is not only defensible but arguably imperative, in contrast to the other two rationales for such a linkage which, despite their much longer historical lineage, are largely spurious and inconsistent with the central predicates of a liberal trading system. However, CLS viewed as basic or universal human rights, by promoting human freedom of choice, are entirely consistent with a liberal trading regime that seeks to ensure other human freedoms, in particular the right of individuals to engage in market transactions with other individuals without discrimination on the basis of country of location [16]. Having said this scope and definition of the class human rights viewed

as sufficiently universal as to warrant potentially the imposition of trade sanctions for their violation is problematic in various respect. Even CLS are not susceptible to uncontentious understandings of their scope. The scope of many economic, social and cultural rights is controversial [17]. These controversies do not obviate the normative force of the rights themselves, but do have implications for the choice of instrument and choice of institutional arrangement for addressing the trade policy-labour standards linkage, to which we now turn. As regards developing country: From a developing country perspective, the conventional wisdom is that unlike the case with developed countries, increased integration with the world economy will be beneficial to less skilled workers. But this does not seem to be supported by the available empirical evidence, which suggests that many developing countries experienced rising wage inequality after opening to international trade. It appears possible that there is a pervasive skill bias in globalization. It is also uncertain what prospects international trade offers in creating jobs in developing countries, particularly those located in Africa and Latin America [18].

Human rights beyond labour rights

Since the end of the Cold War, two main visions have guided the evolution of international law and institution the visions of human rights and humanity and that of economic globalization. Both visions have offered challenges to traditional and understandings of sovereignty: they have given a new significance to non-state actors in the evolution and implementation of international law. Both have often given rise to demands and aspirations to global politics and constitutionalism as well as new relationship between local, national, regional, and global levels of governance. However, the legal, institutional and policy cultures of international human rights law and of international trade, financial and investment law have developed largely in isolation from one another [19].

As a matter of international law, the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) and the WTO are, in the first instance treaty regimes. A fundamental structural characteristic of the international legal system is that of decentralization without hierarchy. Treaty norms in the ICCPR and ICESCR and other human rights instruments have an equal

legal status to those in the WTO (a few such norms, related to prohibitions on torture and slavery have a higher status as *ius cogens* or preemptory norms of International law, trumping treaty obligations to the extent of inconsistency).

A large majority of states are signatories to both the WTO Single Undertaking (the core WTI treaties) and the ICCPR and ICESCR. The principle of decentralization without hierarchy, along with that of giving full effect to international obligations, implies the need to interpret and to develop these regimes in a complementary and consistent fashion to the extent possible. As the Report of the international Law Commission (ILC) on fragmentation of international law notes, 'In international law, there is a strong presumption against normative conflict' [20].

The Declaration on Trade-related Intellectual Property Rights (TRIP) and Public Health and the Kimberly (Conflict Diamonds) waiver reflect an unacknowledged debt to human rights consciousness in the WTO. The current Director-General of the WTO, Pascal Lamy, has written about globalization with a human face, and his conception of the economic sphere, including the international economic sphere, is deeply rooted in the notion of humanity. More recently, a joint study by the ILO and the WTO Secretariat explicitly refers to freedom of association and the right to collective bargaining as 'universally recognized Human Rights', urges their respects as such and not just for instrumental reasons of social peace, and refutes with empirical evidence the notion that respect for such rights harms competitiveness [21].

Sen vigorously challenges the view that human rights are 'luxury goods' that poor countries cannot afford until they have achieved a certain level of prosperity; instead, the improvement of economic welfare depends upon respect for rights in many and complex ways. More recently, Alan Sykes has noted that, generally speaking, there is a positive correlation between a country's openness to trade and its tendency to respect human rights. This puts into question the idea that poor countries should or must sacrifice human rights or postpone their realization for the sake of openness to trade, and an outward-oriented development strategy [22].

Conclusions

Finally, it could be said that, increasingly, discussion in the international policy community on the relationship between liberal trade and la-

bour rights has focused on the issues of compliance with core universal rights, which have a close relationship to the rights contained in general international human rights instruments such as the UN Declaration and the UN Covenant, on Civil and Political Rights.

Competitiveness-based claims about 'social dumping' have become less prominent, and the notion that the objective should be to obtain some kind of 'level playing field' between developed and developing countries is now less and less heard, even from labour rights advocates on the left of the political spectrum. In sum, contrary to the picture still painted by some free traders, the claim for a trade and labour rights link is not some fanatical or protectionist adventure to attempt harmonization of conditions of work across the world, regardless of different economic and cultural conditions.

The UN human rights institutions have increasingly addressed themselves to the challenge of ensuring that trade liberalization commitments enhance rather than constrain the ability of states, and particularly developing countries, to realize, in particular, economic and social rights, such as the right to health. So there is the danger that if the issue of labour standards is not discussed in an appropriate multilateral forum such as the ILO, it will be taken up in other contexts such as bilateral, and regional trade agreements. For example, as part of the price to get congressional approval in the US of the North American Free Trade agree-

ment, Mexico and Canada had to agree to a side agreement on labour and environmental standards. Since the start of the Uruguay Round, there was a disturbing and unfortunate increase in the number of discriminatory regional trade agreements concluded, as well as proposed. Contrary to the expectation of some, the successful conclusion of the Round did not stop this trend on the contrary, there is some evidence of acceleration. Many developing countries are already members or eager to become members of such agreements. This eagerness might lead them to accept side agreements on labour standards that are not necessarily in their interest.

As regards WTO and public health, like other WTO agreements, GATS does not privilege the protection of human health within its architecture for trade liberalization. GAT's has become the process through which health policy in connection with trade in services will be vetted, and the process sometimes places burdens on WTO members seeking to protect and promote health. Further, the GATS process may adversely affect developing countries more than developed countries. And, finally, it should be noted that liberalized trade in health-related services should lead to an optimal balance between preventive and curative services and involvement of both private industry and civil society is important to ensure that liberalization of health related services promotes participatory health policy towards achieving national goals.

References

1. M. Bronckers, 'More Power to the WTO', *Journal of International Economic Law*, 2001, 41 (reproduced by permission of Oxford University Press).
2. M. Khoh, 'un gouvernement mondial dans l'ombre' *Le monde Diplomatique*, May 1997.
3. Steve Suranovic, 'International Trade Theory and Policy', 2013, p.25.
4. Steve Suranovic, 'International Trade Theory and Policy', 2013, p.27.
5. Bernard Hoekman, Aaditya Matto, and Philip English, 'Development Trade and the WTO', 2002, p.41.
6. Bernard Hoekman, Aaditya Matto, and Philip English, 'Development Trade and the WTO', 2002, p.42.
7. 'WTO Agreements and public health', a joint study by the WHO and WTO secretariat, published 2002, p.23.
8. International Labour Organization (ILO), *Constitution of the International Labour Organization (ILO)*, 1 April 1919, p.15.
9. David P. Fidler, *Legal Review of the General Agreement on Trade in Services (GATS) from a Health Policy Perspective*, 2004, p.3.
10. See E. Alben, 'GATT and the Fair Wage: A Historical Perspective' (2001) 101 (6) *Columbia Law Review* 1410-47.

10. Chantal Blouin, Nick Drager, Richard Smith International Trade in Health Services and the GATS: Current Issues and Debates, 2006, p.185.
11. Article 31.3(b) of the Vienna Convention; accessible at: www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/repertory_e/i3_e.htm
12. TRIPS, article 31; accessible at http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_04c_e.htm
13. Michael J. Trebilcock and Robert Howse 'The Regulation of International Trade', published 2005.
14. See A. Sen, Development as Freedom (New York: Oxford University Press, 1999) p.132.
15. See Molatlhegi, op.cit.,ch.3; McCrudden and Davies op.cit.; S. Cleveland, 'Human Rights and International Trade: A theory of Compatibility' (2002) 5(1) Journal of International Economic Law 133-89.
16. M. Ignatieff, Human Rights as Politics and Idolatry NJ; Princeton University Press, (2001).
17. International Trade and Labour Markets. accessible at: <http://www.odi.org.uk/events/2026-international-trade-labour-markets>.
18. R. Howse and R. Teitel, 'Beyond the Divide: The Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and The World Trade Organization', Occasional Paper No. 30, Friedrich Ebert Stiftung, Geneva, Switzerland, April 2007.
19. International Law Commission, 'Fragmentation of international Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law', Report of the Study group of the International Law Commission, finalized by Martti Koskenniemi, para.37.
20. Ronald A. Cass and Michael S. Knoll 'International Trade Law', Second series, published 2003.
21. A. O. Sykes, "International Trade and Human rights: An Economic Perspective", University of Chicago Law and Economics Olin Working paper No.188, May 2003.

*Александр Байков, Dr. iur., доцент
Балтийская Международная Академия
Латвия*

Рецензия на сборник курсов лекций В. Никифорова „В. Никифоров. КУРСЫ ЛЕКЦИЙ. Рига, 2018”

Рецензируемая работа доктора философских наук, профессора В.И. Никифорова (В. Никифоров. КУРСЫ ЛЕКЦИЙ. Рига, 2018) представляет собой сборник курсов-конспектов, и является своеобразным промежуточным итогом научно-преподавательской деятельности автора по проблемам теории и методики научной работы, логики, философии, риторики и методики подготовки научных работ, адресованных бакалаврам, магистрантам и докторантам.

Нельзя не отметить принцип, которым руководствовался автор при подготовке, вошедших в сборник работ: ясность изложения является производной от глубины понимания. В этой связи, очевидными достоинствами работы являются безукоризненный литературный стиль автора, органично сочетающийся с простотой изложения материала, а также широта охвата и глубина освещения анализируемых проблем.

Структурно материал сборника курсов лекций в зависимости от уровня обучения распределен на три части: курсы лекций, адресованные, соответственно, бакалаврам, магистрантам и докторантам, хотя в отдельных случаях различия между курсами просматриваются лишь по широте и глубине, и эвристической насыщенности или уровню поднимаемых автором вопросов, касающихся эвристических методов исследований, фундаментальных методов научного познания.

К материалам, адресованным бакалаврам, автор отнес такие курсы лекций, как: теория и методика учебной и научной работы студента (С.6 - 80), логика (С.79 -135), риторика (С.136 - 189), основы современной философии (С.190 - 261). К спецкурсам для магистрантов относятся логика и методология научных исследований (С.262 - 312), эвристические методы исследований и разработок (С.312 - 369), методика подготовки дипломных работ (С.369 - 427). В спецкурсе, адресованном докторантам

представлены размышления автора по основополагающим вопросам проблемологии как теории и методологии (С.428 - 518).

В курсе-конспекте «Теория и методика учебной и научной работы студента», предназначенном для студентов, обучающимся по всем, реализуемым в Балтийской Международной Академии программам, автор определяет место и роль учебной дисциплины в бакалаврской программе обучения, обращается к характеристике приобретаемых в процессе обучения компетенций, акцентирует внимание на роли образования и науки, характеризует теоретические и методологические основы обучения, анализирует технологию обучения и методику научной работы студента, рассматривает теорию и методологию научной работы, методику исследовательской работы студента, затрагивает основополагающие вопросы методики его исследовательской работы, регламентирующие порядок установления и прекращения ограниченных прав, имеют место в главе о праве собственности, что подчеркивает нарастающий интерес законодателя к сервитутам, а значит и необходимость их полного переосмысления.

информационного обеспечения, как учебного процесса, так и научного исследования. Представляется важным отметить, что основной посыл этой работы - научить студента учиться.

Заслуживают внимания выделенные в работе критерии научности и истинности, «технологии» научного познания, языка, как средства выражения, построения и развития научного познания, методы эмпирического и теоретического познания. Несомненно, полезны методические рекомендации по написанию письменных работ, и сформулированные требования к их оформлению, начиная с письменного экзамена.

В курсе лекций «Логика», важность и

значимость которого в подготовке специалиста невозможно недооценить, рассматриваются основополагающие вопросы курса, в том числе структуры мышления и логики, предмета и значения логики, раскрывается содержание и объем понятия, логические отношения между понятиями, логические операции с понятиями, обращается внимание на классические определения понятий, дается общая характеристика суждения, раскрываются законы логики: тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания, дается характеристика умозаключений, анализируется теория аргументации, рассматриваются логические парадоксы и софизмы.

Принимая во внимание то, что профессиональные интересы автора рецензии связаны с правоведением, оцените теоретической ценности и практической значимости работ, включенных в рецензируемый сборник, даются на основе материалов юриспруденции.

Рассматривая курс лекций «Логика» с точки зрения теоретической ценности и практической значимости, важно понимать, что именно логические основания права предопределяют своеобразную область действительности – мир права. Одной из существенных черт этого особого «мира», в отличие от других сфер, например, морали, религии, представляющих «сущее», для права, которое также является фактом реальности, т.е. налично существующим, характерно долженствование. Иначе говоря, правовые нормы говорят не только и под известным углом зрения даже не столько о том, что реально существует, а о том, что должно быть. Попутно заметим, что именно эта черта послужила основой для возникновения теории нормативизма Г. Кельзена, для сторонников которой характерно забвение того, что право относится именно к сфере долженствования, в которой последнее приобретает особый характер, что, в конечном счете, предопределяет юридическую логику.

Учитывая сложность, неоднозначность и многоликость права, его можно рассматривать под разными углами зрения, означающими, в конечном счете, тот или иной тип правопонимания. Соответственно, помимо правовых норм, которые предстают как искусственное творение, порождение ума и опыта людей право, может и должно рассматриваться как особое

социальное образование, имеющее свою особую природу и логику, как явление культуры, мировоззренческого порядка, представляющего собой одно из проявлений совместной жизни разумных людей в цивилизованном обществе.

Тем не менее, в истории правовой мысли можно найти примеры отрицающие значение логики для права. Так, например, известный немецкий ученый Р. Иеринг, полагал, что право – это понятие не логики, а силы с чем, конечно же, в полной мере невозможно согласиться, поскольку речь идет о свойствах права, находящихся в различных плоскостях, и сила права ни в коей мере не посягает на его логику и не отрицает её.

При всем многообразии типов правопонимания никто не отрицает значимости позитивного или объективного права, являющегося центральным звеном, категорией в мире права. В этом качестве права, качестве нормативного образования, ярко проявляют себя его исходные частицы – правовые нормы, характеризующиеся строгой формальной определенностью, и уже на прагматически прикладном уровне права предстает в качестве логической системы, соответствующей нормам и требованиям формальной логики. Как нормативное образование право призвано выступать в общественной жизни в виде логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной системы норм, принципов, институтов и отраслей.

По своему юридическому содержанию объективное право может быть представлено в виде своеобразной обители логики. Любая правовая норма, направленная на решение практических задач, предстает в качестве логического силлогизма, в котором большая посылка – это правовая норма (формально конституированная или формально предполагаемая), малая посылка – жизненный случай, заключение – властное, юридически значимое действие.

Говоря о юридической логике, которая осуществляется, как в позитивном праве, так и в правовой идеологии, правовой политике, юридической практике, следует отметить те жесткие закономерные связи в праве, которые и являются логикой права, т.е. такими жесткими закономерными связями, которые своеобразно специфике данного предмета ведут к наступлению предусмотренных ими

последствий.

Никто не будет отрицать того, что мир права – это более чем очевидная сфера яркого проявления и формальной логики и, конечно, деонтической (юридической) логики. Хотя, говоря словами И. Канта, логика обеспечивает лишь формальную правильность, а не истинность суждений и никакими критериями она не в состоянии обнаружить заблуждения, касающиеся не формы, а содержания. Тем не менее, логика права просматривается уже на уровне структуры правовой нормы, системы любой отрасли права и системы права в целом. Ничуть не меньше логика проявляется, как в процессе нормотворчества, так и процессе правоприменения. Подчеркивая значение логики, Л. Фейхтвангер называет логику «богом мыслящих». Вместе с тем нелишне отметить, что еще не в полной мере раскрыты связи и соотношения, которые выражают логику права.

В курсе лекций «Риторика» автор, прежде всего, определяет цели курса, характеризует его содержание и структуру, подчеркивает, что освоение материалов курса, для профессиональной деятельности не менее важно, чем профессиональные знания и компетенции. В конце концов, любой специалист, любой человек, как говорили древние, должен говорить так, как говорит народ, и мыслить, как мыслят ученые – «*oquendum ut vulgus; sentien- dum ut docti*».

В материалах курса содержится исторический экскурс в теорию и практику ораторского искусства, уделяется внимание теории аргументации, структуре, композиции, технике речи, ее лексическим приемам, специфике, содержанию и формам делового общения, условиям эффективности переговоров, советам практического свойства, например, о том как давать интервью, что следует учитывать при подготовке презентаций, каким требованиям должна соответствовать деловая переписка, деловое общение по телефону. Отдельно рассмотрены сущность, цели и средства полемики, технология полемики и полемические уловки.

В свое время известный немецкий ученый Г. Еллинк небезосновательно

утверждал, что законодатель должен мыслить как философ, а говорить как крестьянин, что предполагает знания логики и философии, риторики. Вряд ли можно решать вопросы

системы любой отрасли права и системы права в целом без понимания, как общих вопросов логики, так и таких отдельных, но, тем не менее, существенных проблем философии, как, например, природы эмерджентности, что особенно важно для понимания структуры права, его системы; принципа супервентности, рациональности и других не менее значимых вопросов философии, имеющих непосредственное отношение к пониманию природы права, его системы, источников.

В курсе лекций «Основы современной философии» рассматриваются основополагающие проблемы философии как формы общественного сознания, включая ее специфику как формы общественного сознания. С этой целью автор рассматривает такие исторически более ранние формы общественного сознания как мифологию и религию, взаимосвязь философии, натурфилософии и конкретных наук. Принимая во внимание, значимость выполняемых философией мировоззренческой и методологической функций, автор на примерах раскрывает их содержание в современном мире, характеризуют типы философских теорий и методы философского познания мира, анализирует систему категорий философии и законы философии, раскрывает сущность и структуру процесса познания, понятие истины и критерии истины. На базе трудов ученых-философов прошлого в работе демонстрируются присущие философии религии подходы к доказательству существования бога.

В работе последовательно рассматривается проблематика философии истории, раскрывающая концепции понимания общества в философии; затрагиваются основные проблемы философии природы, включая содержание понятий «материя» и «материальное», демонстрируются структурные уровни организации материи, дается классификация форм движения материи, объясняются концепции понимания природы пространства и времени.

Раскрывая многоаспектность вопросов, которые исследует философия науки, автор обращается к предмету, проблемам и структуре философии науки, ее философским основаниям, демонстрирует механизмы роста научного знания в философии. Не меньший интерес представляют собой мысли автора по вопросам философии техники и философии образования,

проблематике философской антропологии, смысла жизни. Актуальны и практически значимы философские проблемы глобализации и философия цивилизации.

Вторая часть сборника, адресованная непосредственно магистрантам, начинается с курса-конспекта «Логика и методология научных исследований», в котором речь идет о науке как форме общественного сознания, дается характеристика оснований науки и критериев научности, раскрываются основания науки и критерии научности, содержание и специфика логического и методологического анализа науки, технология научного познания и познавательного цикла, анализируются средства и методы научного познания, основные методологические концепции.

Курс «Эвристические методы исследований и разработок» адресован магистрантам. Начиная курс, автор определяет значимость проблематики этого курса, его цели, содержание и структуру. Затем автор последовательно обращается к характеристике морфологического анализа, мозгового штурма, синектики, метода анализа иерархий, SWOT-анализу, методу «ПАТТЕРН» (Planning Assistance Through Technical Evaluation Relevance), сетевых методов планирования, методу «ПЕРТ» (PERT - Program Evaluation and Review Technique), методу «Дельфи», разработке сценариев, методу Preference Ranking Organization Method Of Enrichment Evaluation (Promethee).

Следующей, вошедшей в сборник работой, является курс-конспект «Методика подготовки дипломных работ», включающий в себя проблематику формулирования целей, характеристику содержания и структуры курса. Автор рассматриваются дипломной работы, информационное обеспечение дипломного исследования, отмечаются содержательные и формальные требования к тексту дипломной работы, указываются требования, предъявляемые к оформлению текста дипломной работы и формулируются соответствующие рекомендации, рассматривается процедура и даются рекомендации по защите дипломной работы, а также по оформлению списка использованной литературы на различных языках.

Заканчивает сборник курсов-конспектов спецкурс для докторантов «Проблемология как теория и методология», в котором

рассматриваются вопросы методологической рефлексии как средства построения теории и методологии проблем, понятийный аппарат теории и методологии проблем, проблемные ситуации в структуре деятельности, генезис, структура, функции проблемы. В отличие от ранее рассмотренных, по широте и глубине охвата традиционных курсов, курс проблемологии в прямом смысле является курсом авторским.

Ценность рецензируемой работы определяется, прежде всего, тем, что в общемировоззренческом аспекте знания логики и философии являются одним из основных условий сохранения человеческой цивилизации, а в прагматически-прикладном служат залогом успешного освоения, а в дальнейшем творческого применения в процессе практической деятельности профессиональных знаний, формирования различных компетенций, перманентного повышения профессиональной квалификации и карьерного роста.

Как известно, существуют многочисленные типы правопонимания, в основе которых лежат те или иные философские подходы, знание и понимание которых необходимо для формирования всеобъемлющего синтетического, интегративного подхода, включающего в себя все наиболее значимые стороны, аспекты всех ранее сформировавшихся теорий права.

Безусловно, привлекательной стороной рецензируемой работы является подбор курсов лекций, дающий полное представление об образовательном процессе и научной деятельности студента на всех стадиях обучения, аргументированность авторских суждений, строгая доказательственная логика, изложение теоретического материала простым, понятным для восприятия языком, которое неизменно сопровождается многочисленными примерами, ссылками на мнения, афористичные мысли известных ученых-философов, которые органично вплетены в ткань работы и использованы автором как эпиграфы, или интегрированы в текст соответствующих курсов лекций.

Позитивно следует оценить и предлагаемые автором перечни основных источников практически по всем темам соответствующего курса лекций, обращение к которым заинтересованного читателя непременно будет содействовать расширению

его кругозора.

Информационной насыщенности курса содействуют многочисленные схемы и таблицы, иллюстрирующие предлагаемый для изучения материал.

Несомненно, рецензируемый сборник работ В.Е. Никифорова будет полезен как студентам, обучающимся по программам бакалавриата и магистратуры, докторантам и молодым ученым, так и преподавателям социальных и гуманитарных наук, а также всем тем, кто интересуется вопросами логики, философии, риторики, проблемологии.

Представляется, что рецензируемый сборник курсов лекций является счень ценным в методологическом, дидактическом, культурологическом, а также научно - познавательном смысле. Своей работой автор вносит весомый вклад в решение проблемы формирования в общественном сознании адекватного образа науки в целом и логики и философии в частности, что позволит, как отмечается в философской литературе,

преодолеть нередко встречающиеся в современном обществе проявления негативного отношения к науке.

В это связи критический обзор работ проф. В.И. Никифорова представляется возможным завершить словами А. Шопенгауэра, утверждавшего, что «...оружием философа служат не авторитеты, а доводы; только ими поэтому отстаивал я свой взгляд и надеюсь все-таки, что доказал его с такой очевидностью, которая дает мне теперь бесспорное право сделать вывод а *non posse ad non esse*, т.е. от невозможности к действительности (лат.).

В заключение хочется пожелать автору новых творческих свершений, не менее содержательных, интересных работ, стимулирующих студентов, молодых ученых и специалистов к глубокому осмыслению проблем соответствующей отрасли знаний, безусловно предполагающему основательную философскую базу.

Informācija autoriem

„Baltijas Juridiskais žurnāls” ir dibināts 2002.gadā. Žurnāla dibinātais un izdevējs – Baltijas Starptau- tiskā akadēmija. Žurnālā tiek publicēti zinātniskie un analītiskie raksti par aktuālajam juridiskās zinātnes un prakses jautājumiem gan Baltijas reģionā valstīs, gan ārpus tā. Žurnāls iznāk vienu reizi ceturksnī.

„Baltijas Juridiskais žurnāls” publicē rakstus latviešu, krievu vai angļu valodā. Publicēšanai tiek pieņemti raksti, kas veltīti aktuāliem un nozīmīgiem no teorijas un/vai prakses viedokļa jurisprudences jautājumiem. Raksta tēmai ir jābūt izklāstītai skaidri, loģiski un argumentēti.

Prasības attiecībā uz iesniedzamā raksta saturu un noformējumu:

1. Raksta apjoms nevar būt mazāks par 7 lappusēm un vēlams nepārsniegt 12 lappušu apjomu. Rakstam ir jābūt noformētām Microsoft Word formātā. Lappuses formāts – A4. Lapas malas – 20 mm katrā.

2. Teksta noformējums: fonts Arial; burtu izmērs 12 pt; attālums starp rindām – 1 (single); Rindkopas pirmajai rindai ir jābūt ar atkāpi 1.5 mm.

3. Iesniegtajā rakstā ir jābūt šādām sastāvdaļām un tās ir jānoformē šādi:

1) raksta nosaukums - fonts Arial, burtu lielums 14 pt, Bold, centrēts;

2) informācija par autoru (-iem) – fonts Arial, burtu lielums 12 pt, Bold, centrēts – vārds un uzvārds; zinātniskais un/vai akadēmiskais grāds (Dipl.iur., Mg.iur., Dr.iur., PhD., u.c.); ieņē- mamais amats un darba vai studiju vietas nosaukums (aspirantiem un doktorantiem nepieciešams norādīt pilnu mācību iestādes nosaukumu);

3) anotācijā nepieciešams dot īsu tēmas aprakstu; anotācijai ir jābūt 6-7 teikumu robežās (fonts Arial, burtu izmērs 10 pt);

4) pēc anotācijas jāiekļauj atslēgas vārdi (5-6) – svarīgākie no rakstā izmantotajiem terminiem, kuri atspoguļo tēmas problemātiku (fonts Arial, burtu izmērs 10 pt).

Raksta nosaukumam, informācijai par autoru (-iem), anotācijai un atslēgas vārdiem ir jābūt trīs valodās: krievu, latviešu un angļu (ārzemju autoriem – tikai krievu un angļu valodā).

4. Rakstā ir nepieciešams iekļaut un izcelt šādus struktūras pamatelementus: problēmas nostādne; tēmas aktualitāte vai zinātniskā novitāte; tēmai atbilstošo pēdējo publikāciju apskats (nora- dot autoru uzvārdus publikācijas valodā un iekāvās, izceļot ar kursīvu (Italic), angļu valodā, kā arī attiecīgas publikācijas gadu); autora pētījuma mērķis; pētījuma galvenie rezultāti, secinājumi; izmantoto avotu saraksts. Uzskaitīto elementu nosaukumiem, kā arī citiem raksta struktūrele- mentiem (nodaļas, apakšnodaļas u.c.) ir jābūt izceltiem tekstā (Bold).

5. Atsauces raksta tekstā jānorāda iekāvās, sākumā norādot izmantotā avota numuru un aizko- mata lappusi (es) – [1, 56]. Ja nepieciešams norādīt vairākus avotus, tad tiem jābūt uzrādītiem pieau- gošā secībā, atdalot ar semikolu – [2, 56; 7, 34; 8, 567].

6. Normatīvo aktu un literāro avotu bibliogrāfiskais saraksts (ne mazāk, kā 8 avoti) tiek novietots raksta beigās. Avotu izkārtojumam jāatbilst to pirmās norādīšanas raksta tekstā secībā (fonts Arial, bur- tu izmērs 10 pt). Pēc izmantoto avotu bibliogrāfiskā saraksta oriģināla valodā, nepie- ciešams norādīt tos pašus avotus angļu valodā, apzīmējot šo sarakstu kā References.

7. Ilustrācijas, tabulas un zīmējumi, kuri tika radīti ar MS Office, MS Visio līdzekļiem ir jāievieto lappuses darba laukumā atsevišķos rāmjos. Ar citu programmu palīdzību radīti zīmējumi jāie- vieto attiecīgajā vietā tekstā, kā arī jāpievieno atsevišķos failos, kuru formāts var būt: .jpeg, .tiff, .pdf, .psd. Visiem grafiskiem materiāliem ir jābūt melnbaltiem.

Raksts publicēšanai ir iesniedzams elektroniskā veidā, nosūtot visus materiālus uz e-pasta adre- si:

blj.bsa.edu@gmail.com

Visi raksti tiek recenzēti. Redakcijai ir tiesības veikt teksta literāro un redakcionālo korekciju. Redak- cijai ir tiesības nepieņemt publicēšanai rakstus, kuru noformējums un saturs neatbilst prasībām.

Information for Authors

“Baltic Journal of Law” was founded in 2002. Founder and Publisher - Baltic International Academy. The journal publishes scientific and analytical articles on current issues of jurisprudence and practice in the Baltic region and beyond. It is published quarterly.

“Baltic Journal of Law” publishes articles in Latvian, Russian and English. Only articles on themes relevant and important for the theory of law and law enforcement practice are accepted for publication. The theme of the article should be disclosed in a clear, logical and well reasoned way.

The requirements to the structure and the layout of articles are the following:

1. The size of the submitted article should be not less than 7 pages and preferably not exceed 12 pages. The article is presented in Microsoft Word, paper size - A4, margins along the edges of the page - 20 mm on each side.

2. The text of the article: font Arial; font size 12 pt; line spacing 1, the first line of each paragraph with indentation 1.5 mm.

3. Components of the articles should be laid out as follows:

1) the title of the article (font Arial, font size 14 pt, Bold, Center);

2) Information about the author (font Arial, font size 12 pt, Bold, Center): the name and surname of the author(s), their scientific and academic degree, position and place of work (for postgraduate and doctoral students the full name of the university, the name of departments not specified);

3) the abstract should be in the range of 6-7 sentences, and describe the main ideas of the article (font Arial, font size 10 pt);

4) after the abstract the key words (5-6) follow, which are the most important concepts discussed in the article and related to the theme (font Arial, font size 10 pt).

The title of the article, the information about the author(s), the abstract and keywords should be presented in three languages: Russian, Latvian and English (for foreign authors - only in Russian and English), in separate blocks for each language.

4. The article should have the following basic structural parts consecutively emphasized in the text: the statement of the problem, its relevance / importance, the analysis of recent publications on the subject of the article, the purpose of the research conducted by the author, main findings, conclusions, and the list of references. The titles of the structural elements, as well as parts of the article, in the case of their designation by the author, should be marked in bold.

5. References to the sources are given inside the article in square brackets after the quote (first the number of the source is given, and then, after a comma, the page number; references to several sources with indication of the pages are separated by a semicolon).

6. The bibliographic list of regulations, normative acts and references to literary sources is placed at the end of the article with the use of the numbering arrangement starting with the first reference to the source of information in the main body of the text (font Arial, font size 10 pt). After the references in the original language of the source, the same sources must be translated in English.

7. Illustrations, tables, figures, created by means of MS Office and MS Visio should be located within the working area of a page. Figures created in other programs are inserted into the text at the appropriate place and attached to the article in separate files in .jpeg, .tiff, .pdf, or .psd. Figures in .jpeg and .tiff should have a resolution not less than 300 pixels / inch. All graphic materials inside the articles should be in black and white.

Articles for publication are e-mailed to the address: blj.bsa.edu@gmail.com

All articles are subject to reviewing by the Editorial Board, which is entitled to perform a literary editing of submitted texts. The Editorial Board has the right to reject articles submitted for publication in violation of these requirements.

Информация для авторов

«Балтийский юридический журнал» основан в 2002 году. Учредитель и издатель – Балтийская Международная академия. В журнале публикуются научные и аналитические статьи по актуальным проблемам юридической науки и практики в странах Балтийского региона и за его пределами. Журнал выходит один раз в квартал.

«Балтийский юридический журнал» публикует статьи на латышском, русском или английском языках. К публикации принимаются статьи на актуальные, значимые для теории права или правопримени- тельной практики темы. Изложение темы должно быть ясным, логичным и аргументированным.

Требования к структуре и оформлению статей.

1. Объем представляемой статьи: от 7 до 12 страниц. Статья должна быть оформлена в формате Microsoft Word. Формат листа – А4. Отступы по краям листа: по 20 мм с каждой стороны.
2. Оформление текста статьи: шрифт Arial; размер букв 12 pt; межстрочный интервал – 1; первая строка каждого абзаца начинается с отступа 1.5 мм.
3. Составные части статьи оформляются следующим образом:
 - 1) название статьи (шрифт Arial, размер букв 14 pt, Bold, центруется);
 - 2) информация об авторе (шрифт Arial, размер букв 12 pt, Bold, центруется): имя и фамилия автора (авторов); научная и академическая степень; должность и место работы (для аспи- рантов и докторантов указывать полное наименование ВУЗа, название кафедр не указы- вать);
 - 3) аннотация должна быть в пределах 6-7 предложений, в ней описываются основные поло- жения статьи (шрифт Arial, размер букв 10 pt);
 - 4) после аннотации даются ключевые слова (5-6) - важнейшие понятия, которые рассмотрены в статье и отражают ее проблематику (шрифт Arial, размер букв 10 pt).

Название статьи, информация об авторе, аннотация и ключевые слова должны быть представлены на трех языках: русском, латышском и английском (для зарубежных ав- торов – только на русском и английском языках), отдельным блоком на каждом языке.

4. В статье должны присутствовать и быть последовательно выделены в тексте следующие ос- новные структурные элементы: постановка проблемы, ее актуальность / значимость; анализ последних публикаций по теме статьи, с указанием фамилий авторов на языке статьи и в скоб- ках на английском языке курсивом (Italic), а также года публикации; цель проводимого автором исследования; основные результаты исследования, выводы; список использованных источни- ков. Названия структурных элементов, а также частей статьи, в случае их выделения автором, должны быть отмечены в тексте жирным шрифтом (Bold).

5. Ссылки на источники указываются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой, номер страницы; сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой).

6. Библиографический список нормативных актов и литературных источников (не менее 8) по- мещается в конце статьи с использованием нумерационного расположения записей в библио- графическом списке в порядке первого упоминания сведений из источников в основном тексте статьи (шрифт Arial, размер букв 10 pt). После списка литературы на языке оригинала источни- ка, необходимо указать те же источники на английском языке (подзаголовки – References).

7. Иллюстрации, таблицы, рисунки, созданные средствами MS Office, MS Visio размещаются в рамках рабочего поля. Созданные в иных программах рисунки вставляются в текст на над- лежащее место и прикладываются к статье отдельными файлами в форматах .jpeg, .tiff, .pdf,

.psd. Рисунки в форматах .jpeg, .tiff должны иметь разрешение не мене 300 точек/дюйм. Все графические материалы в оформлении статьи должны быть черно-белыми.

Статьи для публикации представляются в электронном виде на электронный адрес:
blj.bsa.edu@gmail.com

Все статьи рецензируются редакционной коллегией. Редакция вправе осуществлять литера- турное редактирование текста. Редакция имеет право не принимать к публикации статьи, пред- ставленные в редакцию с нарушением данных требований.

Korektore:
Mg. philol. Edite Kačane

lespiests:
Tirāža – 200 eksemplāri